

**Министерство образования и науки
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Курский государственный университет»
Исторический факультет**

ЮБИЛЕЮ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ПОСВЯЩАЕТСЯ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2014

**Материалы научной конференции
с международным участием
(22–24 апреля 2014 г.)**

Курск 2014

УДК 93/99
ББК 63
И90

Редакционная коллегия:
И.А. Конорева (отв. редактор),
И.Н. Селиванов, К.В. Яценко,
В.В. Енуков, О.Н. Аргунов

И90 Исторические чтения – 2014 [Текст]: материалы науч. конф. с междунар. участием (22–24 апреля 2014 г.) / отв. ред. И.А. Конорева; Курск. гос. ун-т. – Курск, 2014. – 160 с. – **ISBN 978–5–88313–838–5**

В настоящем сборнике размещены материалы пленарного и секционных заседаний исторических научных чтений, состоявшихся в рамках недели науки исторического факультета Курского государственного университета в апреле 2014 г., посвященной юбилею факультета.

**УДК 93/99
ББК 63**

ISBN 978–5–88313–838–5

© Коллектив авторов, 2014
© Курский государственный
университет, 2014

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

В настоящем сборнике представлены материалы исторических чтений исторического факультета Курского государственного университета, состоявшиеся в апреле 2014 г. в рамках весенней недели науки, и посвящаются юбилею исторического факультета КГУ. Основными задачами настоящих чтений являются:

- 1) возрождение традиций студенческой науки на историческом факультете Курского государственного университета;
- 2) популяризация исторических научных знаний;
- 3) создание межфакультетских и межуниверситетских связей в рамках студенческой науки.

Организаторами конференции выступили члены студенческого научного исторического общества «Клио» и деканат исторического факультета.

На пленарном заседании были рассмотрены основные направления работы молодых учёных, связанных с рассмотрением актуальных вопросов археологии, истории России и истории международных отношений.

На секционных заседаниях поднимались и другие важные вопросы как отечественной истории, так и всеобщей истории. Впервые в рамках студенческих конференций исторического факультета КГУ была организована отдельная секция «Археологии», в работе которой приняли участие молодые учёные не только из города Курска, но и из Белгорода, Воронежа, Липецка.

Редакционная коллегия рассчитывает, что представленные материалы вызовут интерес у читателей.

МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

А.А. Балашов
Курский государственный университет,
аспирант

ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ И ХАЗАРСКИЙ КАГАНАТ: ПРОБЛЕМА КОНТАКТОВ ПО ДАННЫМ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Интерес к теме отношений восточных славян с Хазарским каганатом возник давно, однако их характер до сих пор вызывает споры, причем в некоторых случаях роль каганата в социально-политических процессах расценивается как безусловно лидирующая и определяющая. В немалой степени причиной столь высокой оценки стали письменные свидетельства, сообщающие о «хакане народа Рос». Это послужило поводом для вывода многих исследователей о существовании в IX в. на территории Восточной Европы раннегосударственного образования, получившего в историографии название «Русский каганат».

Наибольшее внимание исследователями уделяется вопросам причины применения титула «каган» и географического местоположения. Согласно точке зрения Н. Голба и О. Прицака, использование тюркского титула свидетельствует о вассальной зависимости русов от хазар. Развивая дальше свою гипотезу, авторы пришли к парадоксальному выводу, в соответствии с которым Киев был основан хазарами в VIII в.¹ А.А. Горский присоединился к идее, ранее высказанной О. Прицаком, и предположил, что Русский каганат получил свой статус благодаря бегству кагана из Хазарии с последующим династическим браком². Подобные взгляды были подвергнуты обоснованной критике и не получили одобрения³. Популярнее оказалась точка зрения, согласно которой титул кагана русов указывал на равенство с хазарским сувереном⁴.

Не сложилось единого мнения и о локализации Русского каганата. По П. Голдену каганат располагался в бассейне Оки для отражения угрозы со стороны венгров⁵. О. Прицак помещал каганат русов в Ростовскую землю⁶, А.Н. Насонов – в Поднепровье, с центром в Киеве⁷. Гораздо больше распространена гипотеза о размещении Русского каганата в славянских землях, где археологически фиксируются скандинавские древности (Ладога – Рюриково городище – Старая Русса)⁸. Г.В. Вернадский полагал, что скандинавы, проникшие в южные земли еще в середине VIII в., смешались с местным населением и создали к началу IX в. не только вооруженные силы, но и «организованное государство», которое заняло земли нижнего Дона и Приазовья⁹. Оригинальную гипотезу предложила Е.С. Галкина. Развивая концепцию иранского происхождения Руси, Русский каганат, по ее мнению, следует искать в

междуречье Северского Донца и Дона, в материалах салтовской культуры, а под русами древнейших источников следует понимать ее носителей – ала-нов¹⁰. По мнению В.В. Седова, что непосредственную опасность для Хазарии представляли носители волынцевской культуры. Именно о них, по его мнению, говорят арабские и западноевропейские авторы, упоминая «народ Рос». Подобные выводы были сделаны на основе распространения хазарских каменных крепостей, а также учитывая места выпадения кладов с куфическими монетами в IX в. Согласно В.В. Седову, Русский каганат составляли северяне, вятичи и донские славяне, а само раннегосударственное образование прекратило свое существование в 882 г. после захвата Киева Олегом¹¹.

В исследованиях советских, а позднее российских, украинских, а также американских историков порой присутствуют диаметрально противоположные взгляды. Таким образом, немаловажной задачей является характеристика сведений письменных источников о славяно-хазарских взаимоотношениях. Следует особо отметить, что подробный анализ подобного рода материалов – тема для отдельного исследования. На сегодняшний день сведения о славяно-хазарских контактах можно почерпнуть из чрезвычайно разнородных по своему характеру и языку источников.

В «Повести временных лет» неоднократно указывается на прямую зависимость ряда восточнославянских племен от Хазарского каганата и обращается внимание не только на сам факт выплаты дани, но и на ее объем. Так, в недатированной части ПВЛ приводится фрагмент о взимании дани с полян мечами¹². По мнению Г.И. Магнера, этот отрывок носит легендарный характер и, скорее всего, иносказательно передает факт военного конфликта, произошедшего между полянами и Хазарией¹³. В одной из первых датированных статей ПВЛ (859 г.), говорится, что поляне, северяне и вятичи платили «по беле и веверице от дыма»¹⁴. В последующих летописных статьях сообщается, что радимичи (884 г.) и вятичи (964 г.) платили хазарам по «щяльгу от рала»¹⁵. Избавление от господства каганата происходит при Олеге в 884–885 гг.¹⁶. Эти сведения дают нам общее представление о характере славяно-хазарских взаимоотношений.

Однако свидетельства о контактах восточных славян с Хазарским каганатом содержатся не только в древнерусских, но и в целом ряде зарубежных источников. Из их числа наибольшую известность получила переписка между сановником испанских Омейядов Хасдаем ибн Шафрутом и хазарским царем Иосифом. Особый интерес представляет ответ последнего, датируемый X в. В нем достаточно четко определяется границы хазарских владений. В списке племен, уплачивавших дань кагану, упоминается термин «с.л.виюн». Многие исследователи видят в нем ту часть восточных славян, которая, согласно ПВЛ, являлась хазарским данником¹⁷. Однако, по мнению Е.С. Галкиной, подобное предположение спорно и этникон «с.л.виюн» локализуется в Среднем Поволжье и связан с именниковской археологической культурой¹⁸. Как считает А.П. Новосельцев, описываемая Иосифом ситуация в целом соответствует действительности, но не для середины X в. – времени упадка Ха-

зари, а для «периода расцвета» этого государства, т.е. VIII–IX вв.¹⁹. Даже учитывая это обстоятельство, довольно трудно предположить, что упоминаемые в тексте письма племена тождественны именьковцам (IV–VII вв.), памятники которых исчезают с приходом в регион болгар во второй половине VII в.²⁰. В.Я. Петрухин, вслед за историографической традицией, усматривает в этниконах «в.н.н.тит» и «с.в.р», соответственно, вятичей и северян. Принимая во внимание тот факт, что под термином «с.л.виюн», который он считает общим для славян, подразумеваются поляне, радимичи и, вероятнее всего, донские славяне, полученная картина ближе всего к политической ситуации, описанной в ПВЛ²¹. Пространная редакция письма дополняет и уточняет уже имеющиеся сведения следующими данниками Хазарии: буртасами, волжскими булгарами, суvarами (савирами), арису (эрзя). Все эти народы или непосредственно входили в состав каганата или являлись его данниками²². Списку народов хазарского царя Иосифа частично соответствует, а частично дополняет его, небольшой фрагмент («Таблица народов») из книги «Иосиппон» (2-я половина X в.)²³.

Большой раздел письменных источников по истории каганата представляют арабская и тесно связанная с ней персидская литература. Основную информацию о Хазарии можно почерпнуть из исторических и географических трудов IX–X вв.²⁴. Важным источником является работа Ибн Русте «Дорогие ценности», которая представляет собой энциклопедию, написанную между 903 и 913 гг. В одном из последних разделов содержатся описания стран хазар, славян, болгар, алан и др. Установлено, что свидетельства Ибн Русте – древнейшие из сохранившихся в арабской историографии, они датируются IX в.²⁵. Говоря о славяно-хазарских взаимоотношениях, автор утверждает, что дань со славян собирают венгры – вассалы каганата. Это свидетельство привлекает внимание не только тем, что указывает на прямую форму зависимости, актуальной на период создания «Дорогих ценностей». Этот рассказ частично совпадает с записью в Начальной летописи, датированной 859 г.²⁶.

К числу важнейших первоисточников следует отнести своеобразное произведение Ахмеда ибн Фадлана, которое представляет собой докладную записку о посольстве к болгарам в 922 г. Фигурирующий в тексте термин «ас-сакалиба» с момента его перевода в 1939 г. А.П. Ковалевским вызывал множество споров в связи с его неоднозначной трактовкой (этним использовался не для обозначения славян, а болгар)²⁷. Однако следует обратить особое внимание на последнее упоминание славян, известное по Якуту, где говорится о том, что «славяне, и все, кто соседит с ними, находятся в покорности» кагану, который обращается с ними, как с рабами. Принимая во внимание точку зрения А.П. Новосельцева, И.Г. Коноваловой, Д.Е. Мишина и других исследователей, обращавшихся к этому вопросу, можно предположить, что под фразой «и все, кто соседит с ними», имеются в виду народы, находящиеся в непосредственной зависимости, в частности, восточнославянские племена²⁸.

Завершая краткий обзор арабоязычной литературы, следует отметить, что сведения авторов, лично побывавших в землях славян, относятся в большинстве своем к X в. и не противоречат основным фактам, дошедшим до нас в других источниках, в частности, ПВЛ.

Как можно заметить, количество письменных свидетельств, описывающих восточных славян и Хазарский каганат по отдельности, достаточно велико. В то же время, обращаясь к характеристике славяно-хазарских контактов, число работ раннесредневековых авторов значительным образом сокращается, а сведения, содержащиеся в них – скудны, противоречивы и имеют далеко не однозначную трактовку в современной исторической науке. Например, Т.М. Калинина, опираясь исключительно на арабские источники, утверждает, что славяне вступали в тесные политические, экономические и повседневные связи с населением каганата. По ее мнению, отсутствие у арабо-персидских авторов упоминаний о конфликтах «ал-хазар» с «ас-сакалиба» вместе с указанием на наличие межгосударственного противостояния с Русью, дает возможность видеть в этом свидетельства раннесредневековых авторов о мирном сосуществовании двух этносов²⁹. В.А. Шорохов, опираясь только на сведения из «Анонимных записок» и «Книги...» Ибн Хордадбега и полностью отрицая свидетельства других авторов (в том числе и сведения ПВЛ), приходит к выводу о том, что в IX в. территория Хазарского каганата ограничивалась частью приморского Дагестана, Нижней Волгой и Волго-Донским междуречьем³⁰. По нашему мнению, оснований для подобных выводов недостаточно.

Практически все письменные источники, затрагивающие отношения Хазарского каганата и восточных славян, отмечают факт наличия даннических отношений, а в отдельных из них (ПВЛ) оговаривается и сам размер дани. Среди историков бытуют разные точки зрения о времени ее наложения. Еще М.И. Артамонов отмечал, что славяне попадают под власть каганата в VII в. и полностью освобождаются от нее к началу IX в.³¹. Сопоставляя летописные сведения, О.А. Щеглова пришла к выводу, что сообщение о наложении хазарской дани на полян можно отнести к середине VIII в.³². На характеристике северяно-хазарских отношений следует остановиться подробнее.

Существование контактов каганата с Северной землей – одним из самых крупных социально-политических образований восточных славян – бесспорно, что подтверждается письменными источниками. При этом киевский летописец указывает и точный объем дани, уплачиваемый северянами. По мнению ряда авторов, летописные свидетельства позволяют говорить о «необременительности» дани, что давало возможность славянам иметь широкую автономию. Одним из подтверждений тому могут являться находки кладов, в первую очередь, монетных. Окончательный отказ от хазарской дани мог иметь место как в конце IX в. в связи с приходом в степи печенегов, так и в середине X в. (согласно сведениям ПВЛ)³³.

Иной подход к характеристике славяно-хазарских контактов предложил А.В. Григорьев. Говоря об объеме и характере дани, он предложил счи-

тать ее «фиксированным государственным налогом», для уплаты которого необходимо ведение успешной торговой деятельности. По его мнению, в период с первой половины VIII по начало IX в. северяне входили в состав Хазарского каганата³⁴. Вместе с тем следует принять во внимание замечания А.З. Винникова о том, что сбор налогов еще не является непосредственным свидетельством о вхождении в состав государства, а также критику подобного подхода В.В. Енуковым, указывающим на наличие системы салтовских крепостей по Тихой Сосне вплоть до Северского Донца, призванной защитить Хазарию от северян и донских славян³⁵. Хотя многие выводы А.В. Григорьева не бесспорны и не подтверждаются письменными источниками, его идеи о развитии северянского общества важны для реконструкции истории славяно-хазарских отношений в целом.

Таким образом, средневековые авторы отмечают зависимость славян от Хазарского каганата. Вопрос о взимаемой дани и ее объемах наиболее полно рассмотрен в ПВЛ, а сравнение с арабскими источниками IX–X вв. только подтверждает факты, указанные киевским летописцем. Однако в настоящее время вопрос о ее тяжести, а также о времени прекращения выплат далеко не всеми исследователями трактуется однозначно. Характеристика славяно-хазарских контактов является спорной как в отечественной, так и зарубежной исторической науке, и однозначно трактовать его, используя исключительно данные письменных источников, невозможно. В этих условиях особую значимость приобретают данные археологии, которые обладают в силу своего материального характера большей объективностью, хотя нередко вызывают трудности в исторических интерпретациях.

-
1. Голб Н., Прицак О. Хазаро-еврейские документы X в. М.; Иерусалим: Гершаим, 1997. С. 36.
 2. Горский А.А. Русь. От славянского расселения до Московского царства. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 55–59.
 3. Толочко П.П. К вопросу о хазаро-иудейском происхождении Киева // Хазарский альманах. 2004. Т. 2. С. 99–109.
 4. Новосельцев А.П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // История СССР. 1982. Вып. 4. С. 150–159.; Цукерман К. Два этапа формирования древнерусского государства // Археология. 2001. №1. С. 76–99.
 5. Golden P.B. The question of the Rus' Qaganate // Archivum Eurasie Medii Aevi. 1982. № 2. С. 77–99.
 6. Pritsak O. The Origins of Rus. Cambridge Mass., 1981. С. 171–173.
 7. Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М.: Издательство академии наук СССР, 1951. С. 44–45.
 8. Мачинский Д.А. О месте Северной Руси в процессе сложения Древнерусского государства и европейской культурной общности // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 5–25.; Цукерман К. Два этапа формирования древнерусского государства // Археология. 2001. № 1. С. 76–99.
 9. Вернадский Г.В. Первый русский каганат // Древняя Русь. 1999. С. 275–278.
 10. Галкина Е.С. Русский каганат и остров руссов // Славяне и Русь: Проблемы и идеи: Концепции, рожденные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении. М., 2001. С. 456–481.
 11. Седов В.В. Русский каганат IX в. // Отечественная история. 1998. № 3. С. 3–15.

12. Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 16.
13. Магнер Г.И. От дыма меч. Историческая основа легенды о полянской дани хазарам // Средневековая и новая Россия: сб. науч. ст. к 60-летию профессора И.Я. Фроянова. СПб., 1996. С. 189–195.
14. ПВЛ. С. 18.
15. Там же. С. 20, 47.
16. Там же. С. 24.
17. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. С. 157.
18. Галкина Е.С. Данники Хазарского каганата в письме царя Иосифа // Сборник Русского исторического общества. 2006. Т. 10 (158). С. 384.
19. Новосельцев А.П. Указ. соч. С. 100, 154.
20. Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры // САИ. 1967. Вып. Д. 1–32. С. 29–33.
21. Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М.: Знак, 2004. С. 264.
22. Тортика А.А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – третья четверть X вв.). Харьков: ХГАК, 2006. С. 168.
23. Golb N., Pritsak O. Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca, 1982. С. 141–142.
24. Мишин Д.Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М.: Институт востоковедения РАН, 2002. С. 26, 31–33.
25. Новосельцев А.П. Указ. соч. С. 12.
26. ПВЛ. С. 8.
27. Ковалевский А.П. Посольство халифа к царю волжских булгар в 921–922 гг. // Исторические записки. 1951. Т. 37. С. 163.
28. Новосельцев А.П. Указ. соч. С. 78; Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях Ал-Идриси. М., 1999, С. 191; Мишин Д.Е. Указ. соч. С. 31–33.
29. Kalinina T. Al-Khazar wa-‘l-Saqaliba: Contacts and Conflicts? // The world of the Khazars. Leiden-Boston, 2007. С. 204.
30. Шорохов В.А. Хазарский каганат и сфера его влияния в IX в. (по данным «Анонимной записки» и «Книги путей и стран» Ибн Хордадбега) // Призвание – история: сборник научных статей. СПб., 2010. С. 94–95.
31. Артамонов М.И. Славяне и болгары в Поднепровье // Berichte über der II Internationalen Kongress für slawische Archéologie. Berlin, 1970. Bd. 1. С. 365–368.
32. Щеглова О.А. Салтовские вещи на памятниках волынцевского типа // Археологические памятники эпохи железа Восточно-европейской лесостепи. Воронеж, 1987. С. 82.
33. Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей: Монография. Курск, 2005. С. 180–189.
34. Григорьев А.В. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула, 2000. С. 172; 182–183.
35. Винников А.З. Донские славяне и алано-болгарский мир: мирное существование или противостояние? // Хазары: миф и история. М.; Иерусалим, 2010. Т. 2. С. 199; Енуков В.В. Указ. соч. С. 189.

СТОЛИЧНЫЕ ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЖУРНАЛЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Периодическая печать первой половины XIX века заняла значительное место в общественной и культурной жизни России. Главная функция прессы сводилась к формированию общественного мнения. Но уже в XVIII веке русская периодика перестает быть монополией официальной власти: появляются журналы, выпускаемые как отдельными издателями, так и дружескими объединениями. Многие журналы являлись печатными органами возникающих в это время литературных обществ. Таким образом, постепенно складывается основной, наиболее популярный и значительный вид журнала XIX века – литературно-общественный.

Наиболее яркими и в то же время типичными представителями литературно-общественных изданий были такие журналы, как «Сын Отечества», альманах «Полярная звезда», «Современник», «Московский телеграф», «Москвитянин», «Телескоп», «Вестник Европы».

Проследим основные особенности столичных литературно-общественных журналов первой половины XIX века.

В этот период главную роль в печати начинает играть личностный элемент: авторитет редактора и издателя. Ведущей фигурой постепенно становится литературный критик, который определяет направление издания.

Большинство журналов начала XIX века издавалось кружками или литературными обществами. Например, с «Вольным обществом любителей российской словесности наук и художеств» были связаны журналы «Северный вестник», «Свисток муз»; кружок «Беседа любителей русского слова» издавал одноименный журнал «Беседы любителей русского слова», а также журнал «Друг просвещения»¹.

Журналы первого десятилетия XIX века отличались недолговечностью, большинство изданий прекращало свое существование через один-два года. Номера многих из них выходили нерегулярно, часто с большим опозданием.

Изменяется характер журнальных статей, они становятся содержательнее, интереснее, очень часто затрагивают политические вопросы. Во второй четверти XIX века несколько изменился вид статей: увеличились их размеры, стали указываться авторы наиболее интересных и серьезных статей². Незменным оставался стиль изложения. По-прежнему сообщения, касавшиеся внутренней или внешней политики, выдерживались в строго правительственном духе, политическую информацию периодические издания получали исключительно из министерства внутренних или иностранных дел, поэтому, естественно, подбор материала был тенденциозным³. Наряду с официальными сведениями в печать попадало много непроверенных, а иногда и ложных

сообщений. Достоверность информации не считалась обязательной, многие статьи начинались словами: «Говорят...», «Сказывают...», «Нам передавали...» и т.п.⁴

Огромное влияние на журналистику, как и в целом на культуру России, оказала Отечественная война 1812 года. Патриотический подъем, охвативший русское общество, отразился на создании ряда печатных изданий соответствующей тематики.

Благодаря сжато и последовательно изложению, вниманию лишь к сущности различных литературных и общественных событий у них была своя аудитория, свой читатель.

Прежде чем характеризовать столичную периодическую печать, следует пояснить, что имеются в виду и московская, и Санкт-Петербургская пресса. Санкт-Петербург был официальной столицей Российской Империи, ее государственным, политическим и культурным центром; Москва, как бывшая столица, продолжала оставаться историческим и культурным центром России.

Для лучшего понимания особенностей прессы первой половины XIX в. проследим историю некоторых наиболее значимых и известных журналов данного периода.

Сначала дадим характеристику наиболее значительным журналам, выходившим в Санкт-Петербурге.

С 1812 г. в Санкт-Петербурге стал выходить еженедельный журнал «Сын Отечества», который сумел компенсировать общее сокращение количества изданий во время войны. Основателем журнала и его редактором до 1839 года был Николай Иванович Греч – русский издатель, редактор, журналист, публицист, беллетрист, филолог, переводчик, преподаватель словесности петербургской гимназии, секретарь цензурного комитета. Первоначально «Сын Отечества» был журналом историческим и политическим, однако в нём помещались и художественные произведения, преимущественно стихотворные, главным образом, на актуальные политические и военные темы. В данном журнале появилось много новшеств: корреспонденции с театра военных действий, обзорные статьи, рассказывающие читателю о ходе войны; иллюстрации А.Г. Венецианова, И.И. Теребенева (в основном это были карикатуры)⁵. В 1814 г. появился постоянный литературный отдел, включавший художественные произведения, критику, библиографию. Отличительной чертой данного издания, безусловно, был высокий патриотизм, что явственно следует даже из названия журнала – «Сын Отечества». В качестве примера можно привести обзор профессора А.П. Куницына «Послание к русским», «Замечания на нынешнюю войну»⁶.

По завершении войны «Сын Отечества» окончательно приобрел литературный вид. С 1816 по 1825 г. с изданием сотрудничали декабристы и близкие к ним по общественным и литературным взглядам авторы. Помещались стихотворения А.А. Бестужева, К.Ф. Рылеева, В.А. Жуковского, П.А. Плетнёва, статьи П.А. Вяземского⁷.

В 1815 г. в «Сыне Отечества» Н.И. Гречем была опубликована статья «Обозрение русской литературы за 1814 год»⁸. Это положило начало жанру годового обозрения в русской журналистике и литературной критике. Аналогичные обозрения впоследствии писали А.А. Бестужев, Н.А. Полевой, В.Г. Белинский и другие русские критики. Известной стала и полемика в 1816 г. между Гнедичем и Грибоедовым о творчестве Жуковского и национальной самобытности русской литературы, вызванная публикацией баллады П.А. Катенина «Ольга»⁹. В целом, до 1825 г. журнал был одним из наиболее влиятельных и популярных русских изданий. Его тираж достигал 1800 экземпляров.

Нельзя оставить без внимания альманах «Полярная звезда», выходивший в Санкт-Петербурге в 1823–1825 гг., было опубликовано всего три выпуска. Издавался альманах Александром Александровичем Бестужевым (под псевдонимом Марлинский. – А.В.) и Кондратием Федоровичем Рылеевым. Данное издание отличалось внутренней цензурой, строгим направлением материалов, коллегиальностью. «Полярная звезда» публиковала лишь оригинальные произведения отечественных литераторов. Особую направленность альманаху придавали аналитические обозрения русской литературы, выполненные А.А. Бестужевым¹⁰. Из-за карманного формата издания накладывались ограничения на публикуемый материал. В основном печатались небольшие стихотворения и отрывки из поэм и прозы. Но даже при небольшом объёме альманаха издателям удавалось оставить место для произведений лучших писателей и поэтов. Так, в альманахе за 1825 год были напечатаны произведения А.С. Пушкина (отрывки из «Цыган», «Братьев разбойников», «Послание к Алексееву»), Е. Баратынского, Ф. Глинки, Н. Языкова, И. Крылова, Н. Гнедича (отрывок их XIX песни «Илиады»)¹¹. Всё это разнообразие натолкнуло язвительного Пушкина на эпиграмму, посвященную альманаху и написанную после петербургского наводнения 7 ноября 1824 г.:

Напрасно ахнула Европа,
Не унывайте, не беда!
От петербургского потопа
Спаслась «Полярная звезда».
Бестужев, твой ковчег на бреге!
Парнаса блещут высоты;
И в благодетельном ковчеге
Спаслись и люди и скоты¹².

«Полярная звезда» считается альманахом декабристской ориентации. Многие её авторы были так или иначе связаны с движением декабристов, вследствие чего у издателей возникали проблемы. Многие произведения в альманахе публиковались с купюрами, например, из стихотворения Вяземского «Петербург» были удалены последние строки¹³. Многие авторы «Полярной звезды» являлись членами «Вольного общества любителей российской словесности» и вполне разделяли его взгляды. Бестужев являлся приверженцем романтизма, выступал за гражданственность и патриотизм в ли-

тературе, за её связь с политическими идеями современности. Как выражение этих принципов, одним из стержней альманаха были «Думы» Рылеева и его вольнолюбивые исторические поэмы.

Альманах привлекал внимание и в Европе. В таких странах, как Франция, Германия, Польша появлялись переводы и перепечатки из «Полярной звезды». Коммерческий и творческий успех альманаха декабристов породил огромное количество последователей и подражателей. Как дань уважения декабристам, в 1855 году А. Герцен назвал «Полярной звездой» свой литературно-политический альманах, на обложке которого под сияющей звездой были изображены профили пяти казненных декабристов.

В 1836 г. в Санкт-Петербурге вышел, пожалуй, самый знаменитый журнал XIX века – «Современник». Основателем и редактором журнала был, Александр Сергеевич Пушкин, не только великий поэт, но и талантливый журналист, и гениальный редактор. По условиям цензуры это был литературный журнал, выходивший четыре раза в год. Александр Сергеевич вел свой журнал в традициях «Полярной звезды», так же отдавая предпочтение русским авторам. К сожалению, успехом у читателей журнал не пользовался: новый тип серьезного периодического издания с актуальными вопросами, объясняемыми по необходимости намёками, с использованием эзопова языка читающей публике был еще непонятен и непривычен. У журнала оказалось всего 600 подписчиков, что было разорительным для издателя, так как не покрывались ни типографские расходы, ни гонорары сотрудников. Два последних тома «Современника» Пушкин более чем наполовину наполняет своими произведениями, по большей части анонимными. В журнале были напечатаны его «Пир Петра I», «Из А. Шенье», «Скупой рыцарь», «Путешествие в Арзрум», «Родословная моего героя», «Сапожник», «Рославлев», «Капитанская дочка»¹⁴.

В журнале печатались произведения Н.В. Гоголя («Коляска», «Утро делового человека», «Нос»), В.А. Жуковского, П.А. Вяземского, В.Ф. Одоевского, Д.В. Давыдова, Н.М. Языкова, Е.А. Баратынского, Ф.И. Тютчева, А.В. Кольцова. Публикуются стихи, проза, критические, исторические, этнографические и другие материалы. Огромной заслугой А.С. Пушкина является отбор оригинальных произведений отечественных авторов, публикация материалов об Отечественной войне 1812 г. К тому же поэт мечтал расширить программу издания, пригласить к сотрудничеству с журналом Белинского. Но в 1837 г. трагическая смерть поэта помешала осуществлению этих планов.

После смерти Пушкина над журналом в течение 1837 года продолжала работать группа писателей во главе с П.А. Вяземским, затем «Современник» редактировал Петр Александрович Плетнёв (с 1837 по 1846. – *А.В.*). С 1843 года журнал стал выходить ежемесячно, затем пришёл в упадок, и Плетнёв в сентябре 1846 года продал его Н.А. Некрасову и И.И. Панаеву.

В 1847–1848 годах официальным редактором «Современника» стал А.В. Никитенко, однако программу журнала определяли статьи его идейного

руководителя В.Г. Белинского. Именно эти годы стали коротким, но самым замечательным творческим периодом в деятельности Виссариона Григорьевича.

Некрасов привлёк к участию в журнале И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, А.И. Герцена, Н.П. Огарёва, А.В. Дружинина, Д.В. Григоровича, П.В. Анненкова. Журнал печатал произведения Л.Н. Толстого, статьи Т.Н. Грановского, С.М. Соловьёва, К.Д. Кавелина. «Современник» публиковал переводы произведений Ч. Диккенса, Жорж Санд и других западных писателей¹⁵. Руководителем издания с 1853 года стал, наряду с Некрасовым, Н.Г. Чернышевский, и с 1856 года – Н.А. Добролюбов. С 1858 года журнал вёл резкую полемику с либеральной и консервативной журналистикой, стал «идейным центром и трибуной революционно-демократического направления русской общественной мысли»¹⁶. Это привело к расколу в редакции: её покинули Толстой, Тургенев.

В июне 1862 года журнал был приостановлен на шесть месяцев. В редакцию возобновленного Некрасовым в начале 1863 года журнала вошли М.Е. Салтыков-Щедрин, М.А. Антонович, Г.З. Елисеев, А.Н. Пыпин. В июне 1866 года журнал был закрыт, уже после смерти Добролюбова и ареста Чернышевского, в связи с нарушением законодательства о печати и по личному распоряжению императора.

Далее проследим историю известных и прогрессивных для своего времени московских журналов первой половины XIX века.

Особого внимания заслуживает новый журнал «Вестник Европы», издававшийся в Москве с 1802 г. под редакцией Н.М. Карамзина. В целом журнал имел литературно-политическую направленность. Именно в нем впервые появился отдел «Политика», успешно велась работа в отделе иностранных новостей; при рассмотрении внутренних вопросов «Вестник» поддерживал либеральный курс императора Александра I¹⁷. Следует подчеркнуть, что Николай Михайлович прекрасно разбирался в интересах своих читателей и умело их удовлетворял. Например, в литературном отделе печаталась сентиментальная литература, что обеспечивало спрос журнала у женщин-дворянок. Но с уходом Карамзина с поста редактора «Вестник Европы» потерял свое значение и былую оригинальность. И, хотя в 1814 году в журнале было опубликовано первое стихотворение А.С. Пушкина «К другу стихотворцу», с 1815 г. журнал приобрёл консервативное направление и встал на защиту классицизма¹⁸.

Нельзя обойти стороной один из прогрессивных журналов 20–30 гг. XIX в. – «Московский телеграф». Его название произошло от изображения на обложке семафорного оптического телеграфа. Издавался журнал с 1825 г. под редакцией Николая Алексеевича Полевого. «Московский телеграф» был одним из удачных и пользующихся популярностью журналов. При создании журнала Н.А. Полевой учел опыт и отечественной печати, и европейской периодической литературы, и, что особенно важно, потребности и интересы читателей. Он понял, что время чисто литературного журнала прошло, что

его успех зависит от популярности у читателей, от числа подписчиков, от содержания самого издания. Вследствие этого журнал имел энциклопедический характер. Целью «Московского телеграфа» Полевой провозгласил усиление деятельности просвещения, сближение средних сословий¹⁹. «Московский телеграф» включал в себя следующие отделы: Наука и искусство, Словесность, Библиография и критика, Известия и смесь, Мода.

Ведущим направлением журнала был романтизм. Среди европейских авторов предпочтение отдавалось Виктору Гюго, которого Полевой считал философом романтизма. С «Московским телеграфом» активно сотрудничали такие литераторы, как П.А. Вяземский, Е.А. Баратынский, А.С. Пушкин и ряд других. В.Г. Белинский подчеркивал значение «Телеграфа» как «зеркала современности»²⁰.

В 1830-е годы тираж издания заметно вырос. Но в 1834 г. он был закрыт, предлогом послужила рецензия Полевого на пьесу Кукольника «Рука Всевышнего Отечество спасла». Николай Алексеевич раскритиковал данную пьесу, указывая на её льстивый характер.

Еще один прогрессивный журнал – «Телескоп» – возник в Москве в 1831 г. Издателем его стал профессор Московского университета Н.И. Надеждин, который выдвигал идею нового искусства, близкого к реальной жизни, что позднее было названо реализмом. Надеждин огромное значение придавал литературному отделу «Телескопа», он пригласил в журнал еще молодого В.Г. Белинского и не ошибся. С приходом Белинского литературно-критический отдел достиг наивысшего расцвета, дебют его был настолько удачным, что Надеждин, уезжая за границу, оставил молодого критика в качестве редактора. Виссарион Григорьевич подчеркивал, что «без критики журнал есть образ без лица»²¹. Позднее Н.Г. Чернышевский высоко оценивал номера «Телескопа», издававшиеся при Белинском.

С «Телескопом» сотрудничали М.П. Погодин, С.П. Шевырев. В нём печатались А.С. Пушкин, Ф.И. Тютчев, А.И. Полежаев, А.В. Кольцов. Однако уже в 1836 г. «Телескоп» был закрыт за публикацию «Философского письма» П.Я. Чаадаева, в котором содержалась критика самодержавной России. В итоге Чаадаев был объявлен «сумасшедшим», а Надеждина отправлен в ссылку и получил запрет на занятие журналистикой.

Говоря о периодической печати первой половины XIX века, нельзя умолчать о журнале «Москвитянин», выходившем в Москве в 1841–1856 гг., он был открыт при помощи министра народного просвещения С.С. Уварова, редактором был М.П. Погодин. В первой же книге журнала С.П. Шевырев в своей статье развивал знаменитую формулу – «православие, самодержавие, народность»²². «Москвитянин» защищал национальную самобытность России. С журналом активно сотрудничали славянофилы, так как издание «официальной народности» было наиболее близким им по своему направлению. Поэтому в 1845 г. Погодин решил передать редактирование «Москвитянина» видному славянофилу И.В. Киреевскому, который поместил в журнале свою программную статью «Обозрение современного состояния словесно-

сти»²³. Ведущую роль в журнале играли братья Аксаковы, Хомяков. Однако, выпустив всего три номера за 1845 г., Киреевский отказался от дальнейшего редактирования журнала.

С 1850-х гг. журнал несколько оживился – литературно-критический отдел перешел к так называемой «молодой редакции», в которую входили А.Н. Островский, А.А. Григорьев, артисты П.М. Садовский и И.Ф. Горбунов и другие, но при сохранении общего руководства изданием в руках Погодина. «Молодую редакцию» объединяло со «старой» сходное решение вопроса «о нашей умственной и нравственной самостоятельности», хотя главным носителем русской самобытности «молодая редакция» считала патриархальное купечество²⁴. Ее сотрудничество с Погодиным было кратковременным. Расхождения во взглядах привели к тому, что с 1853 г. «молодая редакция» перестает существовать, а ее участники если и печатаются в «Москвитянине», то только на правах обычных сотрудников.

В последние годы журнал, оставаясь на прежних позициях, заполнялся по преимуществу историческими статьями Погодина, описаниями обедов в честь героев Севастополя. Книжки журнала очень запаздывали, последние номера за 1856 вышли только в конце 1857 г.²⁵.

Таким образом, в связи с появлением первых газет и журналов в XVIII в., с развитием и дальнейшим совершенствованием периодической печати, в первой половине XIX в. закрепилось высокое социально-политическое положение периодической печати, ее основные направления, типы и формы печатных органов. Постепенно определился и закрепился такой вид периодического издания, как литературно-общественный журнал.

Несмотря на некоторое несовершенство данного типа периодического издания, его развитие в первой половине XIX века оказало огромное влияние на общественную и культурную жизнь страны. Литературно-общественные журналы распространяли политическую, научную и культурную информацию, привлекали внимание современников к актуальным вопросам жизни России, наконец, просто приучали людей к постоянному чтению.

-
1. Есин Б.И. История русской журналистики XIX в. М.: Высшая школа, 1989. С. 49.
 2. Есин Б.И., Кузнецов И.В. Три века московской журналистики. М.: Триада, 1997. С. 23.
 3. Очерки по истории русской журналистики и критики. Т. 1. Л., 1950. С. 156.
 4. Энгельгардт Н. Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703—1903). СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1904.
 5. Березина В.Г. Русская журналистика второй четверти XIX века. Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. С. 57.
 6. Есин Б.И. История русской журналистики (1703–1917): учеб. пособие. М.: Флинта, Наука, 2000. С. 19.
 7. Там же.
 8. Березина В.Г. Указ. соч. С. 58.
 9. Там же.
 10. Пирожкова Т.Ф. Славянофильская журналистика. М.: Изд-во МГУ, 1997. С. 58.
 11. История русской журналистики XVIII–XIX вв.: учебник / под ред. А.В. Западова. 3-е изд. М.: Высшая школа, 1973. С. 67.
 12. Есин Б.И. История русской журналистики (1703–1917)... С. 31.

13. Есин Б.И. История русской журналистики XIX в... С. 117.
14. Станько А.И. Пушкин – журналист и редактор. Ростов н/Д.: Изд.-во Ростов. гос. ун-та, 1973. С. 37.
15. Современник – литературный журнал. Избранные страницы. М., 1988.
16. Есин Б.И. История русской журналистики (1703–1917)... С. 24.
17. Лемке М.К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб: Книгоиздательство М.В. Пирожкова. Исторический отдел. №. 2., 1904.
18. Березина В.Г. Русская журналистика в первой четверти XIX века... С. 46.
19. История русской журналистики XVIII–XIX вв... С. 269–273.
20. Есин Б.И. Русская газета и газетное дело в России (задачи и теоретико-методологические принципы изучения). М., 1981. С. 116.
21. Есин Б.И. История русской журналистики (1703–1917)... С. 23.
22. Пирожкова Т.Ф. Указ. соч. С. 89.
23. Есин Б.И., Кузнецов, И.В. Три века московской журналистики...
24. Литературная энциклопедия: Москвитянин // [Электронный ресурс]: <http://www.slovarik.net/literaturnaya-entsiklopediya/page/moskvityanin.3282/> (дата обращения: 23.03. 2014 г.).
25. Русская журналистика XVIII–XIX веков: тексты. М.: Изд-во МГУ, 1986.

Т.В. Прокопова
Курский государственный университет,
магистрант

СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ГОДЫ ПРЕЗИДЕНТСТВА Г. ГУВЕРА (1929–1932 гг.)

Отношения России и США всегда вызывали повышенный интерес. Это объясняется тем, что обе державы оказали сильное воздействие на исторический процесс XX в. и продолжают играть большую роль в современном мире. Понять современное состояние этих отношений невозможно без глубокого анализа и значения их предыстории.

На протяжении 20-х годов XX в. советско-американские отношения были противоречивыми и нестабильными. Правительство США проводило политику непризнания Советского Союза.

6 ноября 1928 г. на выборах президента США победу одержал кандидат от республиканской партии Г. Гувер. С его приходом в Белый Дом в марте 1929 г. правительство СССР надеялось на установление советско-американских дипломатических отношений. Это было вызвано тем, что Г. Гувер, будучи председателем Американской Администрации помощи (АРА), организовал помощь России в годы сильного голода¹.

Однако в своей инаугурационной речи избранный президент ничего не говорил о будущих отношениях с Советским Союзом². Г. Гувер был яростным противником Советского государства. В 1929 г. президент США в интервью корреспонденту газеты «Сан-Франциско дейли ньюс» сказал: «Цель моей жизни – уничтожение Советской России»³. В течение всего президентского срока Г. Гувера американская сторона на международных конференци-

ях, в которых принимала участие советская делегация, делала оговорки, что участие в подобных конвенциях не означает признание СССР⁴.

Позиция президента США во многом была обусловлена активным сопротивлением признанию СССР со стороны Американской федерации труда и таких организаций, как «Дочери Американской революции», а также влиятельных еврейских религиозных групп. Антисоветская позиция всех этих организаций была обусловлена тем, что они выступали за защиту демократических свобод США и были яростными противниками коммунизма. Американская федерация труда в США занимала значимое положение в политических кругах и оказывала влияние на позицию президента США по вопросу признания.

Политику Г. Гувера в отношении СССР поддерживал Конгресс США. Исключение составляли небольшое количество сенаторов и членов Палаты представителей, например У. Бора, С. Брукхард, К. Гласс, Дж. Норрис, Д. Робинсон, которые неоднократно призывали Конгресс и президента США к установлению советско-американских дипломатических отношений. Свою точку зрения они мотивировали необходимостью укрепить позиции США на Дальнем Востоке и выгодным развитием торгово-экономических связей с Советским Союзом⁵.

Среди представителей деловых кругов США не было единого мнения по вопросу признания СССР. Крупные промышленные и финансовые деятели, такие как Морган, Рокфеллер и крупнейшие банки США выступали против признания Советского государства⁶. Негативное отношение к Советскому Союзу было вызвано финансовыми потерями в связи с политикой национализации правительства СССР. Активными противниками установления дипломатических отношений с Советским Союзом выступали американские собственники тех отраслей промышленности, которые работали в основном на внутренний американский рынок. Это марганцевая, деревообрабатывающая, спичечная и асбестовая отрасли промышленности⁷. В росте экспорта сырья из СССР они видели угрозу своей прибыли.

Другие американские бизнесмены (Г. Форд, Х. Купер) были заинтересованы в установлении советско-американских отношений, так как это способствовало бы расширению торгово-экономических связей. В годы экономического кризиса выход на советский рынок был выгоден американским бизнесменам.

Для периода 1929–1932 гг. характерно разделение американского общества по вопросу признания Советского Союза. Борьба двух направлений и определяла отношения США и СССР в годы президентства Г. Гувера.

В свою очередь, советское руководство проанализировало отношения в предыдущий период и пришло к выводу, что укрепление советско-американских торгово-экономических связей не подтолкнет администрацию США к подписанию дипломатического соглашения⁷. Торговля без признания вполне устраивала политические и экономические американские круги, и администрация Г. Гувера не видела необходимости в налаживании диплома-

тического советско-американского диалога. СССР пытался искать другие каналы для сближения с Соединенными Штатами. В основном это было налаживание деловых и политических контактов с американскими сторонниками признания СССР. Советское руководство всегда радо было принимать американские делегации в СССР, надеясь через них повлиять на изменения политики непризнания Г. Гувера и его администрации.

Правительство СССР рассчитывало на более масштабное движение за признание внутри Соединенных Штатов. Экономическое развитие СССР, масштабное строительство предприятий вызывали интерес американских бизнесменов и общественности к советскому государству. С оживлением СССР встретил известие о визите американской делегации в Москву в период с 15 июля по 15 августа 1929 г. Цель поездки – ознакомление с экономическим положением СССР. В состав делегации входили представители американских деловых кругов, а также журналисты США⁹. Американские журналисты незамедлительно дали комментарии по поводу данной поездки. В целом пресса положительно отзывалась о предстоящем визите американских граждан в Советский Союз.

По итогам визита многочисленной американской делегации (90 человек) в Советский Союз, представитель торговой палаты СССР С.И. Аралов дал интервью корреспондентам. В своем заявлении он отметил заинтересованность американского общества в улучшении отношений между двумя странами¹⁰. Поездки представителей деловых кругов США и американских журналистов способствовали объективному освещению в США советского образа жизни.

Большим достижением на пути к установлению советско-американских дружественных связей был полет советского самолета «Страна Советов» в США, который проходил с 23 августа по 1 ноября 1929 г.¹¹. Визит советских летчиков в США привлек внимание к себе общественного мнения и американских учреждений. Почти на всех остановках самолета местные власти приветствовали советских летчиков и устраивали в их честь банкеты. Удачный полет самолета «Страна Советов» поднял интерес к СССР среди американцев.

В конце 1929 г. произошло обострение неофициальных советско-американских отношений. 3 декабря 1929 г. государственный секретарь США Г. Стимсон обратился к правительству СССР с нотой по поводу советско-китайского конфликта*. В этом документе американская сторона выражала надежду на то, что СССР и Китай придут к мирному урегулированию конфликта¹². Советское руководство в жесткой форме ответило на ноту Г. Стимсона, так как считало, что это обращение оказывает давление на советско-китайские переговоры. СССР указал, что «Соединенные Штаты Америки не находятся ни в каких официальных отношениях с Правительством

* Причина советско-китайского конфликта – захват китайцами КВЖД и арест советских работников железной дороги.

Советского Союза и не могут обращаться к нему с советами и указаниями»¹³. Официальные лица США не давали ни каких комментариев по поводу жесткого ответа советского руководства, но было понятно, что в ближайшее время не может быть и речи об установлении дипломатических отношений.

Однако в годы президентства Г. Гувера в США за нормализацию отношений с Советским Союзом выступало все больше американских граждан. Такая тенденция прослеживалась практически во всех социальных слоях американского общества.

Американские рабочие делегации, побывавшие в это время в СССР, восхищались успехами советской страны и заявляли о необходимости установления дипломатических отношений между двумя государствами¹⁴.

Сотрудники Амторга поддерживали тесные связи с политическими деятелями США, которые выступали за подписание советско-американского дипломатического соглашения¹⁵.

Х. Купер, американский бизнесмен, после визита в СССР написал письмо И.В. Сталину о своих впечатлениях от поездки в Советское государство. В нем Х. Купер выражал восхищение масштабным строительством предприятий промышленности, одобрял установленные в СССР соревнования между колхозами и желал успеха в развитии экономики и управлении государством¹⁶.

Визиты американских делегаций, представителей финансовой элиты США в Советский союз имели большое значение для расширения и развития деловых и культурных связей между двумя народами. Налаживание таких взаимоотношений способствовало изменению общественного мнения в Соединенных Штатах в пользу признания Советского государства. Увеличение заинтересованности американских граждан в вопросе признания СССР давало надежду для советского руководства на скорейшее подписание дипломатического соглашения между двумя странами.

Однако разразившийся экономический кризис в США не способствовал политическому сближению СССР с Соединенными Штатами. Администрация США была занята решением экономических вопросов. Советское руководство подробно изучало экономическую ситуацию, сложившуюся в США.

Углубление экономического кризиса в США, падение производства, рост безработицы привели к тому, что Америка нуждалась в рынках сбыта. СССР рассчитывал, что именно он и станет этим рынком сбыта. Однако этого не произошло. Во-первых, деловые круги США не были уверены в том, что правительство СССР сможет оплатить большое количество заказов. Во-вторых, антирелигиозная политика, проводимая в Советском Союзе, настоятельно поразила финансовую элиту США.

Советская кампания по преследованию духовенства и закрытию церквей в Советском государстве вызвала активную реакцию прессы США. За январь 1930 г. в американской прессе было опубликовано 489 статей о Советском государстве, из них 214 носили антисоветскую направленность, 192

были напечатаны в благоприятном тоне и 83 нейтральные. Журналисты в этих статьях освещали различные события, в том числе писали об экономическом развитии СССР, антирелигиозной кампании, деятельности Коминтерна, о советско-китайском конфликте, неуплате царских долгов и т.д.¹⁷.

Преследование верующих в СССР вызвало большой резонанс среди американских граждан. Это способствовало росту движения в поддержку верующих Советского Союза. Общественность выступала за непризнание советского государства до тех пор, пока не будет приостановлена антирелигиозная политика. 26 февраля 1930 г. Г. Фишем была внесена в палату представителей соответствующая резолюция¹⁸.

Начиная с марта 1930 г. в США произошла целая волна выступлений и высказываний против Советского Союза. Советское руководство обвинялось в финансировании американских безработных и в участии Амторга в распространении коммунистических идей в Америке. Для расследования этого инцидента в Соединенных Штатах была создана комиссия во главе с Гамильтоном Фишем¹⁹. В период работы комиссии был допрошен руководитель Амторга П.А. Богданов и другие члены этой организации. В ходе расследования выяснилось, что все обвинения были фальшивыми. Однако это обстоятельство не изменило антисоветскую направленность крупных деловых кругов, так как за этим стояли влиятельные политические группировки²⁰.

Министр финансов США Эндрю Меллон призывал страны Европы к совместной экономической изоляции СССР. К его позиции присоединились Югославия, Венгрия, Румыния и Бельгия. Г. Гувер вмешался в сложившуюся ситуацию. Он сделал заявление для прессы, в котором отметил, что «ни о каком разрыве торгово-экономических отношений не может быть и речи»²¹.

В ситуации экономической и политической нестабильности в США усилилось противоборство сторонников и противников признания Советского Союза. 31 января 1931 г. Б.Е. Сквирский писал М.М. Литвинову: «Нажим политических и деловых группировок против СССР в конгрессе не прекращается – он то усиливается, то ослабевает»²².

Радикальные политические деятели капиталистических стран видели выход из мирового экономического кризиса путем военных действий против СССР. В 1930–1931 гг. странами Европы и США были неоднократно организованы антисоветские кампании. Цель этих компаний – экономический бойкот и блокада СССР, а также подготовка к нападению на Советское государство²³. Такая информация появилась как в советской, так и в американской печати²⁴. В США за практическую реализацию таких военных планов выступал глава «Комитета помощи фермерам» А. Легге. Он предлагал в случае интервенции против Советского Союза выгодно сбывать запасы пшеницы и хлопка²⁵. Среди граждан США позиция А. Легге не нашла поддержки, и он вынужден был подать в отставку.

Крах деятельности А. Легге давал надежду СССР на установление диалога с администрацией Г. Гувера. Для актуализации вопроса признания Советского Союза 14 декабря 1931 г. У.Бора внес в сенат резолюцию, требуя

скорейшего установления дипломатических отношений между двумя державами²⁶. Его поддержали многие члены Конгресса, так как понимали, что политика непризнания тормозит развитие советско-американских экономических отношений. В период экономического кризиса подписание дипломатического соглашения между СССР и США отвечало интересам американских деловых кругов. В этот период и в Сенате, и в Палате представителей все чаще обсуждались вопросы признания СССР.

В 1931–1932 гг. сам Г. Гувер был занят вопросами экономического характера, а решение вопроса признания СССР могло испортить репутацию республиканской партии перед выборами президента США. Поэтому ни Г. Гувер, ни госсекретарь не давали ни каких официальных комментариев по решению советско-американского дипломатического соглашения. Подводя итоги советско-американских взаимоотношений в 1931 г., Б.Е. Сквирский писал М.М. Литвинову: «Нет оснований ждать перемен в течение года президентских переВыборов»²⁷.

Обострение обстановки на Дальнем Востоке в связи с активными захватническими действиями Японии давало надежду администрации США на ослабление СССР. Однако многие политические деятели считали, что в такой международной обстановке лучше начать диалог США с Советским правительством, чтобы сдержать военную политику Японии. Член Палаты представителей конгресса США Дж. Сабат 22 апреля 1932 г. внес резолюцию в комиссию по иностранным делам. Он отмечал, что «все народы мира признали СССР, кроме Соединенных Штатов, также советские представители неоднократно выражали готовность к налаживанию дипломатических отношений»²⁸. Сторонники признания СССР надеялись, что госсекретарь США Г. Стимсон начнет вести переговоры с руководством СССР. Резолюция Дж. Сабата не оправдала надежды, она не была принята.

В период предвыборной кампании 1932 г. советское правительство внимательно следило за позициями кандидатов в президенты Г. Гувера и Ф. Рузвельта в советском вопросе. По конфиденциальной информации американского бизнесмена Х. Купера к 1932 г., изменилось отношение Г. Гувера к вопросу признания СССР в сторону сближения и установления нормальных отношений. Он понимал, что вопрос в отношении СССР придется решать. Однако в период президентства Г. Гувера не было предпринято никаких официальных шагов к заключению дипломатического соглашения.

Таким образом, в период президентства Г. Гувера в США сформировалось два противоположных мнения по вопросу признания СССР. Г. Гувер не желал что-либо менять в этом направлении, так как был противником признания Советского государства. Государственный секретарь Г. Стимсон и конгрессмены США в большинстве разделяли точку зрения президента в отношении СССР. Однако дальновидные политические деятели (У. Бора, Дж. Сабат и др.) не раз вносили резолюции с требованием признания СССР. Среди представителей делового мира США не было единого мнения по вопросу признания. Большинство крупных промышленных предпринимателей

выступали против, опасаясь советской конкуренции на внутреннем рынке США. В годы экономического кризиса часть американских бизнесменов, заинтересованных в советском рынке сбыта, выступали за подписание дипломатического соглашения между СССР и США. Экономические и политические успехи СССР привели к активным выступлениям сторонников признания Советского государства в США. В целом 1929–1932 гг. для советско-американских отношений не были ровными и стабильными, но сторонники признания не теряли надежды на скорейшее подписание дипломатического соглашения между двумя странами.

-
1. Макаров В.Т., Христофоров В.С. Новые данные о деятельности Американской Администрации Помощи (АРА) в России // Новая и Новейшая история. 2000. № 5. С. 230–243.
 2. Herbert Hoover. Inaugural Address. Monday, March 4, 1929 // [Электронный ресурс]: www.bartleby.com/124/pres48.html. (дата обращения: 3.02.2014 г.).
 3. Цит. по: Сташевский Д.Н. Прогрессивные силы США в борьбе за признание СССР. Киев, 1969. С. 175.
 4. Цветков Г.Н. Шестнадцать лет непризнания. Киев, 1971. С. 138.
 5. Вопросы торговли СССР и США // [Электронный ресурс]: <http://www.protown.ru/information/hide/4592.html> (дата обращения: 06.04.2014 г.).
 6. Тезисы Амторга к докладу наркома внешней и внутренней торговли СССР А.И. Микояна секретарю ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановичу. 16 мая 1930 г. // Россия и США: экономические отношения 1917–1933 гг. М., 1997. С. 332.
 7. Фураев В.К. Советско-американские отношения. 1917–1939 гг. М., 1964. С. 166.
 8. Письмо М.М. Литвинова А.И. Микояну о необходимости учета политических интересов СССР в его внешнеэкономической деятельности. 27 октября 1929 г. // Москва–Вашингтон: политика и дипломатия Кремля: в 3-х т. М., 2009. Т. 2. С. 102.
 9. Письмо неофициального Представителя СССР Б. Сквирского в США Заместителю НКВД СССР М.М. Литвинову. 21 мая 1929 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 17. М., 1967. С. 305–307.
 10. Заявление Председателя президиума Всесоюзно-Западной торговой палаты С.И. Аралова для советской печати о развитии советско-американских торговых отношений. 20 июля 1929 г. // Документы внешней политики... С. 398–400.
 11. Письмо неофициального Представителя СССР Б. Сквирского в США заместителю НКВД СССР М.М. Литвинову. 4 ноября 1929 г. // Документы внешней политики... С. 581–585.
 12. Приложение. Документы внешней политики... С. 605.
 13. Заявление Правительства СССР Правительству США. 3 декабря 1929 г. // Документы внешней политики... С. 603.
 14. Вальков В.А. СССР и США: их политические и экономические отношения. М., 1961. С. 191.
 15. Письмо председателя правления Амторга П.А. Богданова И.В. Сталину о деятельности некоторых политических деятелей в США в пользу признания СССР. 13 февраля 1930 г. // Москва–Вашингтон... Т. 2. С. 216–217.
 16. Письмо Х.Купера И.В. Сталину о впечатлениях от поездки по СССР. 25 сентября 1930 г. // Москва–Вашингтон... С. 303–305.
 17. Информационное письмо дипломатического агента НКВД СССР в США Б.Е. Сквирского в НКВД СССР. 7 февраля 1930 г. // Советско-американские отношения: Годы непризнания. 1927–1933. М., 2002. С. 239.
 18. Севостьянов Г.Н. Москва–Вашингтон: на пути к признанию. 1918–1933. М., 2002. С. 178.

19. Иностранная информация ТАСС о деятельности комиссии конгресса США в связи с делом Амторга. 22–23 июля 1930 г. // Москва–Вашингтон... С. 249–260.
20. Телеграмма Б.Е. Сквирского в НКВД СССР об антисоветской кампании в США. 13 мая 1930 г. // Москва–Вашингтон... С. 233.
21. Севостьянов Г.Н. Указ. соч. С. 180.
22. Письмо дипломатического агента НКВД СССР в США Б.Е. Сквирского наркому иностранных дел СССР М.М. Литвинову об обсуждении в конгрессе США законопроектов об ограничении советского импорта. 31 января 1931 г. // Советско-американские отношения. 1927–1933... С. 412.
23. Потемкин В.П. Дипломатия в новейшее время (1919–1939 гг.) // [Электронный ресурс]: http://royallib.ru/book/potemkin_vladimir/diplomatiya_v_noveyshee_vremya_1919_1939_gg.html (дата обращения: 05.04.2014 г.).
24. Известия. 9 марта 1931 г. // [Электронный ресурс]: <http://www.oldgazette.ru/izvestie/09031931/index1.html> (дата обращения: 21.01.2014 г.).
25. Записка Е. Белицкого И.В. Сталину «О работе комиссии военной политики США». 26 апреля 1931 г. // Москва–Вашингтон... Т. 2. С. 348–353.
26. Севостьянов Г.Н. Указ. соч. С. 201.
27. Из письма дипломатического агента СССР в США Б.Е. Сквирского М.М. Литвинову о дискуссии в США относительно ограничений в торговле с СССР. 18 декабря 1931 г. // Советско-американские отношения... С. 516.
28. Примечания // Документы внешней политики... Т. 14. С. 763.

О.Н. Аргунов
Курский государственный университет,
студент

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ ЗА ПЕРИОД С 1943 ПО 1953 г.

Восстановление сельского хозяйства как комплекс мер, направленный на достижение определенного уровня и дальнейшего улучшения конкретных показателей развития аграрной отрасли, таких как специфика состава работников, общие посевные площади по всем видам сельскохозяйственных культур, поголовье скота, наличие живой и механической тягловой силы, хозяйственных построек и орудий труда, уровня механизации работ, агротехники, для обеспечения продуктами питания населения и промышленности сырьем, в Курской области проходило с определенными особенностями.

Стоит отметить, что Курский регион был одним из наиболее пострадавших за годы Великой Отечественной войны: общий ущерб составил около 26,8 млрд рублей¹, в частности, в сельском хозяйстве более 10,8 млрд рублей². После освобождения от немецких агрессоров в области осталось 57 совхозов, 5 246 колхозов и 172 МТС; уцелело 583 638 хозяйств, в том числе 509 665 дворов колхозников³. Посевные площади в общей сложности уменьшились на 57,2 % (с 3 011 811 га в 1941 г. до 1 289 464 га в 1943 г.). Существенно сократились посевные площади в колхозах – с 2 702 724 га в

1941 г. до 1 055 494 га в 1943 г⁴. Значительными были потери парка сельскохозяйственной техники: тракторов на 70,8 %, комбайнов – 84,1 %, грузовых автомашин – 95,0 %⁵. поголовье скота уменьшилось более чем в 2 раза⁶. Кроме того, десятки тысяч селян не имели домов, поэтому им приходилось жить в землянках или на подселении у других семей. Именно восстановление разрушенного хозяйства стало основной задачей руководства области на долгие годы.

В перечень первоочередных проблем, вставших перед аграриями области, входили:

1) восстановление материально-технической базы колхозов, совхозов и машинно-тракторных станций;

2) подготовка квалифицированных кадров для восстановления и дальнейшего развития сельскохозяйственной отрасли;

3) обеспечение Красной армии и населения дополнительными продуктами питания;

4) помощь населению в строительстве новых и ремонте пострадавших домов.

На решение этих задач были использованы практически все имеющиеся в области ресурсы. В первую очередь, за февраль – апрель 1943 г. требовалось хотя бы частично восстановить материально-техническую базу сельского хозяйства. Было собрано и отчасти отремонтировано 3 660 тракторов (данные на конец года, к началу работ было собрано только 2 960 тракторов⁷), 3 264 тракторных плугов, 1682 сеялки⁸, а также возвращено в колхозы 21 400 рабочих лошадей⁹. Этого было явно недостаточно для того, чтобы выполнить план, поставленный перед крестьянами Курской области: засеять яровыми культурами не менее 900,0 тыс. га, из них яровыми зерновыми 669,5 тыс. га, сахарной свеклой 55,0 тыс. га¹⁰. При этом было необходимо очистить поля от следов прошедших сражений (воронок от взрывов, окопов, траншей, неразорвавшихся снарядов, брошенной подбитой и вышедшей из строя техники и пр.). Для всего этого требовалось большое количество тягловой силы, недостаток которой ощущался еще до начала полевых работ, поэтому руководством области было принято решение использовать в качестве основной тягловой силы коров колхозников, установив отдельную оплату и выработку для крестьян, предоставивших свою скотину. Всего к работам было привлечено более 185,0 тыс. коров¹¹, на которых было обработано свыше 2/3 всех посевных площадей¹².

Ход полевых работ 1943 г. более подробно описан автором в другой его работе¹³, поэтому в данной статье будет уместно лишь подвести общие итоги сельскохозяйственного года: по большинству показателей планы выполнены не были, однако области удалось обеспечить себя минимумом продуктов питания и сдать в фонд Красной Армии около 7 млн пудов зерна¹⁴. По обязательным поставкам было сдано почти 63,0 тыс. т зерна¹⁵. Это при том, что практически весь период полевых работ многие районы находились в

прифронтовой полосе, и была постоянная угроза повторной оккупации этих территорий.

Однако в ходе работ была выявлена реальная ситуация в Курской области, которая оказалась намного хуже имевшихся в центральных органах государства и партии данных: во-первых, недостаток техники и тягловой силы был настолько острым, что даже после начала использования на полевых работах коров, многие тяжелые работы выполнялись исключительно вручную. Например, в 36 освобожденных районах более 12 тыс. га было вскопано и посеяно вручную¹⁶. Для ликвидации этой проблемы в область по просьбе руководства Курского обкома ВКП(б) стали дополнительно завозить технику и рабочий скот, а в колхозах сделали упор на выращивание волов. И если техника поставлялась чаще всего новая, с заводов, то зачастую присланный из других областей скот не только не мог работать, но и нуждался в дополнительном уходе и лечении. Так, в Щигровский район из Тамбовской области в августе 1943 г. прибыл табун лошадей в 70 голов, из которых 30 животных было истощено, а поступивший позднее гурт в 88 голов был поголовно болен ящуром¹⁷.

Во-вторых, остро встал вопрос о подготовке квалифицированных сельскохозяйственных кадров в Курской области (агрономов, зоотехников, животноводов, трактористов, комбайнеров и пр.) в связи с тем, что их число в соответствии со всесоюзной тенденцией сократилось примерно в 2,5 раза¹⁸. Так, регион нуждался в 153 агрономах, в таком же количестве механиков при том, что около 20 специалистов должны были прибыть в область из эвакуации¹⁹. Помимо этого, уже к началу марта 1943 г. на сокращенных курсах должно было обучаться 10 000 трактористов, но направлено было только 6 509 человек. Из докладной записки тов. Саломатина в политуправление НКЗ СССР мы узнаем, что основной ошибкой, которую допускали практически все директоры МТС, было то, что на учебу направлялись в основном молодые люди допризывного возраста, которых с наступлением совершеннолетия практически сразу призывали в армию²⁰. Так, например, в Бесединском районе было призвано для службы в армии 100 только что подготовленных специалистов сельского хозяйства, потерю которых не было возможности восполнить собственными силами²¹, поэтому пришлось просить помощи у соседних районов. Лишь несколько месяцев спустя новым молодым специалистам стали выдавать брони, а основной упор при подготовке новых кадров пришелся на женщин. Подобное быстрое восполнение выбывших кадров было возможно, по мнению исследователя Я.Е. Чадаева, только благодаря коллективной форме ведения хозяйства: «В данных условиях [имеется в виду восстановление разрушенного войной хозяйства в освобожденных регионах. — О.А.] создавались исключительные возможности для вовлечения в производство всего сельского населения, которое трудилось в соответствии со своими силами, способностями, знанием и опытом»²². С подобными выводами согласен и автор данной работы, отмечая значительные трудности, имевшие место в Курской области.

В-третьих, необходимо было интенсифицировать производство в условиях острого недостатка сельскохозяйственной техники и мужских рабочих рук. Единственным выходом в сложившихся условиях было укрепление звеньевой системы и введение индивидуальной сдельщины, а также ужесточение рабочего графика.

Звеньевая система как хозяйственный принцип имела в своей основе ручной труд с минимумом применения сельскохозяйственной техники. За определённым звеном, в котором состояло в среднем от 10 до 25 человек, закреплялся участок пахотной земли сроком от одного сельскохозяйственного сезона. Это позволяло малыми силами в короткие сроки обрабатывать большее количество земель, получая при этом максимально возможный урожай. Исследователь В.М. Плотников отмечает: «В первые же дни [после частичного освобождения региона от немецкой оккупации. – О.А.] был решен вопрос о закреплении посевных площадей и сельскохозяйственного инвентаря за бригадами и звеньями...»²³, однако, в соответствии с архивными источниками, подобная практика применялась далеко не повсеместно. Массовое же формирование звеньев в колхозах началось после проведения XII и XIII пленумов Курского обкома ВКП(б), проходивших соответственно 5–6 сентября 1943 и 15–18 декабря 1943 г. Было решено начать подготовку 30 тыс. звеньевых²⁴ и развернуть повсеместное формирование сельскохозяйственных звеньев²⁵. Всего же к началу весенне-полевых работ 1944 г. было сформировано более 45 тыс. звеньев²⁶.

О явных преимуществах звеньевой системы свидетельствует следующая выдержка из письма тов. Г.М. Маленкову (письмо написано в начале 1946 г.): «Закрепление участков за звеньями дало возможность привлечь к участию в полевых работах большое количество коров, принадлежащих колхозникам. Так, на весеннем севе в 1945 году из 876 тыс. га было посеяно живым тяглом 464 тыс. га, из них 294 тыс. га на коровах; из 600 тыс. га озимых посеяно живым тяглом 442 тыс. га; из 1262 тыс. га убрано хлеба вручную и конными машинами 1120 тыс. га, из них обмолочено вручную цепами 527 тыс. га»²⁷.

Но уже во время проведения зимних сельскохозяйственных работ были выявлены недостатки подобного хозяйственного принципа:

- 1) уравнительная оплата труда членам звена;
- 2) отсутствие прогрессивной оплаты труда за превышение норм выработки²⁸.

Поэтому для поддержки успехов, связанных с укреплением звеньевой системы, было решено также повсеместно ввести индивидуальную сдельщину, которая способствовала более справедливому распределению трудодней, потому что теперь за выполнение определённых работ по заранее установленным нормам колхозникам начислялись трудодни в индивидуальном порядке, а не всему звену с последующим уравнительным распределением, как это было ранее. Это создавало определённый стимул к труду: теперь размер оплаты зависел во многом от личной заинтересованности и выработки. К

примеру, в колхозе «Красное знамя» Ракитянского района в 1943 г. средняя выработка на косьбе составляла 0,24 га, на пахоте – 0,3 га, а в 1944 г. после введения индивидуальной сдельщины соответственно дневная выработка составила 0,45 и 0,5 га. «Таким образом, совершенно бесспорным является факт выгоды применения индивидуальной сдельщины в колхозах. Это значительно улучшает дисциплину колхозников, повышает производительность труда и тем самым ускоряет окончание и выполнение сроков тех или иных работ.

Об улучшении трудовой дисциплины свидетельствуют следующие факты: в 1940 г. 20 % колхозников не принимали участие в колхозном производстве, в 1943 г. – 7 %, в 1944 г. только 0,7 % от общего числа трудоспособных колхозников»²⁹.

Но при введении индивидуальной сдельщины существовала определенная категория работ, выполнявшаяся в условиях мелкогрупповой сдельщины [из-за невозможности выделить доли точного вклада в производство того или иного колхозника. – *О.А.*]: посевные работы, скирдование, молотьба хлебов³⁰.

Помимо укрепления звеньевой системы и введения индивидуальной сдельщины, сильно ужесточался рабочий день: во время сева колхозники должны были работать в колхозе с 6 утра до 9 вечера с перерывом с 12 до 14 часов, а во время прополки и уборки выходить в поле обязаны были в 5 утра и работать до 10 вечера с перерывами на завтрак с 8 до 8.30 и на обед с 12 до 14 часов³¹. Однако далеко не во всех колхозах соблюдался данный график работ, с чем на протяжении всего исследуемого периода боролись как районные, так и областные власти.

В-четвертых, нехватка семенного материала, которая впоследствии имела хронический характер. К примеру, на 30 октября 1943 г. из плана засыпать 1675,5 тыс. ц семян зерновых культур было засыпано только 487,84 тыс. ц, при том, что было обмолочено на ту же дату 846 521 га из 904 250 га имевшихся посевов³². Конечно, в течение зимы семенной фонд пополнялся за счет завершения продолжения засыпки зерна, но план так и не был выполнен.

Это было обусловлено, прежде всего, тем, что в отношении колхозов руководство области и государства проводило неправильную политику, когда лучшее зерно изымалось по обязательным поставкам, а в семенной фонд засыпалось оставшееся, зачастую не самого лучшего качества. Это приводило к слабой всхожести посевов, следствием чего было снижение урожайности.

Частичное решение данных проблем еще в военный период позволило несколько улучшить положение населения области: несколько тысяч семей из землянок перебрались во вновь отстроенные дома, в районы возвращались эвакуированный скот и техника, а колхозники стали повсеместно получать зерно на трудодни, хотя размер оплаты оставался во многих районах крайне низким (за 1945 г.): в Свободинском 87 гр., Золотухинском – 106 гр. на трудодень³³. Однако год от года количество зерна, выдаваемого из расчета на

один трудодень в Курской области, неуклонно сокращалось. Так, в 1943 г. в среднем было выдано по 910 гр. на трудодень, в 1944 г. – 473 гр. (хотя урожайность и валовый сбор зерна были заметно выше, чем в предыдущем году), в 1945 г. – 308 гр³⁴. Поэтому по-прежнему основным источником продуктов питания для колхозников оставался их приусадебный участок.

Недостаточное решение указанных нами проблем было подтверждено засухой 1946 г., которая показала, что при нормальных погодных условиях система в данном виде могла достаточно успешно функционировать, но в условиях экстремальной ситуации, когда хозяйство всё еще пребывало в полупорухе, она оказалась неспособной противостоять стихии.

На положение дел в области влияла также низкая заинтересованность колхозников в результатах своего труда, отчего многие отказывались выходить в поле: рабочий день составлял во многих колхозах не более 6–8 часов, а на такой важный вид сельскохозяйственных работ, как прополка, выходило в среднем в одном колхозе 160–170 человек (к сравнению, на те же работы в 1947 г. выходило крестьян в каждом колхозе не менее 330 человек)³⁵. Вывод о низкой заинтересованности работников в работе на колхозном поле подтверждают также следующие данные: на 15 октября 1945 г. минимума трудодней в колхозах не выполнили 107 376 трудоспособных колхозников, или 25,4 %, а на ту же дату 1946 г. уже 171 067 человек, или 40,5 %³⁶.

Помимо слабой заинтересованности колхозников, многие председатели колхозов проявляли полную бесхозяйственность по отношению к своим сельхозартелям: «В Кореневском районе председатель колхоза “Красный Октябрь” Н.К. Волкова свезла на один ток рожь со всех звеньев колхоза для обмолота комбайнами на стационаре.

13 августа в 12 часов дня, во время молотбы комбайном, произошла вспышка у мотора, в результате произошел пожар: сгорел комбайн, 120 копен ржи, обгорело 200 центнеров обмолоченной ржи, сгорели сортировка и весы. Колхоз не выполнил плана хлебопоставок и, в результате пожара, лишился семян ржи»³⁷.

В данных условиях, когда сельскохозяйственное производство находилось в состоянии острого кризиса, крайне непродуманным ходом со стороны руководства области была борьба с незаконными захватами земли колхозниками и единоличниками. Так, например, «в Кривцовском районе по итогам проверки и обмера в колхозах было выявлено, что 1 865 хозяйств колхозников, единоличников, рабочих и служащих незаконно пользовались землей в размере 206,85 га, в том числе самозахвата 136,42 га у 1 638 хозяйств»³⁸. Подобная ситуация была и в Золотухинском районе, где незаконно было захвачено 81,67 га колхозных земель³⁹. Все земли были изъяты и переданы обратно в пользование колхозам. Подобная политика только накаляла ситуацию в крестьянской среде, потому что уже в июле 1946 г. начались проблемы с хлебом (очереди занимались с ночи и доходили до 2 000 человек в Валуйском районе⁴⁰), а личные подсобные хозяйства колхозников практически не дали урожая.

На ситуацию повлияло выделение центральными властями 63 тыс. т ржи, из которых 58 206 т было выдано в виде продовольственной ссуды⁴¹. Это вызвало трудовой подъем в колхозах. Так, на 19 июля 1946 г. в 24 колхозах Беловского района закончили уборку и вязку озимых. При этом около 97 % трудоспособного населения участвовало в работах. В короткие сроки было поднято более 12 200 га паров⁴². Похожая ситуация была в большинстве районов Курской области, но подобные усилия колхозников не смогли спасти положения: около 30 % урожая были потеряны⁴³, а с уцелевших площадей удалось собрать в среднем 2,7 ц с га⁴⁴, хотя некоторые колхозы, которые добросовестно отнеслись к организации труда, собирали и нормальные урожаи зерновых для того времени – 7–10 ц с га. Даже с учетом того, что практически все обязательные поставки государству были отменены, зерно на трудодни выдали только в 967 колхозах (19 % от общего числа), а в среднем на человека приходилось не более 16 кг⁴⁵. Сравнительно хорошее положение было лишь в Глушковском, Хомутовском и Рыльском районах⁴⁶.

Именно засуха и последующий за ней голод 1946–1947 гг. показали то критическое положение, в котором находилось в тот период времени сельское хозяйство нашей области.

Ужасное положение населения (пастозность, обострение многих болезней, массовая смертность и случаи каннибализма⁴⁷) заставили руководство области по-другому посмотреть на дальнейшее развитие аграрной отрасли региона. В первую очередь было решено увеличить материальную заинтересованность колхозников, и начали с того, что стали кормить работающих в поле людей; из доклада председателя облисполкома тов. Волчков на совещании у секретаря обкома ВКП(б) тов. Доронина по вопросу о ходе сева в районах от 14 апреля 1947 г.: «...единственный Ламский сельсовет Грайворонского района, где народ, кроме пяти человек, не ходил на работу, не ходил потому что одни болеют, а у других есть нечего и мер они не приняли. Пришлось 40 человек положить в больницу, организовали там отделение в том же селе, а для остальных организовали общественное питание. Коммерческого хлеба 2 тонны дополнили для района, по 100 гр. муки, зарезали хромого быка – по 100 гр. мяса. И на второй день народ начал выходить. И в других районах Борисовском, Грайворонском в некоторых колхозах сами колхозники дошли до этого: то, что мы им даем, колхозники варят в поле, а для больных носят на дом. Но не во всех колхозах это сделано...»⁴⁸.

Следующим шагом на пути ликвидации последствий засухи было ужесточение сроков проведения основных сельскохозяйственных работ: сев провели в максимально сжатые сроки, закончив его по зерновым до 1 июня, а по сахарной свекле – 15 мая; осенний сев провели с 1 августа по 10 октября, чего никогда раньше не было⁴⁹.

Помимо этого, было принято решение начать интенсифицировать производство за счет применения передовой агротехники и увеличения процента механизации основных сельскохозяйственных работ путем увеличения количества механической тяги и более широкому ее применению.

Так, в области увеличения валового сбора и урожайности после засухи 1946 г. акцент стал делаться именно на интенсивные методы ведения полеводства. Прежде всего это касалось зернового производства, когда при сокращении площадей под зерновыми культурами на 305,0 тыс. га в 1947 г. валовый сбор и урожайность выросли (например, хотя урожайность еще не достигла уровня 1940 г. – 12, 2 ц с га, но была значительно увеличена до 8,9 ц с га⁵⁰). На улучшение этого показателя повлияли несколько факторов: во-первых, хорошие погодные условия весны – лета 1947 г.; во-вторых, как уже указывалось выше, сжатые сроки производимых работ, которые практически полностью соответствовали лучшим агрометрическим условиям; и, в-третьих, на наш взгляд, наиболее важное, – повсеместное введение восьми-, девяти- и десятипольных севооборотов, когда правильное чередование сельскохозяйственных культур на одном и том же поле в течение нескольких лет способствовало увеличению урожайности культур и улучшению их качества. И хотя во время послевоенного восстановления вводиться севообороты стали практически сразу, именно к 1947 г. они стали давать первые результаты⁵¹. Помимо этого, качественнее стали проводиться основные сельскохозяйственные работы, что также не могло не сказаться на урожае: «Известно, что мы к началу года [1947 г. – О.А.] имеем очень небольшой запас влаги в почве, у нас получился разрыв между почвенной влагой и между поверхностными слоями влаги – сухая подушка. Это создавало опасность для озимых. Проведенное в широких масштабах снегозадержание спасло положение. Кроме того, у нас было большое количество озимых, которые осенью не взошли – боронование и прополка, проведенные вовремя и на больших площадях, устранили угрозу гибели озимых»⁵².

Для предотвращения последующих засух руководством области было принято решение начать посадки лесозащитных полос для оберегания посевов от сильных ветров, выдувающих влагу и верхний, наиболее плодородный слой почвы. В соответствии с этими решениями, с 1947 по 1960 г. были запланированы посадка лесных полос на площади 166,5 тыс. га и облесение оврагов и песков на площади 116,0 тыс. га⁵³. Впоследствии именно лесополосы, посадка которых началась в данный период, практически полностью избавили область от опустошающих засух, позволяя сохранять влагу в почве.

Однако слабым местом в восстановлении и развитии сельского хозяйства оставалась его механизация. И хотя тракторный парк из года в год рос (в 1946 г. в области было 5 838 тракторов, в 1947 г. – 5 947, в 1948 г. – 6 335, в 1949 г. – 6 966, в 1950 г. – 9 547⁵⁴), качество производимых работ и уровень механизации (с 1946 по 1950 г. вырос с 68,2 до 89,2 % (официальный отчет, показатели которого, по мнению автора, несколько завышены)⁵⁵) по многим видам сельскохозяйственных работ оставались крайне низкими. Это объяснялось зачастую формальным подходом руководства машинно-тракторными станциями к проблемам колхозов и большими простоями техники. Так, в 1947 г. вручную было убрано около 1 млн га при том, что план комбайновых работ был выполнен только на 48,8 %. Озимых тракторными сеялками было

посеяно около 70 %, что при наличии такого тракторного парка было крайне мало⁵⁶. Чтобы восполнить недостаток механической тягловой силы, ежегодно на поля продолжали выводиться до 150 тыс. коров колхозников⁵⁷.

Не лучше обстояли дела и в 1948 г., когда МТС снова не выполнили поставленных перед ними задач: «Если в 1940 г. комбайнами убиралось до 40 % площади зерновых культур, то в 1948 г. ими было убрано только 8,3 %, а на 1949 г. планируется убрать 13,8 %.

В связи с низким уровнем комбайновой уборки и ограниченным количеством простых уборочных машин, колхозы области в текущем году будут убирать вручную более 1100 тыс. га или 65 % всей уборочной площади зерновых, тогда как в 1940 г. вручную убиралось не более 20 %»⁵⁸.

Из письма И.В. Сталину от Курского обкома ВКП(б) мы узнаем, что именно МТС во многом тормозят восстановление сельского хозяйства региона: «Выработка на один трактор остается все еще низкой, простои тракторов достигают 30 % рабочего времени. <...> Многие машинно-тракторные станции нарушают агротехнические сроки полевых работ, проводят их с большим опозданием, не выполняют договоров с колхозниками, качество полевых работ неудовлетворительно. Низкая агротехника особенно пагубно сказалась на урожае в условиях засушливой весны 1949 г.»⁵⁹.

Анализируя работу МТС еще в те годы, некоторые специалисты ставили вопрос о нерентабельности данных организаций⁶⁰, но вопрос о каких-либо изменениях в данной сфере сельскохозяйственного производства как таковой на рассмотрение в исследуемый период не выносился.

Стоит отметить тот факт, что после достаточно сильного подъема в двухлетие 1947–1948 гг. началось постепенное замедление темпов роста восстановления сельского хозяйства вплоть до конца исследуемого периода. Этому способствовал целый комплекс причин (неудовлетворительная работа тракторного парка, хронический недостаток семян и др.); сильное влияние на замедление также оказало укрупнение колхозов, проведенное в 1950 г. (4 585 мелких сельхозартели объединили в 1 439 крупных⁶¹); но основной причиной автор видит материальную незаинтересованность колхозников в результатах своего труда.

Так, если в 1947 г в среднем по области на один трудодень было выдано 1 340 гр. зерна, то в 1948 г. при большем урожае уже 807 гр., 1949 г. – 380 гр., 1950 г. – 780 гр.⁶², 1951 г. – 904 гр.⁶³ (сведения по количеству зерна, выданному на трудодень за 1952 и 1953 гг., автором найдены не были). Такое слабое обеспечение трудодня заставляло колхозников искать альтернативный источник продуктов питания. Им стал приусадебный участок, который давал основные продукты питания колхозникам. Многие стремились его незаконно расширить, что постоянно пресекалось государственными и партийными органами: так, в 1948 г. было выявлено 2 255 га захваченной земли, в 1949 г. – 1 309 га, в 1950 г. – 927 га. Все эти земли были возвращены колхозам⁶⁴.

Это во многом объясняет то, что за период с 1947 по 1952 г. в среднем по области ежегодно не вырабатывали минимум трудодней около 14,6 %

колхозников⁶⁵, а в 1950 г. 7 тыс. трудоспособных колхозников и вовсе не принимали участия в общественных работах⁶⁶.

Помимо этого, государство проводило очень жесткую налоговую политику по отношению к личным подсобным хозяйствам, что вело к ухудшению и без того непростого положения колхозников.

Кроме того, на 1 января 1950 г. 1017 семей все еще проживали в землянках, не имея нормального жилья, но эти данные неполные, так как в Белевском, Иванинском, Мантуровском, Солнцевском районах были выявлены факты сокрытия подобных случаев⁶⁷. Помимо этого, еще 9 952 семьи проживали на подселении и во временно приспособленных помещениях⁶⁸.

Руководство же региона в основных причинах замедления темпов восстановления видело повсеместное чрезмерное засилье звеньевой системы, что нашло отражение в официальной печати союзного уровня⁶⁹, что, по нашему мнению, исходя из приведенных данных, в большинстве случаев было ошибочным, ввиду того что МТС не могли в должной мере обеспечить обработку всех пахотных земель в колхозах.

Тем не менее, несмотря на усилившийся нажим на деревню в конце 40 – начале 50-х годов XX в., сельское хозяйство достигло определенных успехов: были полностью освоены все довоенные посевные площади⁷⁰, восстановлено довоенное поголовье скота за исключением лошадей⁷¹, по уровню мощностей, задействованных в сельском хозяйстве, Курская область превзошла показатели 1940 г.⁷². Но по-прежнему урожайность сельскохозяйственных культур была ниже, чем до войны, из-за слабого применения основных агротехнических приемов, большой зависимости сельского хозяйства от погодных условий и малой заинтересованности колхозников в результатах своего труда. Следствием этого было то, что успехи в развитии общественного сельского хозяйства незначительно отразились на улучшении жизни крестьян, так как размер оплаты по трудодням был практически неизменно низким, а давление на подсобные хозяйства заставляло колхозников сокращать свои наделы, это вело к ухудшению их жизни и проблемам с продуктами питания на селе. Сама система колхозно-совхозного хозяйства становилась убыточной: общий долг колхозов Курской области перед государством без учета невыполненных обязательств по хлебопоставкам составлял 291 млн рублей⁷³. На решение именно этих проблем были направлены последующие реформы Г.М. Маленкова и Н.С. Хрущева в середине 1950-х годов.

1. Матвиенко М.Н. Из истории развития хозяйства Курского края в советский период. Трудовой подъем курян и восстановление народного хозяйства области в первые годы после освобождения от немецко-фашистских захватчиков (1943–1945 гг.) // Краеведческий сборник. Курск, 1952. С. 96.

2. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее: ГАОПИКО). Ф. П. 1. Оп. 1. Д. 3228. Л. 5.

3. ГАОПИКО. Ф.П. 1. Оп. 1. Д. 3560. Л. 5–6.

4. Там же. Л. 7–8.

5. Там же. Л. 9–10.

6. Там же. Л. 7–14.

7. Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. Р – 3272. Оп. 2. Д. 5. Л. 4.
8. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 1. Д. 2897. Л. 12.
9. Там же. Л. 11.
10. Там же. Л. 5.
11. Там же. Л. 23.
12. ГАОПИКО. Ф.П. 1. Оп. 1. Д. 3427. Л. 4.
13. Аргунов О.Н. Битва за хлеб. Подвиг курских крестьян в 1943 г. // Великая отечественная война: взгляд из XXI века: материалы междунар. науч. конф. (19–20 сентября 2013 г.) / М-во. образования и науки Рос. Федерации, ФГБОУ ВПО «Кубан. гос. технолог. ун-т.», Социально-гуманит. фак., квф. истории, политологии и социал. коммуникаций. Краснодар, 2013. С. 6–10.
14. Плотников В.М. Помощь курян Советской Армии в битве под Курском // Краеведческие записки Курского областного краеведческого музея. Вып. 1. Курск, 1959. С. 102.
15. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 1. Д. 3095. Л. 2.
16. Плотников В.М. Помощь курян Советской Армии в битве под Курском. С. 100.
17. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 1. Д. 3124. Л. 10.
18. Волков И.М. Колхозы СССР в годы четвертой пятилетки (1946–1950 гг.) // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы. (1946–1970 гг.) / отв. ред. И.М. Волков. М., 1972. С. 43.
19. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 1. 3103. Л. 8.
20. Там же. Л. 9, 21.
21. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 1. Д. 2899. Л. 25.
22. Чадаев Я.Е. Экономика СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М., 1965. С. 337.
23. Плотников В.М. Роль тыла в победе на Курской дуге. Харьков, 1969. С. 86.
24. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 1. Д. 2897. Л. 47.
25. Там же. Л. 56 об.
26. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 1. Д. 3409. Л. 36.
27. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 64. Л. 63.
28. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 1. Д. 3409. Л. 36.
29. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 1. Д. 3228. Л. 18.
30. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 1. Д. 3410. Л. 89.
31. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 1. Д. 2897. Л. 60 об.
32. ГАКО. Ф. Р – 3272. Оп. 4. Д. 1. Л. 51–51 об, 52–52 об.
33. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 273. Л. 85.
34. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 268. Л. 72.
35. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 362. Л. 25.
36. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 10. Л. 10.
37. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 73. Л. 26.
38. Там же. Л. 51.
39. Там же. Л. 56.
40. Там же. Л. 47.
41. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 72. Л. 24.
42. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 73. Л. 47.
43. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 268. Л. 9, 10.
44. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 579. Л. 14.
45. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 423. Л. 28.
46. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 579. Л. 16.
47. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 423. Л. 1–29.
48. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 586. Л. 8.
49. ГАКО. Ф. Р – 3272. Оп. 2. Д. 122. Л. 111, 114.
50. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 581. Л. 7–7об.

51. ГАКО. Ф. Р – 3272. Оп. 4. Д. 91. Л. 2, 3, 9, 10.
52. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 669. Л. 8.
53. ГАКО. Ф. Р – 3272. Оп. 4. Д. 64. Л. 76.
54. ГАКО. Ф. Р – 3272. Оп. 2. Д. 100. Л. 48.
55. Там же. Л. 24.
56. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 581. Л. 10, 13.
57. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 650. Л. 17.
58. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 1040. Л. 16.
59. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 1262. Л. 2.
60. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 1189. Л. 71.
61. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 1194. Л. 2.
62. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 1438. Л. 45.
63. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 1680. Л. 6.
64. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 1627. Л. 9.
65. Подсчитано автором по: [ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 1171. Л. 20.; ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 1263. Л. 2.; ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 1438. Л. 35.; ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 1628. Л. 1.].
66. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 1438. Л. 35.
67. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 1983. Л. 1, 2.
68. Там же. Л. 4.
69. Против извращений в организации труда в колхозах // Правда. 1950. 19 февр.
70. ГАКО. Ф. Р – 3272. Оп. 4. Д. 125. Л. 2.
71. ГАКО. Ф. Р – 3272. Оп. 2. Д. 100. Л. 22.
72. ГАКО. Ф. Р – 3272. Оп. 2. Д. 347. Л. 74.
73. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 1438. Л. 46.

СЕКЦИЯ I. ИСТОРИЯ РОССИИ

Е.А. Абакумова

Курский государственный университет,
студент

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ДОНСКИХ КАЗАКОВ В XVII ВЕКЕ

В целом, как представляется, «на Руси» на казаков смотрели как на людей далеко не бедных, чему способствовали, по-видимому, картины возвращения людей с Дона. Была даже такая песня: «У нас, на Дону, живут не по-вашему, не ткут, не прядут, не сеют, не жнут, а хорошо живут...»¹. Имущество для продажи везли с собой и казачьи станицы, ездившие в Москву с войсковыми отписками. Однако не стоит и преувеличивать состоятельность казаков. Так, Н.А. Мининков, иллюстрируя их имущественное положение, приводит такой пример. В конце 1641 г. донской казак Онуфрий Шатров, попавший в плен во время похода на море весной этого года, дал за себя «окупа» 200 ефимков². Автор полагает, что О. Шатров обладал такими деньгами. Собирая сумму выкупа за родственника, нередко продавали или закладывали имущество, дома, влезали в неоплатные долги.

Необходимо также отметить, что далеко не всегда казак мог полноправно распоряжаться полученным во время раздела добычи имуществом — часто казаки делали долги под будущую добычу, неравными были и паи при ее разделе. Однако следует сказать, что даже при всем этом человек, ушедший на Дон из «Руси», скажем, «с бедности», имел возможность быстро, а порой и сказочно обогатиться.

В историографии данная проблема изучена недостаточно. Обычно говорится о равенстве казаков до 50-х гг. XVII в. и о социальном расслоении с этого времени. Итак, рассмотрим социальную структуру казачества.

Прежде всего, следует отметить, что имущественное неравенство в казачьей среде существовало всегда. Так, в Москве обычно отличали «старых и лучших» казаков от остальной казачьей массы. Однако необходимо заметить, что в этом делении присутствует, безусловно, и определенный имущественный момент: высокое социальное положение без соответствующей материальной основы трудно себе представить для общества того времени, когда общественный вес был связан с возможностью получения дополнительных материальных средств. То же самое было, безусловно, характерно и для Дона. Вне имущественного достатка занятие почетных должностей было, по-видимому, немыслимо, а благосостояние было мерилom социального положения в казачьей среде. Имущественные различия для казачьей среды были вполне естественны: старый казак-промышленник, обладавший значительным опытом и большим стажем участия в походах, должен был больше и получать.

Надо полагать, что «старые казаки» обладали весьма значительным имуществом. Отметим, что достаток казачьей верхушки определялся не только длительным участием этих людей в военных предприятиях, что позволяло скопить определенные средства. Такие казаки наряду с состоятельными торговыми людьми из городов обычно снабжали казачью молодежь оружием, одеждой, припасами для военных предприятий, как правило, за половину добычи. Они же нередко являлись и владельцами стругов, за пользование которыми также, вероятно, выплачивалась часть полученной в походе добычи.

Вели зажиточные казаки и торговлю вином, скупая его, по-видимому, у приезжавших на Дон торговых людей и продавая затем в розницу. Так, известно, что в «войске» существовали кабаки. Вероятно, торговали и хлебом, и другими товарами.

Что же касается жестких условий, на которых давались «кредиты» малоимущим казакам, рисковавшим в походах головой во имя чьего-то обогащения, то они и не могли быть иными. На Дон люди шли в первую очередь именно ради военной добычи, за материальным достатком, и только подобная отлаженная система экономического обеспечения походов, основанная на экономической заинтересованности, позволяла «новоприходцам», не имея подчас ничего за душой, получать средства к существованию. Она гарантировала заинтересованность в успешной военной деятельности этих людей со стороны старых казаков, способствовала приобщению первых к казачьей среде и, в конечном счете, к обогащению и достижению ими более значимого положения в рядах казачества. Ради этого начинающему казаку стоило, безусловно, рисковать. Жесткость же отношений вполне естественна для групп людей, через руки которых проходят значительные материальные средства.

Каково же было мерило состоятельности казака на Дону? Прежде всего, это было наличие семьи – жены и детей. Ведь чтобы завести семью в экстремальной обстановке донской жизни, нужно было иметь определенное имущество и какой-то источник постоянного дохода.

В то же время наличие или отсутствие у казака семьи являлось не только имущественной, но и общественной, а также социально-политической характеристикой. «Холостые» (их еще называли «молодые») казаки являлись наиболее беспокойной, аполитичной и анархичной частью казачьих сообществ. Такая ситуация была характерна не только для Дона.

Таким образом, и здесь добыча для «молодых» казаков оказывается предпочтительнее нужд казачьего сообщества в целом, забота о котором была уделом «старых», семейных казаков, вынужденных при сопротивлении казачьей молодежи – наиболее воинственной и анархичной части казачьей массы, жаждущей лишь добычи и военной славы, отстаивать политические интересы своего сообщества и думать о завтрашнем дне.

Выше было показано, что социальный порядок на Дону, несмотря на явное имущественное неравенство между казаками, в целом был внутренне устойчив и, можно сказать, по-своему справедлив. По крайней мере, он все-

цело отражал ситуацию беспрестанных походов «за зипунами», организовывавшихся казачьим сообществом. Между двумя полярными социальными группами донского казачества – «старыми» казаками и казачьей молодежью – поддерживалось своего рода равновесие. Казачья верхушка была заинтересована в организации военных предприятий, поскольку сама же и обогащалась за счет них – на скупке военной добычи, снабжении малоимущих казаков и т.д. Последние же, имея возможность обогатиться за счет военной добычи, в перспективе сами должны были пополнить ряды «старых» казаков. Что это было именно так, говорит головокружительная карьера атамана Михаила Лукьянова, пришедшего на Дон в 1646 г. в числе «вольных ратных людей» и уже через 18 лет ставшего войсковым атаманом на Дону³. Положение резко изменяется в 1660-е гг., приобретая характер острого социального, политического, а также экономического кризиса, в значительной степени результатом которого становится разинское выступление. Это происходит из-за нарушения указанного выше порядка: резкая имущественная дифференциация, а также утрата донской верхушкой традиционного влияния на казачью массу. Как же случилось, что довольно устойчивый социальный порядок на Дону в одночасье рухнул? Думается, виной этому было прекращение морских походов. Затяжные неудачи с походами на море бывали у донских казаков и ранее, в результате чего неизбежно возникала экономическая нестабильность на Дону. Так, в период пребывания казаков в Азове из-за блокирования турецкими каторгами Керченского пролива казаки лишились добычи на Черном море. Морские походы либо заканчивались катастрофой (как в 1638 г.), либо были, как правило, безрезультатны. В итоге в мае 1641 г. (в канун «осадного сидения») казаки жаловались в Москву, что добычи у них «стали тугие», «кормиться» им нечем и купить «ни запасов, ни одежды» не на что – «всем скудны»⁴.

Как видим, и в начале 60-х гг. XVII в. неудачи с морскими походами больно ударили по благосостоянию казаков. Весь период первой половины 1660-х гг. казаки были вынуждены предпринимать отчаянные и безуспешные попытки захватить и разрушить построенные татарами и турками укрепления. Никакой материальной выгоды такие походы, естественно, не приносили. Прекращение притока на Дон военной добычи пошатнуло и прежнее социальное устройство казачьего сообщества. Малоимущие казаки иногда упоминаются и в более раннее время. По-видимому, данными терминами обозначались, прежде всего, «молодые казаки», а также «новоприходцы» на Дон, однако контекста, свидетельствующего об ущемленном положении этих людей среди казаков, упоминания не носят⁵. После прекращения походов на море путь вверх по ступеням казачьей «карьеры» для значительной части казаков оказался закрыт. В еще худшем положении очутились приходившие на Дон люди, вынужденные идти в работники к состоятельным казакам. Конечно, оставались степные походы на «бусурман», но они требовали значительных расходов на приобретение коней и потому не могли обеспечить добычей «скудных» казаков. В этих условиях, по-видимому, все большую роль в

обеспечении казаков начинает играть хозяйственная деятельность, причем здесь в наиболее выгодном положении оказываются «старые казаки», успевшие накопить имущество за время участия в походах. И теперь этот слой противостоял менее состоятельным казакам, начавшим искать выход из создавшейся ситуации посредством опасных для политического благополучия Дона военных авантюр (в частности, походы С. Разина).

-
1. Плеханов А.М. Казачество на рубежах отечества. М., 2009. С. 8.
 2. Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д, 1998. С. 212.
 3. Донские дела. СПб., 1913. Кн. 4. С. 496.
 4. Королев В.Н. Босфорская война. Ростов н/Д, 2002. С. 127.
 5. Сухоруков В.Д. Историческое описание земли Войска Донского. 2-е изд. Новочеркасск, 1903. С. 218.

Н.Н. Сердюков
Курский государственный университет,
студент

ИЗМЕНЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СУДЖАНСКИХ СЕЛ ЧЕРКАССКОЕ ПОРЕЧНОЕ И РУССКОЕ ПОРЕЧНОЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В настоящее время в исторической науке повышенный интерес вызывает демографическая история. Особенно характерно это для микроисторических исследований и такого направления, как антропологическая история. По мнению некоторых исследователей, демографический фактор играет решающую роль в историческом процессе¹. Конечно, это преувеличение, но всё же роль и значение этого фактора нельзя недооценивать.

Демографические процессы, протекавшие на территории Курского края в крепостную эпоху, уже были предметом исследования². Однако эти исследования касались Курской губернии в целом. В настоящей работе указанные процессы анализируются на микроуровне.

Источниковой базой для настоящего небольшого исследования послужили ценные архивные источники – ревизские сказки двух суджанских селений, хранящиеся в Государственном архиве Курской области.

Рассмотрим вначале динамику населения села Черкасское Поречное. Обратимся к анализу данных, приведенных в таблицах 1 и 2. В данных таблицах указывается информация как о естественном, так и о механическом приросте населения периода первой половины XIX века. Если обратиться к данным таблицы 1³, где указаны села в период проведения VIII ревизии, мы видим, что механическая убыль не исчерпывается одной лишь рекрутчиной. Более значительным каналом убыли населения стали его переселения за пределы Курской губернии (в Кавказскую область). Особенно «урожайным»

оказался 1827 год, когда переселилось 20 душ, или 90,9 % от общего количества выселившихся.

Таблица № 1.

Динамика численности населения села Черкасское Поречное по 8-й ревизии

Душ м. пола по 7-й ревизии	Умерло	%	Родилось	%	Естественный прирост	%	Механический прирост(+/-)			
							Всего	%	В т. ч.	
									Рекруты	Переселенцы
260	48	18,5	101	38,8	53	20,3	– 32	12,3	–10	

Таблица № 2.

Динамика численности населения села Черкасское Поречное по 9-й ревизии

Душ м. пола по 8-й ревизии	Умерло	%	Родилось	%	Естественный прирост	%	Механический прирост(+ /-)			
							Всего	%	В т.ч.	
									Рекруты	
229	36	15,7	66	28,8	30	13,1	– 9	3,9	– 9	

Из данных таблицы 2⁴ следует, что среднегодовой прирост населения в период 1834–1850 гг. является 0,8 %. Механическая убыль в данный период времени проявляется лишь в рекрутских наборах, которые составляют 3,9 % от всего ревизского населения (то есть зафиксированного во время проведения VIII ревизии) села Черкасское Поречное.

Однако наибольшее влияние на изменение численности населения оказал не механический, а естественный прирост. Так, если между VII и VIII ревизиями среднегодовой естественный прирост составил 1,1 %, то в следующий межревизский период (с 1816 по 1834 г.) он не достиг и одного процента (0,8 %). По всей видимости, причиной указанной разницы в показателях явились эпидемические заболевания. Об этом свидетельствует повышенная

смертность населения в 1838–1839 и 1849 гг., а также то, что ревизская сказка IX ревизии показывает пониженную рождаемость (28,8 против 38,8% в предыдущий межревизский период). Здесь необходимо пояснить, что ревизские сказки не фиксировали детей, родившихся после проведения предыдущей ревизии и не доживших до следующей переписи. Между тем модель демографического поведения населения, несомненно, не претерпела никаких изменений, то есть рождаемость никак не регулировалась. Следовательно, в период между VIII и IX ревизиями количество родившихся детей, вероятно, было таким же, как и между VII и VIII ревизиями, но значительная их часть умерла в младенческом возрасте.

В советской историографии принято было считать, что понижение естественного прироста перед отменой крепостного права было обусловлено резким усилением эксплуатации крестьянства. Однако приведённые выше данные опровергают этот вывод. Нельзя недооценивать в данном случае влияние эпидемического фактора.

Теперь обратимся к анализу данных по селу Русское Поречное таблица 3⁵, к сожалению, по этому селению нам удалось отыскать ревизскую сказку только одной VIII ревизии. По сравнению с Черкасским Поречным здесь естественный прирост населения оказался более высоким (27,6 против 20,3 %). Чем было обусловлено такое различие? Смертность здесь была выше, чем в Черкасском Поречном (27,4 против 18,5 %), но она с лихвой перекрывалась гораздо более высокой рождаемостью (55 против 38,8 %). Создаётся впечатление, что у русского населения родилось больше детей, чем у украинского. Конечно, это только предположение, которое нуждается в проверке. Коснёмся вопроса о механическом приросте населения в данном населённом пункте, здесь механическая убыль была выше в абсолютных показателях, но доля выбывших была примерно одинаковой (15,1 и 12,3 %).

Таблица № 3.

Динамика численности населения села Русское Поречное по 8-ревизии

Душ м. по- ла по 7-й реви- зии	Уме р ло	%	Роди лось	%	Естест- венный прирост	%	Механический прирост(+/-)				
							Все -го	%	В т. ч.		
									Рек -рут	П ер ес ел ен - ц ы	Сс ы ль н ые

609	167	27, 4	335	55	168	27, 6	–92	15, 1	–33	– 58	–3	+2
-----	-----	----------	-----	----	-----	----------	-----	----------	-----	---------	----	----

В общем и целом, как свидетельствуют конкретные данные в первой половине XIX века, естественный прирост населения в изученных селениях был достаточно высоким, несмотря на трудные жизненные условия и высокую его эксплуатацию, которая, по всей видимости, не превышала возможностей крестьянского хозяйства.

1. Нефёдов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начала XX века. Екатеринбург, 2005.
2. Рянский Л.М. Помещичьи крестьяне Чернозёмного центра в конце XVIII – первой половины XIX века. Курск: Курск. гос. ун-т, 2010. С. 23–33.
3. Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. 184. Оп. 2. Д. 648.
4. ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 899.
5. ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 648.

А.С. Машкова
Курский государственный университет,
студент

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ «ДУЭЛЬ» АЛЕКСАНДРА I И НАПОЛЕОНА: ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Первые десятилетия XIX века были ознаменованы столкновением на международной арене «неистового корсиканца» и «изворотливого византийца» – Наполеона Бонапарта и Александра I. Борьбу двух императоров с уверенностью можно назвать знаменем эпохи. Интересы державы, подвластной Александру, личная неприязнь, обиды, несоответствие взглядов с Наполеоном – всё это привело к участию России в войнах коалиций (3-й и 4-й), затем к Отечественной войне и к 6-й антинаполеоновской войне (в российской историографии именуемой Заграничным походом русской армии 1813–1814 гг.). Но был в этом неиссякаемом потоке кампаний и проблеск мира, основу которого заложил Тильзитский договор, подтверждённый впоследствии Эрфуртской конвенцией. На короткий срок императоры стали союзниками, но в то же время не отступились от борьбы. Две встречи Наполеона и Александра, на которых был закреплён союз, именуются «дуэлями» (Сахаров А.Н. Александр I. М., 1998. С. 218). Военное противостояние было заменено дипломатическим. В данной статье мы подробно рассмотрим личные свидания Наполеона и Александра: встречу на Немане и встречу в Эрфурте, ведь они являются яркими примерами дипломатической борьбы императоров. Цель статьи – выявить победителя этого противостояния и выяснить, как

указанные выше встречи повлияли на развитие отношений между императорами.

2 (14) июня русская армия потерпела от французов сокрушительное поражение при Фридланде и была вынуждена уйти за Неман. Это событие ознаменовало собой окончание войны 4-й коалиции, которую Россия после разгрома союзницы Пруссии продолжала в одиночку. Вскоре было заключено перемирие, военные действия окончательно прекратились, обе стороны начали переговоры о мире. Как мы знаем, мирный договор был подписан уже 7 июля, а переговоры начались сразу же после заключения перемирия. Чем была обусловлена такая спешка? В отношении России ситуация предельно ясна. Продолжение войны не представлялось возможным. А.И. Михайловский-Данилевский в своём многотомном труде, посвящённом войнам между Наполеоном и Александром («Описание второй войны Императора Александра I с Наполеоном в 1806 и 1807 годах»), утверждал, что русская армия была расстроена, в частности, из-за злоупотреблений управлений, отвечающих за снабжение провиантом. Кроме того, главнокомандующий Беннигсен был болен, солдаты огорчены поражением при Фридланде, а союзница Англия не только не спешила с военной помощью, но и не предоставляла обещанные денежные средства на нужды компании. Александр I понимал: армии и стране была необходима передышка, как, впрочем, и Европе. Мир с Наполеоном, по его мнению, должен был гарантировать эту передышку. Уже в Тильзите русский царь подтвердил свои устремления в разговоре с прусским королём. «По крайней мере, я выиграю время»¹, — заявил он королю Фридриху-Вильгельму III. Почему же Наполеон так жаждал мира, ведь его успех в войне, казалось, был абсолютен и неоспорим? Ответ на этот вопрос смог дать Денис Васильевич Давыдов — герой Отечественной войны 1812 г., а в 1807 г. — штабс-ротмистр лейб-гусарского полка и адъютант Багратиона. Он присутствовал в Тильзите от имени Багратиона и впоследствии описал встречу императоров в мемуарах. Вот его слова: «Невзирая на победу его [Наполеона] под Фридландом и на угрожительное пребывание его на Немане, обстоятельства его были в существе своем не так благоприятны, как казались. Впереди Россия с ее неисчислимыми средствами для себя, без средств для неприятеля, — необъятная, бездонная. Позади Пруссия — Пруссия без армии, но с народом, оскорбленным в своей чести, ожесточенным, доведенным до отчаяния насилиями завоевателей <...> С своей стороны, Австрия <...> коей восьмидесятитысячный авангард уже двинут был к северным границам Богемии, в область, прилегавшую к путям сообщения Наполеона с Францией»². Опираясь на слова Давыдова, можно предположить, что и положение Наполеона, ушедшего так далеко от границ Франции, было незавидно. Это и побудило его к миру.

12 (24) июня было ратифицировано перемирие, а на следующий день, 13 (25) июля, императоры встретились на реке Неман близ города Тильзита, занятого войсками Наполеона, на плоту, где по приказу Бонапарта были установлены два павильона. Примечательно, что прусский король не был при-

глашён на встречу. Он взирал на всё действо с берега, где собралась толпа любопытных. Свита ожидала императоров в малом павильоне. Монархи беседовали в большом, наедине, час пятьдесят минут (Михайловский-Данилевский упоминал, что князь Михаил Семёнович Воронцов всё это время сверялся с часами, находясь на берегу), после этого они расстались с очень благожелательным настроем. Наше представление о настрое императоров подтверждает Генрих Жомини, один из генералов Бонапарта, позже написавший работу «Политическая и военная жизнь Наполеона», которая была создана как подобие дневника самого императора. Вот его слова: «Вступая в разговор, император Александр сказал, что он не менее меня имеет причин негодовать на Англию. Если так, отвечал я, мир заключен! Мы подали друг другу руки в знак примирения»³. Разумеется, многообещающее начало. На следующий день императоры вновь встретились на Немане, и Александр сумел уговорить Наполеона принять прусского короля. Русский царь был намерен защищать незадачливого союзника и спасти Пруссию от полного уничтожения, ведь в планы Бонапарта входило лишение Фридриха-Вильгельма III короны. Переговоры продолжились уже в Тильзите, который был объявлен Наполеоном нейтральным городом. Именно поэтому в нём смогли поселиться Александр и король Пруссии, правда, последний во многом был ограничен, даже его охрана состояла из французов, пруссаки же не были допущены в город. И Михайловский-Данилевский, и Давыдов красочно описывали встречи императоров в Тильзите, которые продолжались, в общей сложности, две недели. Александр и Наполеон были практически неразлучны: вместе появлялись в свете: на приемах и на манёврах войск, беседовали наедине, когда же они всё-таки не могли встретиться, то вели переписку. Михайловский-Данилевский упоминал о пяти письмах Наполеона Александру и о трёх письмах Александра Наполеону. К слову, в первом же письме от 03. 07. 1807 г. Наполеон предложил Александру проекты мирного и союзного договоров, которые были возвращены ему уже с поправками. В последующих письмах поднимались частные вопросы, например, в отношении присутствия России в Адриатическом море и новых границ России. Жомини упоминал, что отличительной чертой Александра I в дни переговоров была «уступчивость», которую Наполеон посчитал слабостью, тем не менее, русский император был не так уступчив, как хотелось бы. Александр понимал, что Бонапарту необходим мир, поэтому вёл себя расчётливо, он торговался, надеясь получить как можно больше выгодных условий для России. По словам Сахарова, линия Александра, основанная на выдержке, спокойствии и доброжелательности, рассчитанная на получение внешнеполитических выгод, была взята за основу и в Эрфурте. А значит, она была эффективна. 7 июля было, в конечном счёте, подписано два договора: мирный и союзный. Оба были ратифицированы монархами спустя два дня. Михайловский-Данилевский называл Тильзитский мир одним из самых выгодных в истории России. Разумеется, его работа была выполнена по заказу Николая I, а посему трудно не уличить его в преувеличениях, но в его словах есть доля правды.

Сразу следует отметить, что мнение Михайловского-Данилевского не поддерживают многие российские историки, которые говорят об обременительных условиях договора. В частности, В.И. Пичета в работе «Отечественная война и Русское общество» называл Тильзитский мир «второй блестящей победой Наполеона над Александром»⁴, подвергнув критике все его положения. Впрочем, о его «невыгодности» заговорили едва ли не сразу же после заключения, в этом с Пичетой трудно не согласиться. В основном недовольство было связано с экономическими трудностями, которые не заставили себя ждать после присоединения России к континентальной блокаде. Так кто же прав в данном случае? Чтобы прояснить ситуацию, нам стоит обратиться непосредственно к статьям. Первые статьи провозгласили мир и дружеские отношения между странами и их правителями. Большая часть Пруссии превратилась в Вестфальское королевство, которое Наполеон передал брату – Жерому Бонапарту. Россия признавала это новое территориальное образование, так же как и Рейнский союз (Ст. 15, Ст. 18 соответственно). Луи Бонапарт был признан Александром как король Голландии (Ст. 14). Русские войска покидали Дунайские княжества (Ст. 22) и отказывали в помощи Ионическим островам, вошедшим вскоре в состав одной из французских провинций. Последнее условие лишало Россию влияния в Адриатическом море. Однако Наполеон в то же время пошёл на уступки, желая заманить Александра «сладким пряником» – Финляндией и Черноморскими проливами. Лояльность Швеции по отношению к Англии повлекла за собой обещание Наполеона признать за Россией завоёванные в случае войны территории, также Бонапарт согласился не вмешиваться в конфликт России и Турции. Самым обременительным условием для России стало присоединение к континентальной блокаде Англии, которое должно было нанести серьёзный удар по экономике. Наверное, именно этот пункт особенно подчеркнул положение России как побеждённой державы. Но нельзя обойти стороной и секретный договор, подписанный в Тильзите. Он подразумевал под собой и оборонительный, и наступательный союзы обеих держав. А такой договор говорит о том, что для Наполеона статус России как великой державы не был поколеблен поражением в войне. Таким образом, условия мира содержали в себе как выгоды, так и новые трудности для России, по большому счёту, экономические трудности. Жомини писал, что «он [Тильзитский мир] равно приносил честь обеим сторонам; но мне [Наполеону] предоставлялось более выгод»⁵. Трудно поспорить с этим. Франция взяла под свой контроль значительные территории в Европе, привлекла Россию к участию в блокаде Англии и в целом расширила своё влияние на континенте. Александр же смог сохранить авторитет своей страны. Первый раз на Немане встретились победитель и побеждённый, но расставались императоры уже как равные, как союзники. А в условиях поражения в войне это дорогого стоило. Таким образом, можно сделать вывод о том, что договор 1807 г. имел больше положительных черт для России, нежели отрицательных. Ко всему прочему, он принёс мир в Европу и дал возможность странам-участницам коалиционных войн восстановить

свои силы. Несомненно, выгоды Тильзитского мира были заслугами Александра I. Его действия высоко оценивали такие мэтры исторической науки, как Н.К. Шильдер и опирающийся на его работы в своих исследованиях А.Н. Сахаров. Шильдер называл Тильзит – «замечательным подвигом»⁶ императора. Сахаров писал: «Сегодня, сопоставляя все факты, все данные о тильзитской встрече двух императоров, нельзя не прийти к выводу, что это была действительно дуэль двух выдающихся личностей, двух крупных политиков. И в этой дуэли Александр не только не проиграл французскому гению, но и превзошел его»⁷. Денис Давыдов тоже осознал значимость договора, возможно, именно он разглядел в нём те самые перспективы, о которых спустя столетие упоминал Сахаров. Так или иначе, Давыдов сказал: «Как и что ни говори, но победа в этом случае, несомненно, и неоспоримо осталась за нашим императором»⁸.

Итак, в первой дипломатической «дуэли» между Наполеоном Бонапартом и Александром I победа осталась за русским царём. Становится ясно, что русский император смог обмануть могущественного Бонапарта. Александр оказался куда более хитрым, расчётливым, прозорливым, чем Наполеон. Благодаря своему природному обаянию, обходительности и удивительной манере держаться кротко, но уверенно, он получил расположение Наполеона. На деле же русский царь желал воспользоваться этим расположением для достижения своих целей. Он только играл в союзника, а сам ждал удобного момента, чтобы нанести удар, понимая, что одержать победу сразу не представлялось возможным. Исходя из характеристики, данной Наполеоном Бонапартом русскому императору (а своё мнение он изложил в письмах супруге Жозефине), Наполеон несколько недооценил Александра, поэтому и расстался с ним с приятными чувствами на душе, думая, что новый союзник – «молодой, чрезвычайно добрый и красивый император; он гораздо умнее, чем думают»⁹. А вот Александр I прекрасно изучил характер Бонапарта, не питал по его поводу никаких иллюзий, выявил его слабые места, в частности, непомерное тщеславие, и рассчитывал использовать их в борьбе. Мы знаем это по письмам Александра к его любимой сестре Екатерине Павловне, где он говорил, что в своём тщеславии Наполеон особенно уязвим. Под этим можно было понять только одно: расчётливый Александр был готов потакать противнику, чтобы обезопасить Россию от агрессии Наполеона хотя бы на время.

Для нас встречи в Тильзите важны тем, что это были первые личные переговоры императоров. Два противника наконец встретились один на один. Каким образом это повлияло на развитие их отношений? Несомненно, встречу в Тильзите можно назвать судьбоносной как для Александра, так и для Наполеона. Злейшие враги узнали друг друга, но один из них был очарован, а другой – предупреждён. Одному из них предстояло вскоре осознать ошибки, избавиться от чар, а другому – нанести удар. Встреча в Тильзите создала базу для последующих сношений императоров. Именно она породила свидание в

Эрфурте. Ведь теперь они были связаны договором. Именно она породила свидание в Эрфурте.

Вторая «дуэль» императоров состоялась в Эрфурте, в Тюрингии, и она не менее интересна и примечательна, чем «столкновение» в Тильзите. Новое противостояние обещало быть куда более ожесточённым, чем первое, ведь на этот раз в переговорах участвовали не победитель и побеждённый, как это было в первые дни в Тильзите, теперь встречались равные, встречались союзники, целью которых было сгладить напряжённость, зародившуюся в отношениях, устранить трудности, накопившиеся за прошедший год. Во многом источником трудностей служил сам Бонапарт, он продолжал опасную игру в искусителя. По данным заявлениям понимаются попытки Наполеона увлечь русского царя проектами о разделе Порты, разумеется, с территориальными выгодами для России. Нетрудно догадаться, что на самом деле он не собирался реализовывать эти проекты, но готов был признать власть России над Дунайскими княжествами с известной выгодой для себя самого. Наполеон в данный период строил новые планы по разделу несчастной Пруссии, в сферу его интересов попала Силезия. Бонапарт рассчитывал представить захват Силезии как компенсацию за обладание Россией Молдавией и Валахией. Однако Александра разыгравшийся аппетит Наполеона встревожил, ведь русский император продолжал поддерживать бывшего незадачливого союзника. Сомнений быть не может, вряд ли бы в противном случае Александр отреагировал так остро на заявление Наполеона о Силезии, которое императору передал Толстой – посол в Париже. А, по словам Талейрана – несменяемого министра иностранных дел Франции, – Александр I даже предполагал расторжение Тильзитского договора, ведь Наполеон стал явным его нарушителем. Вот какие слова Александра фигурируют в мемуарах Талейрана: «Разве предполагается разорвать Тильзитский договор? Я не понимаю императора! Он не может иметь намерения причинить мне личные затруднения! Напротив, он должен выручить меня перед Европой, без промедления поставив Пруссию в то положение, которое предопределяется договором»¹⁰. Бонапарту пришлось отступить и на время умерить свои желания. Разрыв с Россией был крайне невыгоден, особенно тогда, когда Наполеон надеялся склонить русского царя к союзу против Австрии, которая могла воспользоваться тем, что французские войска «заняты» в испанской войне, и нанести удар в тыл. Итак, Бонапарт дал «полный назад» и оставил на время многострадальную Пруссию. Своё желание сотрудничать он изложил Александру в письме (февраль 1808 г), которое фигурирует в мемуарах Талейрана. Наполеон отказывался от притязаний на Силезию, предлагал новый проект раздела Турции и встречу, на которой можно было бы решить все спорные вопросы и упрочить союз. Александр отнёсся к этому предложению с энтузиазмом и согласился на свидание, ведь он тоже жаждал сохранения союза для того, чтобы бросить все силы на борьбу с Портой. К слову, именно Турция стала «камнем преткновения» между императорами. Наполеон водил Александра за нос, надеясь вскружить ему голову проектами по разделу Пор-

ты, которые в любом случае не был намерен реализовывать. Они служили своего рода отвлекающим манёвром. Бонапарт, желавший сохранить мир в Европе, пытался отвлечь Александра от сношений с бывшими союзниками. Русский император, напротив, хотел покончить с Турцией как можно скорее, его раздражал Бонапарт с его обещаниями, выполнение которых откладывалось на неопределённый срок. Атмосфера недоверия была налицо. Думается, именно поэтому переговоры в Эрфурте проходили напряжённо, несмотря на внешнее дружелюбие и согласие императоров. Стоит подробнее поговорить о самих переговорах. Встреча была назначена на 27. 09. 1808 г. Ценную информацию о ней можно найти в мемуарах Талейрана, сопровождавшего Наполеона Бонапарта и подготовившего первоначальный текст конвенции, который позже был несколько изменён Наполеоном. Воспользуемся же сведениями, любезно предоставленными Талейраном. Наполеон прибыл на место первым и, не дожидаясь Александра, который должен был приехать 28.09, отправился к нему навстречу. По словам Талейрана, «императоры бросились в объятия друг друга»¹¹, что, как тогда казалось, давало большие обещания насчёт успешного завершения переговоров. Императоры давали всем понять, что они «добрые друзья», на самом же деле битва началась. На протяжении свидания, а оно продолжалось до 14.10, Александр придерживался «тильзитской» манеры общения. Её отличительными чертами были сдержанность, доброжелательность, мягкость и в то же время скрытность, спокойствие и редкая выдержка. Последнее было особенно важно, ведь Бонапарт намеренно задерживал продвижение переговоров, пытаясь усыпить бдительность противника. Александр, безусловно, понимал, что Наполеон надеялся его одурачить, и не всегда выказывал свою уступчивость, которую, как нами уже было упомянуто, подчёркивал Генрих Жомини. И Талейран писал о несогласии и трудностях, возникших в ходе переговоров. Яркий пример случая, показавшего несдержанность Наполеона и непреклонность Александра, описанный в мемуарах Талейрана, кочует из одной научной работы в другую. К слову, упоминал о нём и Сахаров. Вот этот случай: «В один из моментов Наполеон швырнул на землю свою шляпу, на что Александр возразил: “Вы – вспыльчивы. Я – упрям. Гневом от меня Вы ничего не добьетесь. Давайте разговаривать, рассуждать, иначе я уеду”»¹². Как видно из этого примера, выдержке русского императора можно было только позавидовать. Он и в самом деле вёл себя как партнёр, равный великому Наполеону. Стоит отметить, что, несмотря на конфликты, Бонапарт до самого конца переговоров был уверен, что Александр находился под воздействием очарования его личности, под мощью его гения. И русский царь, желая, чтобы Наполеон не сомневался в его доверии, всячески потворствовал ему в таких суждениях. Прекрасная актёрская игра принесла свои плоды, в заблуждении оказался не только Наполеон, но и Арман де Коленкур – французский посол в России, который был уверен, что «Александр сохраняет прежнее восхищение перед Наполеоном»¹³. И, наверное, лишь Талейран, к тому времени хорошо изучивший Александра I, да и сам не уступавший ему в хитрости и изворотливости, по-

дозревал холодность императора по отношению к Наполеону. Тот же, покидая Эрфурт, был несказанно доволен, думая, что сумел обмануть Александра и подчинить своим интересам внешнюю политику России. Однако на самом деле ничего подобного он не добился. Талейран писал, что императоры «растались с выражениями живейшего сожаления и полнейшего доверия»¹⁴. Может быть, внешне так оно и выглядело, но на самом деле Александр на протяжении всего свидания вёл двойную игру с невероятным хладнокровием и двуличием. Подтвердив союзный договор с Наполеоном, он сумел сохранить дружественные отношения с Англией, заверив Британский кабинет в своём желании бороться с Францией, а договор с Бонапартом представив как временный. И, несмотря на то, что союз против Австрии был заключён, он сумел убедить императора Франца II, что для опасений время ещё не пришло. Он был и остался другом австрийского императора. Талейран узнал об этом и отметил данное событие в мемуарах. Вот что он написал: «Милости, подарки и порывы Наполеона были совершенно напрасны. Перед отъездом из Эрфурта Александр собственноручно написал письмо императору Австрии, дабы развеять возникшие у него по поводу свидания опасения»¹⁵. Эти слова иллюстрируют не что иное, как новое дипломатическое поражение Наполеона. Русский царь не только отстоял свои интересы, но и сохранил некую автономию от Наполеона и связь с бывшими союзниками.

Эрфуртская конвенция, ратифицированная императорами 12.10. 1808 г, действительно была выгодна для России. Это станет ясно, когда мы поговорим о взаимных обязательствах стран, выраженных в документе. Франция признавала присоединение к России Финляндии, Молдавии и Валахии (Ст. VIII). Россия обязывалась выступить на стороне Франции в случае войны с Австрией (Ст. X), также императоры должны были оказать помощь друг другу в войне с Англией (Ст. XII), если ей суждено было начаться. Наполеон обещал поддержать Александра в том случае, если Австрия объявит войну России после аннексии Дунайских княжеств (Ст. X). В отношении территорий Турции Бонапарт был непреклонен. Он не мог позволить русским войскам захватить Черноморские проливы. Самым главным было то, что союз с Наполеоном, столь важный для мира в Европе, был сохранён. Как писал Талейран, «оба императора были удовлетворены»¹⁶. Касательно самого министра, стоит отметить, что именно в Эрфурте он предал Наполеона. Он встал на сторону Александра. И пусть Талейран не упомянул об этом в мемуарах, это заявил авторитетный Сахаров, который писал: «В Эрфурте Александр добился еще одного несомненного успеха: он заручился на этих переговорах на будущее время поддержкой министра иностранных дел Франции Талейрана. Во время тайной аудиенции у Александра I Талейран сказал ему знаменательные слова, которые указывали на то, что министр предаёт своего повелителя: «Государь, зачем Вы приехали сюда? Вам надлежит спасти Европу, а вы достигнете этого, только ни в чем не уступая Наполеону. Французский народ цивилизован, его государь не цивилизован. Русский государь цивилизован, а его народ нет. Следовательно, русскому государю надлежит

быть союзником французского народа»¹⁷. Итак, конвенция несла в себе положительный заряд для обеих держав, и, казалось бы, сохранила дружеские, союзнические отношения императоров. По крайней мере, общественность, в том числе и в России, была уверена, что в ближайшее время войны не будет. Ситуацию, сложившуюся после подписания конвенции, прекрасно описал М.М. Сперанский в «Записке о вероятностях войны с Францией после Тильзитского мира» (конец 1811 – начало 1812 года): «Период сей можно считать самым благоприятнейшим в сношениях наших с Францией. Благоприятство сие основано было не на словах, но на самом коренном начале всякого мира, – на невозможности воевать»¹⁸.

Говоря о результатах, не стоит упускать из вида и то, что Эрфуртское свидание, несмотря на все выгоды, в перспективе несло в себе и отрицательный заряд. Оно усилило холодность Александра к Наполеону, а вскоре она передалась и второму монарху, который осознал, что русский царь обманывал его, играл с ним. Развитие дальнейших отношений монархов склонилось к общему ухудшению, углублению недоверия и противоречий.

Две встречи Александра I и Наполеона Бонапарта с уверенностью можно назвать «дуэлями» талантливых дипломатов и амбициозных политиков. Каждый из них сумел добиться для своей державы выгод, наиболее доступных в сложившейся ситуации, однако в целом победа осталась за Александром. Личный контакт оказал большое влияние на дальнейшее развитие отношений императоров, ухудшение которых после второго свидания в последующем приведет к Отечественной войне и к гибели Империи Наполеона.

-
1. Михайловский-Данилевский А.И. Описание второй войны Императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 годах. СПб., 1846. Гл. 24.
 2. Давыдов Д.В. Военные записки, Материалы для современной военной истории (1806–1807) // [Электронный ресурс]: <http://militera.lib.ru/> (дата обращения: 07.04. 2014 г.).
 3. Жomini Г. Политическая и военная жизнь Наполеона. Гл. 8 // [Электронный ресурс]: <http://kab93.hor.ru/> (дата обращения: 08.04.2014 г.).
 4. Дживигелов А.К., Мельгунов С.П., Пичета В.И. Отечественная война и русское общество 1812–1912. Т. 2. Гл.: После Тильзита // [Электронный ресурс]: <http://royallib.ru/> (дата обращения: 08.04.2014 г.).
 5. Жomini Г. Указ. соч.
 6. Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб., 1897. С. 210.
 7. Сахаров А.Н. Александр I. М., 1998. С. 218.
 8. Д.В. Давыдов. Указ. соч.
 9. Цит. по: Вандаль А. Наполеон и Александр. СПб., 2010. Т. 2. Ст. 85.
 10. Талейран Ш. Мемуары. Гл. 3. // [Электронный ресурс]: <http://lingua.russianplanet.ru/> (дата обращения: 07.04.2014 г.).
 11. Там же.
 12. Цит. по: Сахаров А.Н. Указ. соч. С. 223–224.
 13. Талейран Ш. Указ. соч.
 14. Там же.
 15. Там же. Гл. 2.
 16. Там же. Гл. 3.
 17. Цит. по: Сахаров А.Н. Указ. соч. С. 223–224.

А.В. Сахаров
НИУ «Белгородский государственный университет»,
аспирант

НАЧАЛО УСТРОЕНИЯ СУДОХОДСТВА ПО РЕКЕ СЕЙМ: ПОДГОТОВКА И ПЕРВЫЕ ТРУДНОСТИ

Развитие инфраструктуры является неотъемлемой частью улучшения внутригосударственной торговли. В условиях огромных просторов территории Российской империи судоходство всегда играло очень важную роль. Однако не все регионы имели доступ к судоходным рекам, что сильно сказывалось на характере товарных перевозок. К таким регионам до 30-х годов XIX в. следовало относить и Курскую губернию.

Во времена Киевской Руси Сейм являлся важной транспортной артерией, с помощью которой Курск участвовал в торговом обмене с другими русскими городами, а также зарубежьем. Однако со временем река обмелела, что привело к серьезным затруднениям при движении по Сейму. Лишь отдельные купцы, сильно рискуя, переправляли свои товары по этой реке. Примером может служить авантюра львовского купца Барзенцова, отправившего в Киев в 1787 году судно с сельскохозяйственными товарами.

Идея устройства судоходства по Сейму оставалась лишь идеей до того момента, как гражданским курским губернатором не был назначен Павел Николаевич Демидов, потомок знаменитой династии предпринимателей, развивших производство на Урале. Несмотря на тяжелые проблемы, связанные с эпидемией холеры в регионе, Демидов заинтересовался возможным благоустройством Сейма.

Среди проектов по устройству судоходства был выбран вариант, предложенный щигровским помещиком, надворным советником Михаилом Пузановым. Он лично путешествовал по реке Сейм с целью сбора информации о состоянии реки для последующего анализа положения и составления проекта. Пузанов пришел к выводу, что для обеспечения судоходного состояния реки достаточно будет установить 16 шлюзов. Также проект подразумевал установку трех пристаней: во Льгове, в Рыльске и в Курске.

С одобрения губернатора проекта от 27 апреля 1832 г., получивший № 9108, лег на стол министру финансов Егору Францевичу Канкрину. В ответном письме, датированном 16 июня 1832 года, он высоко оценивает предложенную инициативу: «Я рассматривал [проект] и нахожу оный заслуживающим внимания и совершенно полезным, если не встретится каких-либо непредвидимых к исполнению оного препятствий»¹. Из того же документа видно, что Николай I также не был против данного проекта: «Я имел счастье подносить проект сей на Высочайшее Государя Императора усмотрение и

Его Величество, находя учреждение сплава по реке Сейму полезным, если, впрочем, исполнение удобно и потребует умеренных издержек, повелел мне соизволить прежде сообщить [об] означенном проекте Господину Главноуправляющему путями сообщения...»². Также Канкрин попросил Демидова «собрать некоторые... сведения по сему предмету в исполнение чего я почтительнейше прошу Ваше Превосходительство объясниться с господином Пузановым [о] подробнейших предположениях к самому исполнению его проекта, так не составлены ли им чертежи или планы к тем местам, при которых он полагает устроить... шлюзные ворота... примеры и рисунки сих ворот...»³. Необходимо заметить, что в Петербург, судя по всему, были направлены лишь общие концепции приведения Сейма в судоходное состояние, так как сам Канкрин, как это видно из письма, не получал ни карты с обозначением мест установки шлюзов, ни чертежей самих механизмов.

Первым болезненным вопросом стала проблема финансирования инициативы Пузанова. В письме министру финансов от 5 августа 1832 года Николай I писал, что «для поспоспешествования Сейму общепольному предприятию, я определяю от себя 15 тысяч рублей и таковую же сумму от любезнейшей супруги моей, повелеваю вам... 100 тысяч рублей отпустить из сумм по вашему назначению»⁴. Итого Петербург направил в Курск 130 тысяч рублей, а сам проект было решено назвать в честь императрицы «Александровским водяным сообщением». Примечательно, что Николай I в том же письме сделал замечание, что «в случае же недостатка сих денег, предоставить дворянство пополнить оный сбором, сколько нужно будет из добровольного пожертвования»⁵. Средств действительно не хватало, поэтому еще 6 июля 1832 года на собрании гражданских предводителей и депутатов дворянства было решено организовать сбор денег⁶.

Оценка самого проекта также была неоднозначной. Пузанов 30 марта 1833 года разослал проект своим хорошим знакомым и видным представителям дворянства в других городах, и в апреле получил от них ответные сообщения. Президент Вольного экономического общества Николай Семенович Мордвинов в своем письме, датированном 21 апреля 1833 года, не скупился на похвалу: «Сочинение сие прочитано мной с душевным удовольствием, и я вполне порадовался счастливейшей вашей догадке, которая может увековечить имя ваше и доставить бесчисленные выгоды тамошнему краю»⁷. Высокую оценку дал и князь Сакен, проживавший в то время в Киеве: «Мне остается желать, чтобы цель столь достойного предприятия была достигнута успехом для выгод и расширения внутренней нашей торговли»⁸.

Однако мнение людей, которые либо участвовали в рассмотрении и реализации проекта, либо интересы которых были им затронуты, сильно отличаются от вышеизложенных позиций. На реке Сейм располагалось много водяных мельниц, и их хозяева резонно требовали себе компенсацию за потерю территории, которой они владели. Уже во время реализации проекта в письме от 2 октября 1834 года курскому губернскому предводителю дворянства один из членов созданного комитета по приведению реки Сейм в судо-

ходное состояние передает просьбу об освидетельствовании сделанных работ по созданию путивльского, башуринского и новомлинского шлюзов, при этом делая замечание, что «все части шлюзов совершенно обнажены... потому всякий может ясно видеть таковое освидетельствование. Г. Пузанов со своей стороны считает по случаю появившихся между дворянами различных сомнений необходимым произвести [освидетельствование] через почетных дворян, пользующихся полным доверием»⁹.

На самом деле этих сомнений было настолько много, что Пузанову пришлось писать целое объяснение для комиссии на 54 страницах. Уже в самом начале текста снова была поднята финансовая проблема: «...по сделанному мною примерному исчислению потребно 100 тыс. рублей, [комиссия] отвергает оную... и предлагает построение составленных путей сообщения Махромом Михайловым... Комиссии нужно 1 666 412 рублей»¹⁰. Также Пузанов обвиняет комиссию в поверхностном рассмотрении его проекта, когда она «признала предложенные мною сооружения неудовлетворяющими требования судоходства р. Сейм, рассмотрев одну часть оных и не обратив внимания на другую»¹¹. Другое замечание комиссии состояло в том, что «расход воды для пропуска судов через Мельниковские запруды будет столь значительным, что суда в Мельниковских прудах неминуемо омелеют...»¹². Пузанов не согласен с неблагоприятным прогнозом комиссии и считает, что один только факт большого количества водяных мельниц в этом месте свидетельствует о том, что проблема нехватки воды является надуманной.

В объяснении также обосновывалась экономическая выгода от устройства судоходства. Многие дворяне справедливо полагали, что торговля продуктами сельского хозяйства с аграрными регионами, к которым получали бы доступ курские торговцы через Сейм, не имела бы смысла. Пузанов опровергает это мнение путем сравнения цен на сельскохозяйственные товары в четырех городах: Курске, Рыльске, Могилеве и Чернигове¹³. Таблица 1, составленная щигровским помещиком, приведена ниже, цены указаны в рублях.

Таблица 1.

	Рожь	Мука	Крупа	Овес	Сено
Курск	5,70	6,90	9,10	2,30	21
Рыльск	16,25	16,75	22,50	9	1,25
Могилев	9,33	11,22	19,60	4,43	42
Чернигов	—	11	14	5	35

Как видно из таблицы, трехкратная разница на некоторые товары позволила бы курским торговцам значительно улучшить свое экономическое состояние. Более дешевые товары из Курска без проблем могли вытеснить конкурентов в вышеперечисленных городах.

Таким образом, несмотря на все трудности, проект Пузанова все-таки начал реализовываться. Проектировщику удалось отстоять свое детище и настоять на экономической целесообразности проекта, а комиссия по приведе-

нию реки Сейм в судоходное состояние получила доводы, заставившие дворян поверить в успешность предприятия Пузанова. Важную роль также сыграла и поддержка центральной власти, в том числе и в вопросе финансирования.

-
1. Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. 168. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.
 2. Там же.
 3. Там же. Л. 2.
 4. ГАКО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 3. Л. 94.
 5. Там же. Л. 95.
 6. ГАКО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.
 7. ГАКО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 3. Л. 26.
 8. ГАКО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 3. Л. 27.
 9. ГАКО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 3. Л. 98.
 10. ГАКО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 3. Л. 60.
 11. Там же.
 12. Там же. Л. 62–63.
 13. Там же. Л. 81.

А.С. Савчук
НИУ «Белгородский государственный университет»,
аспирант

ГЕНЕЗИС ЗАКОНА О ЗЕМСКИХ УЧАСТКОВЫХ НАЧАЛЬНИКАХ

Одним из самых малоизученных преобразований Александра III до сих пор остается реформа системы местного управления, сущность которой проявилась в создании и функционировании института власти в лице земских участковых начальников. В данной статье ставится цель выяснить причины появления подобного органа крестьянской администрации в Российской империи конца XIX века, обозначив условия возникновения, разработки и принятия проекта реформы.

После смерти Александра II в правительственных кругах возобладало консервативное направление, одним из идеологов которого был обер-прокурор Святейшего Синода Константин Петрович Победоносцев, оказывавший значительное влияние на нового императора. Вскоре после событий 1 марта 1881 года он писал Александру Александровичу: «Если будут вам петь прежние песни сирены о том, что надо успокоиться, надо продолжать в либеральном направлении, надобно уступить так называемому общественному мнению, – о, ради бога, не верьте, ваше величество, не слушайте. Это будет гибель, гибель России и ваша: это ясно для меня как день»¹.

Александр III, в свою очередь, соглашаясь с насущностью преобразований, тем не менее базировал свою политику на основе идеи укрепления незыблемости самодержавия в русле уваровской идеологии. В рамках данного направления был проведен ряд мероприятий, укрепившихся в историографии

под названием «контрреформ», частью которых стало учреждение института земских участковых начальников.

Великие реформы 1860–1870-х гг. были незавершенными и половинчатыми. В первую очередь, это касалось крестьянского устройства. Ликвидация крепостного права и упразднение юрисдикции помещиков над крепостными не позволило уравнять в правовом поле оба сословия. Вековые традиции, огромное политическое и экономическое влияние дворянства оставляло за ним роль хозяина деревни. При этом помещики фактически контролировали институт мировых посредников, который был введен после реформы 19 февраля 1861 года для поземельного обустройства временнообязанных крестьян, рассмотрения исков, споров и жалоб между крестьянами и помещиками. Они назначались обязательно из местных потомственных дворян-помещиков, под контролем предводителей дворянства.

Однако мировые посредники как институт переходного периода, в 1874 г. сменяет коллегиальный орган – уездное по крестьянским делам присутствие. Непременным членом уездного по крестьянским делам присутствия был также представитель от дворянства, и он наделялся значительной административной властью над крестьянскими должностными лицами². Впрочем, будучи один на весь обширный уезд, он, в действительности, мало мог ею пользоваться. Действительно с момента ликвидации в 1874 году института мировых посредников, на местном уровне образовался определенный вакуум, поскольку мировой судья административными функциями не ведал, а непременный член уездного по крестьянским делам присутствия не успевал их реализовывать и пускал дела на самотек. В циркуляре МВД от 2 декабря 1880 г. красочно описано функционирование последних: «...нередко деятельность непременных членов ограничивается тем, что они приезжают на заседания уездного присутствия, а остальное время проводят у себя в деревнях. Делопроизводство уездного присутствия, находясь в заведывании уездного предводителя, который тоже не всегда живет в городе, идет медленно и не исправно. В волостях замечаются беспорядки, неправильное и небрежное счетоводство, несвоевременные взносы податей, частные растраты сумм должностными лицами»³.

Со всех сторон сыпались жалобы на неустроенность сельского управления. В конце 70-х годов XIX века граф Воронцов-Дашков, побывавший в своем имении в Тамбовской губернии, писал тогда еще наследнику престола Александру Александровичу: «Необузданность волости, своеволие судей, взяточничество, равнодушие земства – вот где настоящий корень революции... Полуграмотный писарь ради штофа водки заставляет пьяного и безграмотного старшину делать все, что ему вздумается. Волостное правление и крестьянское общество обыкновенно решают дела по числу поставленных штофов или ведер, сам выбор должности на водке основан»⁴.

В дальнейшем идея преобразований на местах становилась все более актуальной, а ее реализация признавалась необходимой среди высшей бюрократии империи. Так, член Государственного совета Е.П. Старицкий в 1889 г.

доказывал, что «все согласны в необходимости организации сильной на месте власти, все согласны в том, что власть эта должна главным образом наблюдать за крестьянским благосостоянием»⁵.

В одном из писем к императору К. П. Победоносцев указывал, что «крестьянское общежитие настоятельно требует власти и порядка. С 1861 года, когда издано крестьянское положение, опыт показал его недостаточность именно в этом отношении. Нельзя сказать, чтобы эти предметы и тогда оставлены были без внимания законодателем; но он предполагал, что крестьянские власти сами будут блюсти порядок; это не оправдалось и не могло оправдаться»⁶.

Таким образом, в высших кругах императорской власти становилась все более очевидной необходимость реформирования всей системы местного управления.

В 1881 году начала работать комиссия под председательством статс-секретаря М.С. Каханова, в рамках которой было выделено особое совещание, работавшее в течение 2,5 лет и выработавшее проект преобразования местного управления. При этом оно стало на всесословную, или, вернее даже, на бессословную точку зрения, и во главу угла своих работ положило мысль, что крестьяне должны быть освобождены наравне с другими сословиями от всякой административной опеки и что сельские общества должны включать в свой состав всех сельских обывателей данного околотка без различия сословия, причем все они должны на равных правах принимать участие в сельском самоуправлении. Характер чисто крестьянской единицы должен был быть сохранен лишь за крестьянской поземельной общиной, которая являлась бы единицей чисто хозяйственной без всяких полицейских обязанностей. Такие общины могли, однако, существовать лишь там, где сохранилось общинное землевладение. Наоборот, бессословные сельские общества, учрежденные для целей общественно-административных, должны были существовать повсюду⁷.

Эти бессословные сельские общества являлись бы, таким образом, первой и низшей единицей самоуправления и непосредственно должны были быть связаны с уездным земством. Волость совершенно исключалась из числа самоуправляющихся единиц и, по идее Кахановской комиссии, должна была получить значение лишь территориального подразделения уезда для земских административно-хозяйственных целей, причем во главе каждой волости должен был быть поставлен особый земский приказчик – «волостель», который и избирался бы из местных жителей уездными земскими собраниями⁸.

Однако к середине 80-х г. XIX века окончательно утвердилось консервативное направление во внутренней политике Российской империи, в рамках которого предусматривалось, в первую очередь, закрепление сословной структуры общества путем сохранения социальной замкнутости многомиллионного российского крестьянства. Правительство намеревалось оказывать всевозможную поддержку помещику дворянству как основной опоре мо-

нархии, с предоставлением ему ключевых позиций в системе управления. Подтверждение этому находится в манифесте Александра III по случаю 100-летия екатерининской Жалованной грамоты дворянству, оглашенному 21 апреля 1885 года, в котором возвещалось: «Мы для пользы государства признаем за благо, чтобы российские дворяне и ныне, как и в прежние времена, сохранили первенствующее место в предводительстве ратном, в делах местного управления и суда, в бескорыстном попечении о нуждах народа, в распространении примером своим правил веры и верности и здравых начал народного образования»⁹.

В таких условиях либеральный проект, выработанный Кахановской комиссией, предполагавший создание сословного сельского общества, не мог удовлетворить консервативно настроенное крыло дворянства во главе с министром внутренних дел графом Дмитрием Андреевичем Толстым, который, в силу своих убеждений, был против подобных реформ. Министр сделал все возможное для упразднения комиссии в 1885 г. Тем самым, после короткого оживления начала 80-х годов, крестьянской реформе был дан задний ход.

К этому времени в земской среде выделилась группа деятелей, поставившая себе задачей проведение охранительной дворянской политики. В министерстве выработка проекта была поручена А.Д. Пазухину, бывшему участнику Кахановской комиссии. Выбор был неслучаен, поскольку взгляды, изложенные им в вышедшей в 1886 году брошюре «Современное состояние России и сословный вопрос»¹⁰, импонировали Толстому. Характеризуя современное состояние государства как смутное и неопределенное, автор видел причиной этому бессословные реформы предыдущего царствования, приведшие к падению роли дворянства, всегда являвшегося опорой престола. Для спасения страны он предлагал две меры. Первая заключалась в необходимости восстановить сословную организацию общества, вторая виделась в укреплении позиций дворянства.

А. Пазухин выдвинул идею попечительства как основу крестьянского управления, предложив учредить в деревне должность земского судьи (будущего земского участкового начальника), избираемого из местных дворян. Этому должностному лицу были бы предоставлены властные полномочия по надзору за крестьянским самоуправлением, а также по разрешению тех категорий судебных дел, которые касались интересов землевладельцев и полицейского порядка в сельской жизни. Подобные предложения вели к объединению в руках одного должностного лица административных и судебных полномочий.

Идеи А. Пазухина в духе государственного патернализма, поддержанные министром внутренних дел Д. Толстым, легли в основу проекта реформирования системы местного управления, предусматривающего создание института земских участковых начальников, существующего наряду с мировыми судьями, чей состав и функционал предусматривалось значительно сократить. В 1887 году проект был внесен на обсуждение в Государственный Со-

вет, однако вызвал резкую критику со стороны многих представителей высших бюрократических кругов империи и либеральной общественности. В результате споров и обсуждений проект был преобразован. Тем не менее, 16 января 1889 года на Общем собрании Государственного совета за предложение графа Толстого проголосовало 13 человек, против – 29. Таким образом, проект Пазухина – Толстого большинством голосов был отклонен¹¹.

Однако уже 29 января Александр III положил резолюцию на особой части мемории Общего собрания Государственного совета: «Соглашаясь с мнением 13 членов, желаю, чтобы мировые судьи в уездах были упразднены для того, чтобы обеспечить нужное количество надежных земских начальников в уезде и облегчить уезду тяжесть платежей. Часть дел мировых судей может перейти к земским начальникам и в волостные суды, а меньшая часть, более важные дела, могли бы отойти к окружным судам. Во всяком случае, непременно желаю, чтобы эти изменения не помешали окончательному рассмотрению проекта до летних вакаций»¹².

Таким образом, император не только утвердил проект Д. Толстого, но и принял решение о ликвидации мирового суда. Последнее обстоятельство было продиктовано, во-первых, невозможностью финансирования двух параллельно существующих в деревне институтов, а во-вторых, вероятным возникновением недостатков кадров при комплектовании новых административно-судебных учреждений.

К маю 1889 г. министерствами и ведомствами был окончательно подготовлен проект положения с учетом ликвидации института мировых судей, который утвердили 12 июля 1889 г. В соответствии с «Положением о земских участковых начальниках» в русской деревне возникла новая структура органов особой крестьянской администрации, являвшихся одновременно судебными инстанциями: земские начальники – уездные съезды земских начальников – губернское присутствие, деятельность которых к концу своего существования охватывала 43 губернии, в том числе и Курскую.

Резюмируя, можно выделить два основных мотива введения института земских участковых начальников. Во-первых, желание правительства упорядочить местное управление, укрепив тем самым вертикаль и авторитет власти, на чем настаивали и на что обращали внимание представители различных политических и общественных слоев. Причем окончательно укрепилось представление о том, что крестьянство – обособленное сословие, требующее над собой попечения и руководства. А необходимость надзора за сельским общественным управлением оправдывалась малым распространением грамотности среди крестьян и их политической недалекостью.

Во-вторых, правительство, разрабатывая реформу, пыталось удовлетворить чаяния консервативного крыла высшего сословия и обеспечить помещному дворянству возможность занимать в деревне почетное и влиятельное положение. Во многом реализации последнего способствовал внутривластный курс, выбранный новым императором, предусматривающий укрепление самодержавия и его основной опоры – дворянства.

Таким образом, предлагаемые либералами проекты реформы местного управления, имеющие в своей основе идею создания всесословной мелкой земской единицы, явившейся бы низшим звеном в административной системе империи, не могли быть одобрены представителями власти. Взамен императорское окружение предпочло продолжать политику в рамках государственного патернализма и учредило должность земского участкового начальника, совместившего административные функции и судебные полномочия по отношению к обособленному крестьянскому миру.

1. Письма К.Д. Победоносцева Александру III // [Электронный ресурс]: <http://militera.lib.ru/bio/0/pdf/aleksandr3.pdf> (дата обращения: 16.03.2014 г.).
2. Ерошкин Н.П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во министерства Просвещения РСФСР, 1960. С. 234.
3. Леонтьев А.А. Крестьянское право: системат. изложение особенностей законодательства о крестьянах. Законоведение, 1914. С. 133.
4. Боханов А. Император Александр III М.: Русское слово, 2001. С. 428.
5. Половцов А. Дневник государственного секретаря А.А. Половцова: в 2 т. Т. 2: 1887–1892 гг. М.: Центрполиграф, 2005. С. 146.
6. Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М.: Русская книга, 1993. С. 559.
7. Корнилов А. Курс истории России XIX века // [Электронный ресурс]: <http://rushis.com/index.php/kornilov> (дата обращения: 19.03.2014 г.).
8. Там же.
9. Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX века. М.: Мысль, 1970. С. 83.
10. Пазухин А.Д. Современное состояние России и сословный вопрос // [Электронный ресурс]: <http://www.knigafund.ru/books/10278/read> (дата обращения: 28.03.2014 г.).
11. Зайончковский П.А. Указ. соч.
12. Судебные уставы 20 ноября 1894 года за 50 лет. Петроград: Сенатская типография, 1914. Т. 2. С. 701.

Е.П. Жигулин
Курский государственный университет,
студент

ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ КУРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ МОСКОВСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

Вопрос об электрификации железно-дорожного транспорта был поднят советским правительством еще в 20–30-х гг. XX в., но практическая реализация массового внедрения электричества на магистральных направлениях железных дорог была завершена в 50–60-х гг. XX в.

В 1956 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли Генеральный план электрификации железных дорог, переводивший главнейшие магистральные направления ж/д на электрическую тягу. В 1958–1965 гг. длина электрифицированных линий возросла с 9,5 до 24,9 тыс. км.

С 1956 г. начался новый этап массовой электрификации железных дорог СССР, который стремительно вывел электротягу и тепловозную тягу с 15 % в перевозках в 1955 г. до 85 % доли в 1965 г¹.

Резкое увеличение перевозок не было возможно без коренной технической реконструкции железных дорог на основе электрификации и внедрения тепловой тяги.

В 60-е гг. на Курском отделении была произведена большая работа по комплексной механизации и автоматизации производственных процессов, экономии электроэнергии, цветных и черных металлов, внедрению прогрессивной техники и т.д.

В 1960 г. полностью закончена электрификация главного направления отделения железной дороги, а 5 ноября было открыто движение электровозов на участке Курск–Белгород. Так вошла в эксплуатацию электрифицированная магистраль Москва–Донбасс².

В связи с электрификацией была проделана значительная работа по реконструкции станции Курск, ее пути электрифицированы и удлинены, это дало возможность принимать и формировать длиносоставные тяжеловесные поезда, что существенно увеличило поток перевозок.

За 3 года освещено 8 линейных станций, 70 путевых домов, 100 стрелочных указателей³.

О перспективах развития Курского отделения Московской ж/д можно судить из следующей таблицы:

Таблица № 1.

План-проект на 1959–1965 гг. по энергетическому хозяйству Курского отделения Московской железной дороги⁴.

Станция ввода мощности	Наименование работ	Год ввода	Ориентировочная стоимость, тыс. руб.	Сумма вводимой мощности, кВт
Рышково	Строительство трансформаторной подстанции	1960	150,0	180
Охочевка	Постройка трансформаторной подстанции для подключения к ЛЭП 35 кВ	1960	240,0	50
Поныри	Постройка мачтовой подстанции для подключения к ЛЭП	1960	25,0	20
Золотухино	Постройка мачтовой подстанции для подключения	1960	25,0	20

	ния к ЛЭП			
Курск	Монтаж трансформаторной подстанции	1960-1961	75,0	180
Щигры	Постройка трансформаторной подстанции для питания от ЛЭП -35 кВ	1960-1961	150,0	100
Отрешково	Постройка мачтовой подстанции для подключения к ЛЭП	1961	50,0	50
Мелехино	Постройка мачтовой подстанции с устройством высоковольтных и низковольтных сетей для подключения к ЛЭП-35 кВ	1961	20,0	10
Льгов	Перевод на питание Льговского узла от линии ж/д пути Курского Совнархоза с постройкой трансформаторной подстанции	1961	1000,0	300
Дмитриев	Постройка трансформаторной подстанции для питания от ЛЭП-35 кВ	1961	300,0	380
Головинка	Постройка мачтовой подстанции с устройством высоковольтных и низковольтных сетей для подключения к ЛЭП-35 кВ	1961-1962	15,0	10
Арбузово	Постройка электростанции	1961-1962	200,0	50
Мармыжи	Постройка трансформаторной подстанции для перехода на ЛЭП	1962	150,0	100
Коренево	Постройка трансформаторной подстанции для	1962	200,0	180

	питания от ЛЭП			
Дьяконо- во	Постройка мачтовой подстанции для подключения станции и водокачки к ЛЭП-35 кВ	1963	50,0	50
Дерюги- но	Постройка трансформаторной подстанции для питания от ЛЭП	1963	25,0	20
Суджа	Постройка трансформаторной подстанции для питания от ЛЭП	1963- 1964	200,0	180
Лука- шёвка	Постройка мачтовой подстанции для подключения станции и водокачки к ЛЭП-35 кВ	1964	75,0	50
Блохино	Постройка мачтовой подстанции для подключения станции и водокачки к ЛЭП-35 кВ	1964	100,0	50
Кшень	Постройка мачтовой подстанции для подключения станции и водокачки к ЛЭП	1964	60,0	50
Псёл	Постройка мачтовой трансформаторной подстанции	1964	50,0	50
Конь- шёвка	Постройка трансформаторной подстанции	1964- 1965	150,0	100

Из отчетов Промфинплана службы электрификации и энергетического хозяйства Московской железной дороги на 1960 г.(по энергетическому хозяйству электроподстанции ст.Курск) можно получить следующие данные:

1) выработано электроэнергии и получено со стороны: 7 180 тыс. кВт*ч, из них–на собственных электростанциях – 845 тыс. кВт*ч, со стороны – 6 835 тыс. кВт*ч;

2) потери электроэнергии в сетях и трансформаторах – 431 тыс. кВт*ч;

3) расход электроэнергии на собственные нужды – 27 тыс. кВт*ч;

4) электроэнергия к реализации – 6721 тыс. кВт*ч⁵;

Согласно пояснительной записке к профинплану электростанции Льгов Московской ж/д за тот же год, получены следующие результаты:

1. Запланированная годовая выработка электроэнергии с учетом фактической выработки 1959 г. и ростом нагрузки – 5 000 тыс. кВт*ч (дизели).
2. Расход электроэнергии на собственные нужды 4,5 % от выработки – 225,0 тыс. кВт*ч.
3. Потери 3,5 % в сетях и трансформаторов – 175,0 тыс. кВт*ч.
4. Полезный отпуск электроэнергии – 4600,0 тыс. кВт*ч⁶.

Два года спустя уровень выработки и потребления электроэнергии курским отделением Московской железной значительно возрос, о чем можно судить исходя из приведенной ниже таблицы.

Таблица № 2.

План выработки электроэнергии электростанций на 1962 г.⁷

Наименование станции	Выработка Электроэнергии (в тыс. кВт*ч)	Норма расхода топлива(на 1кВт*ч в кг)	1кв	2кв	3кв	4кв
Мармыжи	172	0,52	50	34	37	51
Льгов	144	0,42	50	22	22	50
Коньшёвка	140	0,48	40	30	30	40
Дмитриев	170	0,5	47	38	38	47
Псёл	70	0,56	22	12	12	24
Суджа	100	0,56	30	20	20	30
Юсупово	15	0,56	5	3	2	5
Арбузово	170	0,52	46	39	39	46

Согласно годовому отчету за 1962 г., по Курскому участку энергоснабжения Московской ж/д на 1962 г. планировали выработку электроэнергии 959 тыс. кВт*ч, из которых 16 339 тыс. кВт*ч намеревались получить со стороны, реализовать выработанной и переработанной электроэнергии 16 260,1 тыс. кВт*ч, но фактически план перевыполнили – было выработано электроэнергии – 1 023 тыс. кВт*ч (106,8 % к плану), а получено со стороны – 17 688 тыс. кВт*ч; всего реализовали – 17 384,7 тыс. кВт*ч⁸.

К 1965 г только на Курском участке энергоснабжения Московской ж/д выработка и потребление электроэнергии увеличилась – выработано на собственных электростанциях 879 тыс. кВт*ч (запланировано 763 тыс. кВт*ч), получено со стороны 18 693 тыс. кВт*ч. (запланировано 17 492 тыс. кВт*ч.), реализовано 18 778 тыс. кВт*ч., учитывая расходы на собственные нужды и потери в сети – 4,1%.

В течение указанного года было заменено 50 дефектов опор, произведен капитальный ремонт 7 км высоковольтных линий, 40 км низковольтных.

Силами сетевых районов построено 24 км высоковольтных линий, электрифицирован 1 остановочный пункт, 10 переездов, 14 путейских будок, 50 стрелочных указателей, были закрыты электростанции Псёл, Конышёвка⁹.

В заключение следует отметить, что рост потребления электроэнергии курским отделением Московской ж/д с возрастал ежегодно (с 6 721 тыс. кВт*ч в 1960 г. до 18 778 тыс. кВт*ч в 1965 г.), что не могло отразиться на нагрузках Курской ТЭЦ – единственной крупной на тот момент электростанции, способной вырабатывать столь значительные объемы электроэнергии, и не смотря на увеличение ее мощности до 200 МВт, Курская область стала испытывать дефицит электроэнергии, что, в свою очередь, требовало строительства атомной электростанции.

-
1. Электрификация СССР / под ред. П.С. Непорожного. М.: Изд-во Энергия, 1970. С. 215.
 2. Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф.Р – 377. Оп. 1. Л. 8.
 3. ГАКО. Оп. 2. Д. 18. Л. 28.
 4. ГАКО. Оп. 2. Д. 8. Л. 58–59.
 5. ГАКО. Оп. 2. Д. 29. Л. 1–3 об.
 6. ГАКО. Оп. 2. Д. 29. Л. 11–19.
 7. ГАКО. Оп. 2. Д. 62. Л. 142.
 8. ГАКО. Оп. 2. Д. 62. Л. 10–12.
 9. ГАКО. Оп. 2. Д. 110. Л. 100–103.

Ю.С. Петраков
Курский государственный университет,
студент

КРЕСТЬЯНЕ ЯМСКОЙ СЛОБОДЫ ГОРОДА СТАРОГО ОСКОЛА ПО СВЕДЕНИЯМ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ 1911 г.

В данной статье приводится подробнейшее описание состояния пригородных крестьянских хозяйств уездного центра на примере селения Ямская слобода Казацкой волости Старооскольского уезда.

Изучив и обработав весь массив данных о населении и его половозрастной дифференциации, мы пришли к следующему:

1) общая численность проживающих в Ямской слободе людей крестьянского сословия составляла на лето 1911 г. 2 384 чел. Из которых 1 221 чел. (51,21 %) – мужчины, а 1 163 чел. (48,78 %) – женщины.

2) учитывая то, что, помимо разделения крестьян по половому признаку, в первичном формуляре давалась информация и о количестве селян по возрастным группам, то ниже укажем:

а) от числа всего мужского населения 44 чел. (3,63 %) являлись лицами, не достигшими и 1 года жизни, 244 чел. (19,98 %) – от 1 года и до 7 лет, 171 чел. (14,00 %) – от 8 и до 13 лет, 98 чел. (8,02 %) – от 14 лет и до

17, 576 чел. (47,17 %) – от 18 лет и до 59 лет, 88 чел. (7,20 %) – от 60 лет и более.

б) среди женщин 34 чел. (2,92 %) – возраст которых не превышал 1 год, 205 чел. (17,63 %) – от 1 года и до 7 лет, 138 чел. (11,87 %) – от 8 лет и до 12, 85 чел. (7,31 %) – от 13 и до 15 лет, 578 чел. (49,70 %) – 16–54 года, 123 чел. (10,58 %) – от 55 и старше.

Обратив внимание на некоторые различия в определении рамок возрастных категорий для мужчин и женщин, заметим, что они не являются существенными и связаны с особенностями полового развития тех и других.

Так, к жителям Ямской слободы, находящимся в несовершеннолетии (до 18 лет у мужчин и до 16 лет у женщин), относилось 1 019 чел. (42,74 %) от всего населения причем с небольшим перевесом мальчиков над девочками: 54,66 и 45,34 % соответственно.

Крестьяне, достигшие уже совершеннолетия, но не перешагнувшие еще порог пожилого возраста (18–59 лет – мужчины и 16–54 года – женщины) насчитывали 1 154 чел., или 48,40 % от общего количества людей, проживавших в данном населенном пункте. Соотношение в этой возрастной группе между мужчинами и женщинами было в целом равно 49,91 и 50,09 %.

К пожилым и старым людям (от 60 лет у мужчин и от 55 лет у женщин) переписчиками было отнесено 211 чел. (8,85 %) от числа жителей Ямской слободы, среди которых преобладало женское население (58,29 %) по сравнению с мужским (41,70 %).

Также приводились цифры и по уровню грамотности крестьян той слободы: из 2 384 жителей 564 чел., или 23,66 %, владели грамотой, 457 чел. (19,17 %) являлись полуграмотными, 450 чел. (18,88 %) были отнесены к учащимся. Отсюда получаем, что 913 чел., или 38,30 %, были вовсе неграмотными.

Теперь сравним показатели по образованию мужчин и женщин раздельно: грамотных мужчин было 354 чел. (28,99 %), а женщин – 210 чел. или 18,06 %. Полуграмотное мужское население Ямской слободы равнялось 300 чел., что в переводе на проценты дает 24,57 %. Среди женщин полуграмотных – 157 чел. (13,50 %). Категория учащихся среди лиц мужского пола насчитывала 376 чел., или (30,79 %), а среди женского – 74 чел. (6,36 %). Следовательно, к абсолютно не владеющим основами счета и письма относились: 191 мужчина (15,64 %) и 722 женщины (62,08 %).

Таким образом, большая часть крестьян Ямской слободы оставалась безграмотной. Что касается уровня грамотности среди мужского и женского населения, то обратим внимание на превосходство первых над вторыми по грамотным и полуграмотным (примерно на 10,00 %), также преобладание среди учащихся (на 15,00 %) и преимущество лиц женского пола в числе безграмотных (приблизительно в 4 раза).

Дадим сводку по торгово-промышленным заведениям. В Ямской слободе ко времени переписи располагалось 56 таких объектов. При этом среди этих заведений насчитывалось 9 лавок, или 16,07 % от общего числа данных

строений. Число водяных мельниц, маслобоен, кузниц было по 3 (по 5,36 % на каждое из предприятий). Кирпичных же заводов было 38, и они составляли 67,86 %. Исходя из перечисленного констатируем, что типичным промыслом среди жителей этой слободы был кирпичный. Второе место занимала торговля, последними шли мельничное занятие, изготовление масла и кузнечное дело.

По пчеловодству слобожан приводятся сведения, согласно которым из 138 ульев большая их часть, а именно 135, или 97,83 % характеризовалась как простые, оставшиеся же 3, или 2,17 % – как рамочные.

Переходя к вопросу о степени обеспеченности населения живым инвентарем, заметим, что общее количество голов в данной слободе равнялось 962. Взяв это число за 100 %, получим следующее: 27,65 %, или 266 голов из них составляли рабочие лошади. К нерабочим была отнесена 41 лошадь (4,26 %), а к жеребьям – 11 (1,14 %). Помимо этого, в Ямской слободе находилось 295 коров (30,67 %), 3 быка (0,31 %), 66 подтелка и бычка (6,86 %), 63 теленка (6,54 %), 27 овец (2,80 %) и 191 свинья (19,85 %). Очевидно, что самым распространенным видом живого инвентаря в этом селении была корова, а быков – их, согласно обобщающим бланкам по Ямской слободе, было меньше всех. Преобладание числа коров над числом лошадей подтверждает преимущественно неземледельческий характер селения.

Что касается мертвого инвентаря, то отметим, что общее количество подобного имущества было 1 492 единицы. Распределение по видам выглядело следующим образом: 432 телеги на деревянном ходу (36,24 %), 184 телеги на железном ходу (15,44 %), 246 саней (20,64 %), 164 сохи (13,76 %), 130 деревянных борон (10,91 %), 5 катков (0,42 %), 2 однолемешных одноконных плуга (0,17 %), 1 однолемешный двухконный плуг (0,08 %), 17 веялок (1,42 %), 4 молотилки (0,33 %), 1 соломорезка (0,08 %) и 6 крушер (0,50 %). Как видим, самым многочисленным видом мертвого инвентаря была телега на деревянном ходу, а самым нераспространенным – однолемешный двухконный плуг и соломорезка.

Рассмотрим информацию по землевладению в Ямской слободе. Вся земля, относившаяся к своей общине, являлась душевой, суммарная площадь которой равнялась 1 448,19 дес. Приняв 14,48 дес. за 1 %, необходимо отметить, что усадебные участки занимали 373,60 дес. (25,80 %), пашенные наделы располагались на 1 067,20 дес. (73,70 %). Луг находился на 0,50 дес. (0,03 %), неудобные земли занимали 6,89 дес. (0,48 %). Приведем более подробную характеристику по усадебным наделам: двор – 64,52 дес. (4,46 %), сад – 30,61 дес. (2,11 %), овощи – 66,44 дес. (4,59 %), картофель – 0,34 дес. (0,02 %), участки под сено – 16,73 дес. (1,16 %), заросли – 5,30 дес. (0,37 %). Из пашенных земель под посев использовали лишь 250,58 дес., что составляло 17,31 % от общей площади участков.

Помимо данного, крестьяне Ямской слободы имели вненадельные земли в чужой общине: 13,75 дес. – двор, 92,00 дес. сад.

Из всего этого очевидно преобладание пашенных наделов над усадебными. Внутри последних доминировали картофельные земли.

Распределение посевов имело нижеследующий характер: озимая рожь – 245,61 дес., или 36,82 % от всех высеянных культур, озимая пшеница – 38,20 дес. (5,73 %), ячмень – 23,45 дес. (3,52 %), овес – 110,50 дес. (16,57 %), греча – 50,17 дес. (7,50 %), просо – 109,99 дес. (16,49 %), чечевица – 9,00 дес. (1,35 %), горох – 6,05 дес. (0,90 %), картофель – 2,66 дес. (0,40 %), конопля – 19,2 дес. (2,88 %), подсолнечник и лен – 31,45 дес. (4,72 %), что подтверждает важнейшую роль ржи в крестьянской экономике¹.

Далее приведем как частный пример описание типичного крестьянского хозяйства данной слободы.

К такому хозяйству относился двор душевого крестьянина Чернышева Василия Васильевича.

Его семья насчитывала пять челове: хозяин (30 лет), его жена (25 лет), две дочери (7 и 5 лет) и сын (2 года). Причем необходимо отметить, что первые два члена семейства обучались в земской школе, где достигли, однако, разных уровней образования: если самого хозяина можно было считать грамотным, то его супругу – всего лишь полуграмотной.

В собственности Чернышевых находился 1 кирпичный завод, что и определяло их уровень благосостояния. Будучи кирпичником в своем селе и работая на себя, домохозяин получал валовый заработок в объеме 200 руб. За вычетом всех расходов, которые составляли 120 руб., сумма чистого дохода равнялась 80 руб.

Касаясь наличия живого инвентаря, констатируем, что из возможного разнообразия данного вида имущества эта семья имела только 1 корову.

К мертвому инвентарю относились лишь 2 телеги на деревянном ходу.

Говоря о землевладении Чернышевых, заметим, что из 1,00 дес. всей их территории 0,45 дес. занимала усадьба, а 0,55 дес. – пашня. Усадебная земля была распределена между двором, картофелем и пашней в следующем соотношении: 0,10 дес., 0,20 дес. и 0,15 дес. соответственно. Пашенная земля была разбита на 10 участков и сдавалась Чекунову Михаилу Кузьмичу сроком на 1 год, за что Чекунов должен был заплатить Чернышеву сумму в размере 9 руб. В заключение по этому крестьянскому хозяйству скажем, что сданная земля относилась к душевой категории².

1. Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 736. Л. 193–196 об.

2. ГАКО. Ф. 4. Д. 735. Л. 30–30 об.

ОРГАНИЗАЦИЯ ЛЕЧЕНИЯ УЧАСТНИКОВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Начало Первой мировой войны поставило все воюющие государства перед лицом решения новых задач, в том числе и связанных с медицинским обеспечением армии. В Российской Империи этими вопросами занялись как уже существующие организации (военное ведомство, Российское общество Красного Креста), так и те, которые своим появлением были обязаны войне (Земский союз и Союз городов), создававшие на государственные кредиты лечебные учреждения.

Как только стало известно об объявлении войны, в Курске начались приготовления к приему раненых, так как городу в разворачивающийся кампании предстояло возглавить Курский распределительный пункт, куда вошла Воронежская губерния. Раненых направляли из Киева, поскольку Курщина входила в Киевский военный округ и театр военных действий Юго-Западного фронта. Для дальнейшей транспортировки Курску были переданы санитарные поезда № 20, 50, 58¹. Необходимо отметить, что из губернского центра дальнейшая эвакуация раненых возможна было только в Воронеж, который часто отказывал в приеме пациентов из-за отсутствия мест. Курское земство, докладывая об этом МВД, сообщало, что нередко случаи переполнения госпиталей, например, в лечебнице на 200 кроватей приходилось помещать 267 раненых. Министерство своеобразно отреагировало на это сообщение, оставив на его полях карандашную заметку «это еще немного»². Согласно телеграмме от 8 августа, направленной губернатором Н.П. Муратовым в Генеральный штаб, под сборный пункт и госпитали были выделены 3 казармы, всего на 750 мест. В этих помещениях уже были поставлены 500 коек, но постельных принадлежностей хватало всего лишь на 200. При этом сообщалось о способе транспортировки прибывающих раненых: «По приходу санитарного поезда он передается на станцию Курск-город, в ста шагах от которой проходит линия трамвая, вдоль которой размещены указанные выше помещения, отведенные городом. На особо приспособленных трамвайных платформах на носилках больные доставляются по назначению. Способные сидеть и двигаться будут перевозиться в рессорных фаэтонах»³. Далее из телеграммы следует, что в ходе поиска помещений под лечебницы вблизи здания вокзала было решено занять в случае необходимости гостиницу Европейскую, биржевой комитет, здание купеческого клуба и мужскую гимназию, всего на 1 300 мест. Для дальнейшего развертывания планировали использовать помещения духовной семинарии, 1-ю и 2-ю женские гимназии, духовное училище. Не осталось в стороне и общество: губернское дворянство предос-

тавило помещение в здании собрания на 75 коек, Курская епархия – только что отстроенное женское училище на 630 кроватей и общежитие духовной семинарии, купеческое собрание – помещение своего клуба на 420 мест. Однако их надо было еще соответствующе оборудовать. Где-то не хватало ванн и переносных клозетов, а где-то требовалось провести электричество (в казармы). Губернатор в вышеупомянутой телеграмме подчеркивал также, что «кроватей город может дать еще около тысячи, постельных принадлежностей нет... Но в уездах попечением земства, общественными учреждениями и частными лицами спешно приготавливаются койки, число которых до 600, но будет больше»⁴.

В связи с этим руководство губернии просило Генштаб об отпуске 25 тыс. руб. для осуществления всех необходимых приспособлений Муратов заявлял: «У меня нет ни копейки на этот предмет, и мы совершенно лишены возможности оказать какое-либо содействие»⁵. Ответа на данный запрос не последовало. Требуемую сумму предоставило земство⁶. Частично недостаток в нужных вещах компенсировали за счет помощи из уездов и благотворительной активности частных лиц. По просьбе губернатора многие уездные центры высылали имеющиеся у них излишек холста. Помимо этого, помещики и крестьяне окрестностей губернского центра внесли свою лепту в оборудование лечебных учреждений. Из имений Обидина и графа Клейнмихеля, находившихся в Рышковской волости Курского уезда, 20 и 21 августа к лазаретам города было доставлено в общей сложности 18 возов ржаной соломы для набивки матрасов, а братьями Василием и Федором Белоусовыми, жившими в Стрелецкой слободе при г. Курске, было пожертвовано на устройство кроватей для госпитализированных солдат 3 воза соломы⁷.

Начальник губернии, обращаясь к военному министру, спрашивал, придут ли госпитали в Курск, поскольку в городе нет перевязочного материала, медикаментов и инструментов. При этом сообщалось, что земство губернии и местное отделение Красного Креста готовы немедленно начать заготовку всего необходимого, но громадные затраты могут оказаться излишними, если лазареты не передислоцируют в город или они привезут с собой все необходимое. Решение этого вопроса отпало, так как прибывшие в губернский центр лечебницы были обеспечены всем необходимым⁸. Передислоцировали первоначально 2 эвакуационных госпиталя из Воронежа, один из них – 78-й эвакуационный – разместился в строящемся здании Народного дома (ныне Филармония), который сразу же стали приспособлять под госпиталь на 420 мест.

Не осталось в стороне и земство. На Экстренном губернском земском собрании, от 24 июля 1914 г. было решено отказаться от вступления во Всероссийский земский союз (ВСЗ). Стоит отметить, что в ВСЗ отказалось вступить только курское земство, консервативное руководство которого опасалось пролиберальной союзной организации, этого не произошло и после объединения 10 июля 1915 г. Всероссийского земского союза с аналогичной по функциям организацией – Всероссийским союзом городов (ВСГ) в Главный

по снабжению армии комитет Всероссийских земского и городского союзов. Решение о присоединении было принято лишь после Февральской революции, когда произошла смена руководства Курского земства.

Этим же собранием было решено: 1) устроить в Курске госпитали на 300 кроватей в хирургическом бараке земской больницы и нанять соответствующее помещение для этого, если же такового в городе не окажется, то предполагалось разместить его в здании губернской управы, а последнюю разместить в наемных помещениях; 2) создать подвижный земский лазарет на 100 кроватей для оказания первой медицинской помощи раненым на передовых позициях; 3) сформировать вблизи линии фронта мобильный питательный пункт; 4) обратиться к уездным земствам тех городов, которые расположены у железнодорожных станций, с просьбой обустроить временные госпитали на то число кроватей, которое возможно оборудовать в ближайшее время; 5) ассигновать 1 млн руб. на эти цели⁹.

Земскому самоуправлению, как и городскому, но вошедшему во Всероссийский союз городов, пришлось заняться приисканием помещений.

В первую очередь часть миллионного ассигнования потратили на оборудование лечебницы в здании губернской управы. Первый санитарный поезд пришел в губернский центр 22 августа. Приток раненых с каждым днем увеличивался. Пришлось срочно открывать отделения земского госпиталя в доме Волкова на Московской улице, в одном из павильонов психиатрической больницы в пригородной д. Сапогово. Помимо этого в земской больнице было отведено место, где обустроили отделение для заразных больных на 125 кроватей, а в конце 1914 г. открыли особый барак для вышеуказанных пациентов на 75 коек в Ямской слободе. В начале 1915 г. по требованию верховного начальника санитарной и эвакуационной части А.П. Ольденбургского небольшое заразное отделение в сл. Ямской расширили еще на 120 мест в специально выстроенных помещениях.

На средства Всероссийского союза городов на ул. Генеральной был построен барак для больных. К нему специально была проложена временная трамвайная ветка от станции Курск-город. Отдельно следует отметить, что передвижение вагонеток, перевозящих пострадавших, производилось людьми¹⁰.

Одновременно были открыты и содержались за счет губернского земства госпитали в Белгороде (рассчитан на 250 пациентов), Обояни (25), Дмитриеве, Льгове, Новом Осколе, Судже и Щиграх (по 50 кроватей в каждом). Другим уездным городам было выделено по 5 тыс. руб. на расширение и развитие госпитальной помощи¹¹.

Заслуживает внимания и стремление некоторых лиц предоставить для размещения лечебных учреждений часть своих помещений. Например, у Барятинских на излечении находилось несколько воинов¹². А гласный Городской думы Курска Николай Гладков предоставил за исключением нескольких комнат, до окончания войны в распоряжение Городского общественного управления свой дом на 1-й Сергеевской улице, № 21 для устройства в нем

лазарета на 25 человек. Все расходы, связанные с содержанием лечебницы, жертвователем взял на себя¹³. Не осталось в стороне и крестьянство – крестьянин села Хмелевое Хмелевской волости Фатежского уезда Иван Семенович Кишкин просил руководство губернии разместить раненых в имеющейся у него хате с настланным полом. Губернатор отказался от его предложения, ввиду отдаленности домовладения от железной дороги¹⁴. Довольно интересно обращение некоего Г. Суворова, старшего помощника начальника станции Курск-город, предложившего Н.П. Муратову устроить лечебницу в его доме при селе Глушково. Обследование домохозяйства показало, что оно принадлежало третьему лицу, а не самому заявителю. Владелец сообщил, что он не отдает квартиру в аренду, а может только продать ее, назначив цену в 40 тыс. руб. Более того, помещение, находившееся в 10 верстах от железнодорожной станции, требовало капитального ремонта. От такого «выгодного» предложения пришлось отказаться¹⁵.

Отдельно следует отметить готовность жертвовать не только вещи, но и свое личное время. Например, мещанин Георгий Иванович Глек просил зачислить его в санитары курского сводного госпиталя без оплаты. В прошении он указывал, что имеет возможность ухаживать за бойцами в свободное от работы время. Просьба была удовлетворена¹⁶. Довольно много желающих внести таким образом свой вклад в победу было среди учащихся курских учебных заведений, специально для них был утвержден специальный нагрудный знак в виде красного креста на белом фоне¹⁷.

Земская управа в конце 1914 г. назначила специальную комиссию для обследования подотчетных лечебных учреждений Курска. Самое лучшее впечатление произвел лазарет, устроенный в хирургическом бараке земской больницы. В нем на лечении находилось 100 нижних чинов и 16 офицеров.

В здание губернской земской управы специально провели воду, поставили ванны, клозеты, оборудовали операционную и перевязочную. Пациентов размещали в 26 палатах. Некоторые комнаты хуже вентилировались, но с этим приходилось мириться, ибо была необходимость в использовании почти всех помещений. К моменту обследования на излечении было 210 нижних чинов, преимущественно с тяжелыми ранениями. После открытия этого госпиталя туда перевели 207 тяжелораненых из военных госпиталей, так как в них ощущалась недостаточная хирургическая помощь. В доме Волкова располагалось филиальное помещение на 50 кроватей, все они были заняты. В этих 3-х лечебных учреждениях в качестве санитаров безвозмездно трудились учащиеся духовной семинарии.

Только о терапевтическом лазарете в доме на углу Московской и Мирной улиц комиссия не могла сказать ничего хорошего. Больные размещались на 2-х этажах, здание не ремонтировали к моменту занятия под лазарет. Верхний этаж не вентилировался вообще, когда ревизоры посетили его, воздух был очень тяжелый и спертый, палаты не прибраны, под койками находилась еще посуда, наполненная нечистотами. Нижний этаж сырой (мокрые пятна на стенах). В больнице находилось 55 солдат, преимущественно стра-

дающих ревматизмом, были и больные туберкулезом, и человек 15 частных пациентов.

В лазарете в д. Сапогово, что был в нескольких километрах от самого города, с 29 августа 1914 по 1 июля 1915 г. на лечении находилось всего 925 больных и раненых, в то время как в Курске за указанный период лечебный курс прошли 3 827 солдат и офицеров. Столь малое количество больных, размещенных в нем при перегрузке других подобного рода медицинских учреждений в губернском центре, можно объяснить отсутствием организованной перевозки пациентов туда и обратно. С апреля 1915 г. для транспортировки нанимались подводы у местного крестьянства по 1,5 руб. за каждую телегу, однако при этом пациенты испытывали определенные неудобства¹⁸. К сожалению, отчетов о проверках других лечебных учреждений в губернии пока обнаружить не удалось. Известно лишь, что через лечебные заведения Курска к 20 октября 1914 г. прошло примерно 19–20 тыс. пациентов, из которых только 18 умерли¹⁹.

Как мы видим из вышеупомянутого отчета, в Курске особенно не хватало транспортных средств для перевозки раненых. Губернатор вначале обратился с просьбой о предоставлении 6 автомобилей к командующему войсками Московского военного округа, но, получив отказ, решил направить свою просьбу председателю Особого совещания по рассмотрению ходатайств о пособиях на организацию помощи больным и раненым воинам. В прошении сообщалось, что расстояние от железнодорожного вокзала Курск–Ямская до Курска около 5 верст. Госпитали разбросаны по городу на значительном расстоянии друг от друга. Раненых и больных перевозили либо на простых городских извозчиках, что при скверных экипажах (вместо первоначально заявленных рессорных фаэтонов) и плохих мостовых причиняло сильные страдания раненым, либо пользовались услугами местного трамвая. Но последний способ транспортировки применялся лишь к лазаретам, которые помещались на 2-х главных улицах города, ибо только по ним была проведена трамвайная линия. Кроме того, дирекция трамвая, предоставлявшая до последнего времени для перевозки раненых и больных четыре вагонетки, сократила их число до одной. Такое решение сводило оказываемую помощь ими к нулю. В одной вагонетке могло размещаться не более 6 носилочных раненых, а в Курск их прибывало около 500 в каждом поезде, причем в сутки их приходило два, а то и три. Оказать давление на дирекцию трамвая невозможно, так как перевозка раненых производилась бесплатно и причиняла ей значительные убытки ввиду того, что каждая нагрузка вагонеток парализовывала почти все пассажирское движение трамвая по городу. Транспортировка оспенных, тифозных, кишечных, венериков и т.п. больных в заразные бараки осуществлялась все теми же вышеупомянутыми средствами. Ответ не заставил себя долго ждать: «Я мог бы внести ваше ходатайство лишь в том случае, если бы его внесло курское губернское земство или Всероссийский городской и Земский союзы». Земство направило свое прошение, правда, уже о 3 автомобилях, 2 из которых планировали оставить в Курске, а 1 передать в

госпиталь на Кавказском фронте. На это последовала резкая резолюция, что необходимый транспорт земство могло бы приобрести из суммы на непредвиденные расходы (из миллионного ассигнования). Приобретение же автомобиля для Кавказского госпиталя, должно было быть произведено из собственных средств земства, на которые и содержится лазарет²⁰. К сожалению, не удалось обнаружить дальнейшую информацию по этому вопросу.

Согласно данным на 1 января 1915 г., за счет губернского земства содержалось 1 250 коек, 1 700 планировалось оборудовать силами уездных управ. Однако ввиду ограниченности средств земств уездов план выполнить не удалось. Число больничных мест, имевшихся в уездах к 1 сентября 1915 г., показано в нижеприведенной таблице:

Уезд	За счет земства губернии	Усилиями уездных земств
Белгородский	288	—
Грайворонский	40	60
Дмитриевский	50	—
Корочанский	20	—
Курский	100	—
Льговский	50	56
Новооскольский	50	52
Обоянский	53	—
Путивльский	—	50
Рыльский	70	—
Старооскольский	95	—
Суджанский	50	61
Тимский	55	—
Фатежский	—	50
Щигровский	41	78

После Февральской революции в деле лечения раненых и больных произошли изменения. После обновления состава губернского земского собрания был всерьез рассмотрен вопрос о присоединении к Всероссийскому земскому союзу с передачей ему госпиталей. Хотя отдельные уездные земства пытались самостоятельно вступить в ряды Союза еще до революции: в июне 1915 и июле 1916 гг. земства Суджи и Корочи из-за плохо снабжения медикаментами решили вступить в ряды ВЗС. Однако если Суджанское земство первоначально получило положительный ответ на свой запрос, то Корочанскому сразу же отказали. И на то были свои причины, так как земство Курской губернии в деле помощи раненым и больным воинам действовало самостоятельно, объединяя входящие в губернию уездные земства и отпуская им необходимые средства на содержание госпиталей. Выделение же госпитального дела отдельных уездных земств и переподчинение их руководству Земского союза невозможно, поскольку губернное земство получало от казны деньги на всю губернию²¹. Необходимость присоединения к ВЗС после

февральских событий, на наш взгляд, в первую очередь была продиктована чисто экономическими причинами, так как Государственное казначейство компенсировало затраты земства. После революции эти выплаты были прекращены, и в условиях начавшегося стремительного роста цен курская организация оказалась в предкризисной ситуации.

Таким образом, в годы Первой мировой войны на территории Курской губернии усилиями местных властей, губернского земства, Красного Креста была организована разветвленная сеть госпиталей, оказывавших раненым необходимую им помощь, хотя некоторые из лечебных учреждений испытывали нехватку необходимых средств.

-
1. Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 8428. Л. 26.
 2. Российский государственный военно-исторический архив (далее: РГВИА). Ф. 2002. Оп. 1. Д. 2. Л. 72.
 3. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10709. Л. 6.
 4. Там же.
 5. Там же. Л. 56.
 6. РГВИА. Ф. 2002. Оп. 1. Д. 2. Л. 49 об.
 7. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10709. Л. 113–114, 202.
 8. Там же. Л. 17, 28.
 9. Журнал заседания экстренного губернского земского собрания за 24 июля 1914 г. Курск: тип. губ. земства, 1914. С. 12.
 10. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 17038. Л. 1.
 11. Журнал заседания экстренного курского губернского земского собрания за 1 сентября 1915 г. Курск: тип. губ. земства, 1915. С. 33, 34.
 12. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10709. Л. 109.
 13. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10708. Л. 6.
 14. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10709. Л. 250–251.
 15. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10709. Л. 154–157 об.
 16. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10709. Л. 221–222.
 17. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10709. Л. 234.
 18. Журнал заседания... за 1 сентября 1915 г. С. 3, 44, 45.
 19. РГВИА. Ф. 2002. Оп. 1. Д. 2. Л. 49.
 20. РГВИА. Ф. 2002. Оп. 1. Д. 2. Л. 215–217, 230, 253.
 21. РГВИА. Ф. 12563. Оп. 1. Д. 4. Л. 98–99, 125–126.

Д.Р. Сычева
Курский государственный университет,
магистрант

РОЛЬ СОВЕТСКИХ ЖЕНЩИН – ДЕЯТЕЛЕЙ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ В ДОСТИЖЕНИИ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

В годы войны государство сумело найти необходимые материальные и трудовые ресурсы и преодолеть колоссальные хозяйственные трудности, которые обрушились на него. В борьбу за усиление военно-экономической мо-

щи страны внесли свой огромный вклад женщины – ученые, преподаватели вузов, деятели культуры и искусства.

Все научные учреждения страны с самого начала войны приступили к перестройке своей работы в соответствии с новыми требованиями. Решение об этом было принято уже 23 июня 1941 г. на внеочередном расширенном заседании Президиума Академии наук СССР. Оно обязывало все отделения и научные учреждения Академии наук безотлагательно пересмотреть тематику работ, нацелив всю инициативу и энергию научных работников на выполнение сложных задач по укреплению обороноспособности государства.

В тяжелые для страны годы наиболее ярко проявился патриотизм советских ученых. Женщины – научные сотрудники, преподаватели вузов в первые дни войны на собраниях, митингах, выражали решимость отдать все силы для защиты своей страны. Так, 23 июня 1941 года на внеочередном расширенном заседании Президиума АН СССР из 60 присутствовавших крупнейших ученых страны выступили 17 академиков и членов-корреспондентов АН СССР, в том числе женщины. Ученые заверили, что отдадут «все свои знания, все свои силы, энергию и свою жизнь за дело нашего великого народа, за победу над врагом и за полный разгром фашистских бандитов, осмелившихся нарушить священные границы нашей великой социалистической Родины»¹.

Начавшуюся перестройку работы на военный лад многим научным учреждениям пришлось вести в сложнейших условиях эвакуации. На восток перебазировались исследовательские центры западных районов страны².

Фашистам не удалось захватить в свои руки советские научные учреждения и кадры, хотя они очень рассчитывали использовать их в своих целях. В фашистской Германии в глубокой тайне шли работы над созданием смертоносного бактериологического оружия. В одном из институтов военные бактериологи культивировали бактерию чумы. Их очень интересовали ставшие всемирно известными работы советского ученого М.П. Покровской, которая до войны нашла эффективный метод борьбы с этой страшной болезнью. В планы фашистских бактериологов входило захватить Покровскую³, но им не удалось это сделать.

Женщины-ученые приняли самое активное участие в процессе эвакуации, на их плечи легла тяжелая работа. Советская наука успешно преодолела трудности эвакуации и организации работы на новом месте.

В условиях блокады Ленинграда все женщины, в том числе ученые-медики упорно боролись за жизнь ленинградских детей. Трогательную заботу о детях проявили сотрудники Педиатрического института. Профессор М.П. Небытова-Лукьянчикова и другие разработали методику приготовления смесей из соевого молока. Большую помощь в организации детского питания оказали научные работники этого же института П.В. Балинская и В.Б. Киселева⁴.

Большой вклад в дело разгрома фашизма внесли женщины – специалисты в области гуманитарных наук. Историки, философы, экономисты, этно-

графы, юристы, языковеды в своих трудах разоблачали антинаучный характер теории расизма, служившей идеологической базой для оправдания мирового господства «расы господ». В войну усиливается общественно-политическое значение исторической науки. Она идеологически вооружала народ, перед всем миром разоблачала чужденоненавистническую сущность германского фашизма, служила укреплению международной солидарности демократических стран, воспитывала в народе чувство советского патриотизма, изучала боевые традиции народов нашей страны. Героическому прошлому народа были посвящены многие исторические исследования.

Научные коллективы Центрального института эпидемиологии и микробиологии Наркомздрава СССР под руководством М.К. Кронтовской и лаборатории Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ) в кратчайшие сроки освоили новую методику производства сыпнотифозной вакцины, которая была применена в 1942 г. В 1943 г. выпустили 5 млн доз⁵. Профессор М.К. Кронтовская была награждена орденом В.И. Ленина.

В 1942 г. профессор З.В. Ермольева в лаборатории биохимии микробов НИИ экспериментальной медицины совместно с Т.И. Балезиной впервые в Союзе выделили активный штамм плесневого грибка, продуцирующего пенициллин. Пенициллин прочно занял главенствующее положение в борьбе с гнойно-воспалительными процессами, сепсисом⁶.

Женщины–писатели, поэты, актрисы, художницы боролись в едином строю со всем советским народом. Артисты драматических и музыкальных театров внесли свой вклад в общее дело Победы.

С первых дней войны Пленум ЦК профсоюза работников искусства обратился к деятелям искусства с призывом принять участие в освободительной борьбе. По инициативе начальника отдела по делам искусств Курской области З.С. Пушминой были внесены изменения в привычный ритм деятельности творческих организаций. Приказом № 65 по отделу искусств Курской области от 23 июня 1941 года, из отпусков были отозваны все работники отдела. В срочном порядке в подведомственных организациях был установлен график дежурств персонала, проведена работа по светомаскировке зданий⁷.

Президиум Всероссийского театрального общества (ВТО) 3 июля 1941 г. принял решение начать работу по созданию оборонного и антифашистского репертуара. Было сформировано около 400 театрально-концертных и цирковых бригад, создано 25 фронтовых театров. Под свистом вражеских пуль артисты пели и играли на фронтовой сцене.

В июле 1941 г. одну из первых фронтовых артистических бригад возглавила заслуженная артистка РСФСР Е.С. Орленева. Свыше 20 тыс. км пути проделала по фронтовым дорогам бригада. В нее входили артисты Большого театра СССР, Московского театра оперетты.

В годы войны народная артистка СССР В.В. Барсова активно участвовала в работе фронтовых концертных бригад, выступала в действующей армии, госпиталях, на фабриках и заводах. Денежный сбор от некоторых соль-

ных концертов она передавала в Фонд помощи детям фронтовиков. В 1944–1945 гг. В.В. Барсова была во главе группы советских артистов в освобожденных государствах в Польше, Югославии, Румынии и Болгарии⁸.

Большим успехом пользовалась постановка Московского театра имени Моссовета «Надежда Дурова», главную роль в ней исполняла народная артистка СССР В.П. Марецкая в картине «Она защищает Родину». Эта героиня стала символом боевых подвигов во имя защиты Родины, в этой роли прозвучала тема гражданского долга и патриотизма. Не только у нас, но и за рубежом, образ Лукьяновой, потрясающий по своей силе и трагизму, произвел огромное впечатление на прогрессивных людей.

Мощный духовный заряд несли художественные кинофильмы. Ярko проявился талант актрис в кино. В кинофильмах военной поры снимались выдающиеся актеры – Л. Орлова, М. Ладынина, В. Серова, Н. Ужвий, З. Федорова и др. Лучшие художественные фильмы повествовали о народном подвиге.

Свой достойный вклад в мобилизацию духовных сил народа внесли женщины-писательницы и журналистки. В суровые дни войны они продолжали активно и с пользой дела для народа заниматься творческой работой.

Большой отряд писателей работал в штатах фронтовых редакций и среди них В.К. Кетлинская («Краснознамённый Балтийский флот», газета «Балтийский флот»). В армейских газетах сотрудничала М.И. Алигер («Сокол Родины»). Каждое сколько-нибудь значительное явление фронтовой жизни находило отражение на газетных страницах, в листовках, в выступлениях писателей по радио.

Широкое и яркое воплощение тема борьбы с врагом, тема народного подвига нашла в деятельности художников, скульпторов, графиков. Произведения, которые были выполнены в годы войны, как правило, были посвящены тылу, фронту и исторической тематике.

К 25-й годовщине Октябрьской революции 1917 г. была приурочена всероссийская выставка «Великая Отечественная война», открытая в залах Третьяковской галереи, в которой участвовало более 250 живописцев, графиков, скульпторов, в том числе были представлены произведения выдающегося скульптора В.И. Мухиной⁹.

Истинные примеры патриотизма мы находим в произведениях скульптора С.Д. Лебедевой, которая была настоящим мастером выразительного, остропсихологического портрета. В войну она создала галерею образов воинов Советской Армии (портреты Героев Советского Союза П.Ф. Гастелло, И.И. Гейбо, 1942; генерал-полковника авиации Ф.Я. Фалаева, генерал-полковника Я.П. Федоренко (1943)) и деятелей культуры С. Маршака и А. Твардовского (1943). Все портреты были сделаны в гипсе и хранятся в Третьяковской галерее⁵.

Весомый вклад в дело победы внесли сотрудники музейного дела. Если в начале 1941 г. в СССР было около 1000 музеев различных профилей, к концу 1941 г. их количество сократилось почти в 5 раз¹¹. На оккупированных

территориях фашисты разрушили около 400 музеев. В числе действующих в советском тылу, кроме центральных, оставалось 172 краеведческих и мемориальных музея. Как и в мирное время, в музеях работали в основном женщины. Так, за неделю до оккупации г. Курска немцами лучшие экспонаты живописи и графики Курской картинной галереи были эвакуированы в г. Уфу, куда выехала и директор галереи Крауклис. Остальные картины были забетонированы в подвале помещения галереи. Настоящий героизм проявили работницы, которые приняли участие в процессе эвакуации ценных музейных собраний Курской картинной галереи¹².

Как и в мирное время, основную массу работников библиотек составляли женщины. К началу 1941 г. в СССР было более 277 тыс. библиотек всех типов¹³. Сотрудницы Курской Областной библиотеки во время оккупации занимались инвентаризацией и систематизацией основного книжного фонда учреждения для составления нового абонементного каталога. Анализ архивных документов свидетельствует об огромном участии библиотекарей в сохранении культурных ценностей в период оккупации г. Курска, в перестройке работ на военный лад, патриотизме простых советских женщин¹⁴.

Великая Отечественная потребовала перестройки всей музыкальной жизни страны. Песня была неотъемлемой частью жизни фронта и тыла, ее музыкальной летописью.

Особо следует остановиться на концертной деятельности певицы Л.А. Руслановой, заслуженной артистки РСФСР. Она неоднократно выступала в блокадном Ленинграде, на передовых позициях многих фронтов, а также в Берлине. Репертуар Руслановой включал, наряду с народными, и песни советских композиторов. В 1944 г. на личные сбережения певицы была приобретена боевая техника для минометной батареи. Ее песни без сомнения согревали и ободряли воинов Красной Армии¹⁵. А. Русланова награждена орденом Красной Звезды.

Более полувек звучали песни в исполнении народной артистки СССР К. Шульженко. В суровые годы войны она вела концертную деятельность, в том числе в осажденном Ленинграде, Кронштадте, перед бойцами, защищавшими «Дорогу жизни». Денежные сборы от ряда концертов были переданы ею в Фонд помощи детям. Среди песен в исполнении Шульженко в этот период особую популярность получили «Синий платочек» Ю. Петербургского, «Давай закурим» М.Е. Табачникова, «Не тревожь ты себя, не тревожь» В.П. Соловьева-Седого. Творческий подвиг артистки был отмечен орденом Ленина и орденом Красной Звезды¹⁶.

Женщины составляли наибольший процент работающих в органах здравоохранения, учреждениях науки, народного образования и культуры. Если в 1940 г. в органах здравоохранения работало 1 146 тыс. женщин (76 %), то к концу войны 1 208 тыс., или 82 %¹⁷. Абсолютное большинство вновь подготовленных в военный период медицинских работников – женщины.

В 1945 г. в органах просвещения страны работало 1 776 тыс. женщин, или 76% всех работников Наркомпроса против 59% в 1940 г., то есть именно женщины играли решающую роль в народном образовании в годы войны. За годы войны степени докторов наук, звания профессоров и доцентов были присвоены 1 400 женщинам¹⁸. В результате исследовательской работы научных сотрудников были сделаны серьезные открытия, большинство из которых нашли применение в оборонной промышленности.

Большую роль в обеспечении моральной поддержки фронтовиков, в укреплении духовного потенциала всего населения страны сыграли представительницы учреждений культуры. Одной из главных форм деятельности работников культуры и искусства в исследуемый период становятся концертные выступления, которые позволили охватить большие массы людей. В репертуаре преобладала, как правило, патриотическая тематика борьбы народа с фашистскими захватчиками.

Война тяжелым бременем легла на плечи советских женщин, она в корне изменила уклад их жизни и жестко передвинула их интересы из личной плоскости в сторону общественной. Женщины внесли свой достойный вклад в перестройку органов здравоохранения, народного образования, науки и искусства в интересах защиты Отечества.

-
1. Левшин Б.В. Советская наука в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1983. С. 14.
 2. Там же. С. 17.
 3. Там же. С. 31–32.
 4. Ежов М.В., Фролов М.И. Духовный подвиг защитников Ленинграда: моног. СПб.: Знание, 2010. С. 66.
 5. Левшин Б.В. Указ. соч. С. 248.
 6. Там же. С. 250.
 7. Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. 3163. Оп. 1. Д. 117. Л. 82.
 8. Лупало И.Г. Советская культура в годы Великой отечественной войны. М., 1976. С. 138.
 9. Великая Отечественная война: энцикл. М.: Советская энциклопедия. 1985. С.475.
 10. Там же. С. 476.
 11. Лупало И.Г. Указ. соч. С. 180.
 12. ГАКО. Ф. 3163. Оп. 2. Д. 4. Л. 39.
 13. Абрамов К.И. История библиотечного дела в СССР. М., 1980. С. 87.
 14. ГАКО. Ф. 3487. Оп. 1. Д. 107. Л. 46.
 15. Лупало И.Г. Указ. соч. С. 105.
 16. Василинина И.А. К. Шульженко. М., 1979.
 17. Мурманцева В.С. Советские женщины в Великой Отечественной войне. М.: Мысль, 1979. С. 85.
 18. Араловец Н.Д. Женщины – великая сила советского общества. М., 1947. С. 20.

СЕКЦИЯ II. АРХЕОЛОГИЯ

Т.М. Алиев
НИУ «Белгородский государственный университет»,
магистрант

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КУРГАННЫХ ПАМЯТНИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

О существовании курганов на территории современной Белгородской области стало известно довольно давно. Еще в книге Большому Чертежу, составленной по указанию царя всея Руси Иоанна Васильевича после 1552 года, есть упоминание о кургане, расположенном в пределах современной Белгородской области: «А от Масленово долу к Думчему Кургану верст с 20; а от Думчей Курган на Муравской дороге от Донца от Северского верст с пол-30. А от Думчево Кургану ис под Муравские дороги вытекла река Псел и пала, ниже Сулы реки 30 верст, в Днепр»¹. По всей видимости, не только Думчий курган, но и многие другие погребальные насыпи в древности являлись своеобразными ориентирами. Не случайно на плане Генерального Межевания уездов Курской губернии было обозначено множество курганов, которые, кроме того, имели собственные названия.

Однако археологическое изучение курганов в регионе началось гораздо позже, чем на территории степной Украины и Причерноморья, где ученых привлекали богатые захоронения скифского времени. Первые исследования курганных древностей на территории Белгородчины связаны с именем Д.Я. Самоквасова. В 1910 г. на заседании Курской губернской ученой архивной комиссии им был зачитан доклад, посвященный курганам, расположенным в пределах Обоянского уезда. Часть описываемых им памятников была расположена в границах нынешнего Прохоровского района Белгородской области². В 1911 г. вышла статья К.П. Сосновского «Городища и курганы в бассейне верхнего течения реки Псла в пределах Обоянского уезда Курской губернии», в которой также содержались сведения о нескольких курганах, расположенных в границах современного Ивнянского района Белгородской области.

После революции изучение археологических памятников на Белгородчине практически не велось. Лишь в конце 40-х гг. XX в. ученые-археологи обратили свое внимание на регион. Одним из первых исследователей, кто посетил его с целью разведок новых памятников, стал И.И. Ляпушкин.

В 1954 г. была образована Белгородская область. Однако вновь образованной административно-территориальной единице еще не хватало квалифицированных кадров для работы в различных сферах научной деятельности, в том числе и археологии. Вместе с тем следует отметить деятельность А.Ф. Евминовой, учителя географии борисовской школы № 1 (1920–1957 гг.),

которая выявила несколько десятков памятников археологии на территории Борисовского, Грайворонского и Яковлевского районов³. В частности, в 1954 г. ею были выявлены две курганные группы в Борисовском районе (Басов курганная группа 1 и Березовка курганная группа 1).

В 1958 г. разведки в Белгородской области проводила С.А. Плетнева, в ходе них была открыта курганная группа в с. Тогобиевка Валуйского района. Вторая половина 1950-х – 1960-е гг. связана с деятельностью на территории Среднего Подонья одного из ведущих советских археологов П.Д. Либерова. В 1961 г. Воронежским отрядом Лесостепной (Скифской) экспедиции под его руководством⁴ были проведены разведывательные работы в Алексеевском районе (Алексеевка курганная группа 1, Алексеевка курганная группа 2), в Красненском районе (Новоуколово, курганная группа 1, Новый Путь, курганная группа 1), Красногвардейском районе (Верхняя Покровка, курганная группа 1). В 1964 и 1965 гг. им были выявлены могильники в Красненском районе (Круглое, курганная группа 1 и Горки, курганная группа 2).

В 1961 г. разведками Воронежской лесостепной экспедиции был обследован курганный могильник на восточной окраине с. Дуровка. В группе насчитывалось около 30 насыпей различного диаметра. В 1964 г. начались раскопки могильника⁵. Огромный вклад в изучение скифских памятников на территории Белгородской области внесла А.И. Пузикова. Именно она на протяжении 1960–1980-х гг. являлась бессменным руководителем раскопок курганов у с. Дуровка. За это время было изучено 23 насыпи.

В 1972 г. при разработке карьера в с. Шелаево Валуйского района был поврежден курган, получивший в народе по фамилии землевладельца название «Кубаева могила». В этом же году его частично исследовал местный краевед М.И. Карагодин⁶.

В 1973 г. свой первый открытый лист получил А.Г. Николаенко – учитель средней школы п. Волоконовка, который создал и возглавил краеведческую группу «Алан»⁷. В этот и последующие годы этой группой было открыто несколько десятков курганных могильников на территории Волоконовского (Волоконовка, группа 1, Алексеевка, курган 1, Борисовка группа 1, Скаучанка, курган 1, Красный Пахарь, группа 1, Красный Пахарь, группа 2 и др.) и Новооскольского районов (Песчанка, курган 1, Новый Оскол, курган 1).

В 1975 г. разведки на территории Ивнянского, Борисовского и Яковлевского районов проводил Центрально-Черноземный отряд Института археологии АН СССР под руководством А.В. Кашкина. Им были выявлены и обследованы курганы в Ивнянском (Верхопенье, группа 1, Верхопенье, группа 2, Владимировка, группа 1, Зоринские Дворы, группа 1, Солотино, курган 1), Борисовском (Зозули, группы 1 и 2), Порубежное (группа 1) и Яковлевском районах (Яковлево, отдельные курганы 1–3 и группа 1, Домнино, группы 1 и 2). В 1987 г. А.В. Кашкин вновь проводит разведки в Белгородской области. В результате был открыт ряд курганных кладбищ на территории Губкинского (Казацкая степь, курганы 1 и 2), Ивнянского (Владимировка,

курган 2, Орловка, курган 1, Зоринские дворы, курган 1, Ивня, курган 1 и группа 1, Кочетовка, группа 1, Курасовка, курган 1, Ольховатка, курган 1, Студенок, курганы 1–3, Федчевка, курган 1) и Прохоровского районов (Боброва, курган 1, Камышевка, курган 1, Радьковка, курган 1).

В 1977–1978 гг. на территории области разведочные работы проводил отряд Советско-Венгерской экспедиция Института археологии АН СССР (в 1978 г. – Оскольский отряд Советско-Болгарско-Венгерской экспедиции) под руководством Г.Е. Афанасьева. Были выявлены памятники и повторно обследованы курганные древности в Алексеевском и Красногвардейском районах (Алексеевка, курган 1 и группа 2, Ильинка, группа 1, Горовое (Гнилуша), курган 1).

С середины 1980-х гг. в области начинает работать А.Н. Бессуднов. Основной целью его деятельности являлось изучение памятников каменного века, однако им было выявлено множество памятников других эпох, в том числе курганов (в Валуйском районе – Вороновка, курган и группа 1, Подгорное, группа 1, в Красногвардейском – Арнаутово, группа 1, Борисовка, группа 1). В конце 1980-х гг. разведывательные работы на Белгородчине проводились воронежским археологом А.П. Медведевым. Им был открыт ряд памятников в Алексеевском (Лесикова, группа 1, Николаевка, группа 1, Колтуновка, группа 1) и Красненском районах (Хмелевое, группа 1).

В связи с развалом СССР 1990-е гг. стали трудными для страны. Вследствие кризиса в упадок приходят целые отрасли науки. Из-за недостаточного финансирования деятельность многих экспедиций значительно сократилась. В это время на территории Белгородской области курганные памятники практически никем не исследовались. Лишь в начале 2000-х гг. начинается новый виток в истории археологического изучения региона. Именно в это время в область переезжают работать В.А. Сарапулкин и Т.В. Сарапулкина. В 2007 г. первые открытые листы получают студенты БелГУ А.А. Божко и И. Шляхтин. Разворачивается масштабная программа по изучению курганных древностей, которая была завершена в 2013 г. В ее рамках сплошные разведки охватили все районы области. В это же время проводилось и стационарное изучение курганов. В частности, в 2003–2005 гг. Донская археологическая экспедиция под руководством В.И. Гуляева исследовала могильник у с. Горки, в 2007 г. К.Ю. Ефименко раскопал курган 14 могильника у с. Новоуколово, в 2008 г. Г.Л. Земцовым и М.В. Ивашовым был изучен курган 1 у с. Ближняя Игуменка, курган 2 у с. Таврово и две насыпи могильника у с. Владимировка.

Выявление курганных древностей продолжается по настоящий день. Сегодня к числу актуальных задач относится систематизация накопленной информации, создание современной археологической карты Белгородской области. Помимо выявлений новых памятников, необходимо и стационарное изучение уже известных курганных кладбищ.

1. Книга Большому Чертежу / под ред. К.Н. Сербинской. М.: Академия Наук СССР, 1950. С. 62.

2. Овчарова Н.И. Прохоровка: след в истории. Белгород: КОНСТАНТА, 2013. С. 161.
3. Краеведы // Центральная Библиотека Борисовского района // [Электронный ресурс]: <http://borisovka-bibl.ru/krevedy.html> (дата обращения: 23.03.2014 г.).
4. Захарова Е.Ю. П.Д. Либеров и развитие археологии Среднего Дона // Вестник ВГУ. Сер.: История, политология, социология. 2008. № 2. С. 62.
5. Пузикова А.И. Новые курганы скифского времени в Белгородской области // КСИА. М., 1966. С. 80.
6. Карагодин М.И. Новые находки бронзового века в Шелаево // СА. 1977. № 2. С. 229.
7. Степовой А.В., Винников А.З. Древние металлурги Поосколья: (Ютановский металлургический комплекс салтово-маяцкой культуры). Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2012. С. 8.

Е.А. Исаева
Курский государственный университет,
студент

ВКЛАД И.И. ЛЯПУШКИНА В ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНОСТЕЙ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

И.И. Ляпушкин является широко известным и признанным авторитетом в области славянской археологии, однако при этом его изыскания оказали значительное влияние на формирование современных знаний о древностях скифско-сарматского времени. В ходе масштабных разведочных работ в 1940, 1945–1948, 1951 гг. было «попутно» открыто большое количество территориально соприкасавшихся со славянскими памятниками поселений раннего железного века¹, при этом исследователь не ограничился только их фиксацией, сделав попытку определить их место в общей археологической картине обширных лесостепных пространств. Оценке вклада И.И. Ляпушкина в эту проблематику посвящена настоящая работа.

Первые попытки изучения скифских древностей Поднепровья относятся еще к середине XIX в., однако в большинстве случаев исследования ограничивались описанием местоположения и внешнего облика археологических объектов². Тем не менее, несмотря на скудные данные, А.А. Спицын выделил поселения «скифов-пахарей»³, а В.А. Городцов после раскопок на Бельском городище ввел специальный термин для обозначения памятников скифо-сарматской эпохи – «зольничная культура»⁴, который на долгое время прочно утвердился в науке.

Систематические исследования были начаты в 1938 г. Среднеднепровской археологической экспедицией под руководством П.Н. Третьякова, и в 1940 г. продолжены Левобережным отрядом во главе с И.И. Ляпушкиным. Работы были начаты с обследования территории среднего и нижнего течения р. Ворсклы от с. Бельск до ст. Перевалочной⁵. По маршруту г. Полтава – с. Бельск И.И. Ляпушкиным было исследовано 16 пунктов, связанных с культурой зольников, включая Бельское городище, открытое еще В.А. Городцовым⁶. В течение 1945–1946 гг. сплошными разведками были охвачены берега

р. Ворсклы и ряда ее притоков от с. Каменка до ст. Переволочное. По итогам работ было выявлено 4 группы памятников, включая поселения скифского времени. За 1947 г. И.И. Ляпушкиным было осмотрено около 40 поселений по берегам р. Десны и Сейма. Из 43 археологических объектов на 15 были обнаружены отложения зольничной культуры⁷. Всего И.И. Ляпушкиным было исследовано 94 памятника, которые он относил к «зольничной культуре»⁸. Автор настаивал, что именно этот термин наиболее точно отражает круг изучаемых древностей. «К этому термину все привыкли, не мы его придумали, он используется уже более полувека»⁹. В результате в научный оборот был введен представительный массив новых материалов, при этом укреплен уже существовавший понятийный аппарат.

Проведя анализ собранных керамических материалов, И.И. Ляпушкин установил, что принятое членение археологических памятников на отдельные группы¹⁰, отличающиеся по происхождению, не имеет основания и является ошибкой. Исследователь утверждал, что Левобережная лесостепная культура раннего железного века едина по своим истокам. Наличие особых черт автор объяснял длительностью зольничной эпохи¹¹. Дальнейшие исследования памятников позволили ученым выделить ряд локальных групп. Однако все они имеют в своей основе единую скифоидную культуру¹².

В результате проведенных работ И.И. Ляпушкину удалось установить, что скифы-пахари проживали не только на городищах, но и на поселениях открытого типа – селищах, которые в количественном отношении преобладали. Памятники, как правило, содержали отложения двух культурно-хронологических периодов – зольничного и славянского, за исключением поселений у с. Шебалиново и на р. Рать, где присутствовали остатки третьей культуры – деснинской. Исследователь полагал, что все памятники были обязаны своим возникновением населению зольничной культуры¹³. Однако гораздо более значимым стало обоснование И.И. Ляпушкиным как общей хронологии, так и периодизации скифских памятников, в которой выделялось два этапа: ранний (VII–V вв.), и поздний (V – III–II вв. до н. э.)¹⁴. В последующем эта схема была уточнена¹⁵, однако общие хронологические рамки И.И. Ляпушкиным были определены верно.

Таким образом, в результате послевоенных разведок И.И. Ляпушкина в научный оборот были введены многочисленные и ранее неизвестные памятники зольничной культуры на территории Поднепровья. Количество известных объектов увеличилось с единиц и десятков до сотен (только на территории Левобережья их стало известно более ста). В результате в середине XX в. этот регион стал наиболее изученной частью Скифии¹⁶. Многие памятники, открытые И.И. Ляпушкиным, привлекают внимание исследователей до настоящего времени.

Изучение И.И. Ляпушкиным древностей скифского времени подчинялось главной проблеме: выявлению подлинно славянской культуры. На основании объективно имевшихся в те годы материалов ученый показал, что между культурой земледельческой Скифии, памятниками полей погребений и

славянской культурой нет генетической связи¹⁷. Тем самым исследователь опроверг прочно устоявшуюся точку зрения об автохтонности славянского населения в Поднепровье¹⁸.

Таким образом, И.И. Ляпушкин сделал весомый вклад в понимание как скифской культуры Днепровского левобережья в целом, так и ее места в общей археологической картине восточноевропейской лесостепи. Выводы исследователя базировались на анализе значительного массива материалов, многие из которых были введены в научный оборот впервые. Некоторые из них были в последующем скорректированы, что вполне естественно, однако многие результаты изысканий И.И. Ляпушкина сохраняют свою актуальность до сих пор.

-
1. НА ИИМК. РАН. РА. Ф. 35. Оп. 1. Ляпушкин И.И. 1946. Д. 26. Днепровская Левобережная экспедиция. Л. 1.
 2. Самоквасов Д.Я. Северянская земля по городищам и могилам. М.: Синодальная типография, 1906. С. 139.
 3. Спицын А.А. Курганы скифов-пахарей // ИАК. Птр.: Девятая государственная типография, 1918. Вып. 65. С. 141–143.
 4. Городцов В.А. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губ. в 1906 г. // Тр. XIV АС. Т. 3. М.: Синодальная типография, 1911. С. 141.
 5. Ляпушкин И.И. Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р. Ворсклы // КСИИМК. М.: Наука, 1947. Вып. 17. С. 124.
 6. НА ИИМК РАН. РА. Ф. 35. Оп. 1. Ляпушкин И.И. 1948. Д. 68. Днепровская Левобережная экспедиция 1948 г. Л. 1–3.
 7. Ляпушкин И.И. Поселения зольничной культуры «скифов-пахарей» в северной полосе Днепровского лесостепного Левобережья (по материалам полевых исследований 1947 г. в бассейне р. Сейма) // СА. М.: Наука, 1950. Т. 12. С. 46–55.
 8. Ляпушкин И.И. Археологические памятники эпохи железа... С. 123–128.
 9. Ляпушкин И.И. Днепровское Лесостепное Левобережье в эпоху железа. Археологические разыскания о времени заселения Левобережья славянами / МИА. М.: Наука, 1968. № 101. С. 19.
 10. Ильинская В.А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья. Киев: Наукова Думка, 1968. С. 142–146; Либеров П.Д. К вопросу о скифах-пахарях // ВДИ. 1951. № 4. С. 145–152; Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. Харьков: Харьковский гос. ун-т, 1962.
 11. Ляпушкин И.И. Днепровское Лесостепное Левобережье... С. 37–48.
 12. Гавриш П.Я. Племена скіфського часу в лісостепу Дніпровського Лівобережжя (за матеріалами Приписілля). Полтава: Археологія, 2000. С. 180–182.
 13. Ляпушкин И.И. Археологические памятники эпохи железа... С. 123–128.
 14. Ляпушкин И.И. Днепровское Лесостепное Левобережье ... С. 17.
 15. Археология СССР: Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / под ред. А.И. Милюковой. М.: Наука, 1989. С. 37.
 16. Ильинская В.А. О происхождении культур раннего железного века на Левобережье Среднего Днепра // КСИИМК. М.: Наука, 1957. Т. 70. С. 14–28.
 17. Ляпушкин И.И. Днепровское Лесостепное Левобережье... С. 349.
 18. Рыбаков Б.А. Анты и Киевская Русь // ВДИ. М.: Наука, 1939. № 1. С. 319–336; Либеров П.Д. К вопросу о связи культуры полей погребений с культурой скифского времени на Киевщине // КСИИМК. М.: Наука, 1950. Вып. 34. С. 75–85.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В КУРСКОМ ПОСЕЙМЬЕ

Интерес к систематизации археологических памятников Курского Посеймья появляется еще в первой половине XIX в. Краевед, учитель гимназии в г. Суджа А.И. Дмитриюков провел первые научные раскопки на территории Курской губернии, опубликовав в последующем сведения о городищах и курганах в Суджанском и Рыльском уездах¹. В 1874 г. известным российским археологом Д.Я. Самоквасовым был издан фактически первый свод археологических памятников региона, в котором были учтены и поселения раннего железного века (далее РЖВ)², однако в дореволюционное время их целенаправленное изучение не проводилось. Только после начала работы Курского губернского общества краеведения (1926–1929 гг.) Л.Н. Соловьевым впервые были проведены профессиональные раскопки Шуклинского городища под Курском на р. Тускарь. Он абсолютно верно, что подтвердилось в дальнейшем, выделил два периода в существовании памятника: РЖВ и славянский³. Однако непосредственного продолжения эти плодотворные начинания не имели, что было обусловлено начавшимися в СССР репрессиями краеведов.

После Великой Отечественной войны на территории Днепровского Левобережья крупные разведочные изыскания проводились ленинградским исследователем И.И. Ляпушкиным. В частности, в Курской области он выделил памятники «зольничной культуры», получившие свое название по наличию в культурных слоях так называемых «зольников» – больших скоплений золы на предполагаемых культовых местах. Из 43 изученных поселений отложения зольничной культуры были обнаружены на 15 городищах⁴. В 1946–1948 гг. Деснинской экспедицией Института истории материальной культуры АН СССР под руководством М.В. Воеводского проводятся разведки по течению Сейма, целью которых стало целенаправленное выявление памятников юхновской культуры⁵. Сотрудником экспедиции А.Е. Алиховой было изучено многослойное поселение у с. Авдеево, где присутствовали и юхновские напластования⁶. После безвременной кончины М.В. Воеводского возглавивший Деснинскую экспедицию П.И. Засурцев в 1952 г. провел стационарные раскопки на Липинском городище, где был выделен слой скифского времени⁷.

В 1952–1953 гг. Верхнеокским отрядом Славянской археологической экспедиции ИИМК АН СССР совместно с Курским областным краеведческим музеем под руководством Т.Н. Никольской было исследовано Шуклинское городище, расположенное в 8 км севернее Курска. Помимо славянских, были обнаружены материалы скифоидной и юхновской культур⁸. В 1953 г. Т.Н. Никольской велись исследования на памятнике Лысая гора, располо-

женном на правом берегу р. Сейм, на мысу между двумя глубокими оврагами, в 2 км от д. Погореловка. Было найдено довольно много предметов быта, украшений, орудий труда и промыслов, фрагментов керамики, относящихся к двум эпохам – РЖВ и славяно-русской. Раскопки на этом памятнике были продолжены А.Е. Алиховой в 1959 г.⁹, которая еще в 1954 г. провела небольшие разведочные работы на городище Кудеярова гора, расположенном рядом с Лысой горой¹⁰.

Начиная с 1955 г. А.Е. Алихова приступила к систематическому изучению памятников РЖВ в бассейне р. Сейм, в ходе которых основное внимание уделялось юхновской культуры, в том числе вопросам ее относительной хронологии и связей с племенами соседних южных районов¹¹. В результате разведок было решено провести раскопки на Моисеевском городище, расположенном на р. Свапе. На поселении были найдены очаги, связанные, вероятно, с жилой постройкой, а также развалы обожженной глины по краю всей площадки. Керамические материалы позволяют связать этот памятник с юхновской культурой¹². В этом же году велись раскопки на городище Кузина Гора¹³. После окончания этих работ на заседании ИИМК АН СССР был заслушан доклад А.Е. Алиховой, где она аргументированно доказала высокую научную значимость Кузиной Горы¹⁴. В дальнейшем именно этому памятнику было уделено основное внимание. Раскопками, которые продолжались до 1961 г., была практически полностью исследована площадка городища (4 700 кв. м), при этом открыты конструкции оборонительных сооружений в виде так называемых «длинных домов».

Полученные материалы поставили вопросы хронологии вещевого комплекса и поисков аналогий кузиногорским сооружениям, для ответа на которые потребовалось проведение разведочных работ на городищах Плаксинско и Кудеярова Гора. На первом была выявлена канава от частокольной стены, а керамический материал оказался идентичен Кузиной Горе, в отличие от которой, однако, в культурном слое четко читалось два разновременных горизонта. В 1959 г. был заложен шурф на Александровском городище, расположенном напротив Кузиной горы, который дал исключительно юхновские материалы¹⁵. Кудеярова Гора исследовалась небольшими раскопами в 1959–1961 гг. Здесь удалось выявить сооружения, подобные кузиногорским¹⁶.

Одновременно местный археолог, постоянный участник экспедиций Института археологии АН СССР Ю.А. Липкинг проводил детальные разведки по рекам Сейм с притоками, Пслу и Судже. Были осмотрены ранее известные памятники, выявлены новые, в результате чего археологическая карта Курской области существенным образом пополнилась¹⁷. Им же в 1961 г. был заложен небольшой раскоп (84 кв. м) на юхновском Успенском селище. В ходе исследований были найдены обломки характерной посуды, глиняные грузики, яйцевидные блоки, железный нож и т.д.¹⁸.

В 1962 г. раскопки городища Жадино в Кореневском районе начала А.Е. Алихова, однако основной объем работы был выполнен О.Н. Мельниковской. Исследуемая площадь составила 720 кв. м. Культурный слой содер-

жал керамику только юхновской культуры. На площадке обнаружены остатки столбовой постройки прямоугольной формы, слегка углубленной в грунт. В основании вала прослежены следы бревен¹⁹.

В 1967 г. свою работу в регионе начинает Курский отряд Скифской лесостепной экспедиции Института археологии АН СССР под руководством А.И. Пузиковой. Его задача состояла в исследовании курганов раннего железного века, для чего были выбраны Тимской и Горшеченские районы, на территории которых располагается большое количество курганов. Однако было установлено, что большая их часть явно относится к эпохе бронзы²⁰. В 1969 г. разведки продолжились совместно с О.Н. Мельниковской, а у д. Нартово, в 18 км от Курска, начались раскопки городища. Основной комплекс находок относится к скифоидной культуре, однако на памятнике была найдена и юхновская керамика²¹.

С 1973 по 1976 г. А.И. Пузиковой проводились раскопки городища у с. Марицы Льговского района на р. Прутище, который до сих пор является хрестоматийным памятником скифоидной культуры. Результаты этих исследований легли в основу монографии. Полученные материалы позволили разделить и датировать вещевые комплексы двух групп населения, оставивших памятники лесостепной скифообразной и юхновской культур, которые практически везде встречаются в смешанном виде и из-за малой мощности культурного слоя, как правило, трудно разделимы. На поселении был обнаружен единственный грунтовый могильник этого времени, связанный с юхновским населением. Вещевой комплекс позволил его датировать IV–III вв. до н. э.²².

С конца 1970-х гг. проводились спасательные работы в зоне затопления Курского водохранилища на р. Тускарь. В 1979 г. А.И. Пузикова приступила к исследованию городища Переверзево I в Золотухинском районе. Результаты трехлетних полевых работ легли в основу ее монографии «Памятники скифского времени бассейна р. Тускарь (Посеймье)» с полным анализом второго (после Марицкого) полностью раскопанного скифоидного городища. Автор восстанавливает конструкцию оборонительных сооружений и планировку поселка, дает характеристику хозяйственной деятельности и религиозным воззрениям населения. Эти материалы еще раз подтвердили вывод о том, что Курское Посеймье в VI–V вв. до н.э. было занято племенами скифоидной культуры, родственными синхронному населению Левобережья Днестра, Северского Донца, Среднего Дона²³.

После окончаний работ на городище Переверзево I в 1982 г. исследования продолжились на поселении, находящимся за валом. Площадь селища интенсивно использовалось древним населением, результатом чего явилось довольно большое количество хозяйственных ям (всего 15). Поселение оказалось синхронным городищу и носило по отношению к нему подчиненный характер²⁴. Одновременно с раскопками на селище Переверзево I велись работы на поселении Жерновец-3. Памятник расположен на треугольном мысу, образованным р. Тускарь и ручьем Жерновец. Во время раскопок была вскрыта площадь в 720 кв. м, на которой была открыта одна постройка и

8 хозяйственных ям. Селище существовало одновременно с городищем Переверзево I²⁵. В 1984 г. начались раскопки городища Глебово на р. Обметь. Исследования показали, что памятник был заселен в VI в. до н.э., но существовал недолго²⁶. Последним объектом, изученным в зоне строительства Курского водохранилища, стало многослойное поселение Переверзево II. Раскопки велись в течение четырех полевых сезонов (1983, 1986–1988 гг.). К скифскому времени относятся три постройки, три ямы и два очага²⁷.

М.В. Фроловым продолжительное время велись работы под руководством на многослойном городище Гора Ивана Рыльского. В основании напластований была открыта скифоидная постройка с двумя каменными очагами²⁸. Нельзя переоценить значимость крупномасштабных разведочных исследований по выявлению памятников археологии в связи с подготовкой свода памятников истории и культуры народов СССР, которые развернулись в 1970-х гг. и длились до начала 1990-х гг. Под руководством А.В. Кашкина было обследовано около тысячи памятников, составлена качественная документация, которая легла в основу издания принципиально новой археологической карты Курской области²⁹.

К сожалению, после 1990 г. памятники РЖВ на территории Курского края практически не изучались. Исключением являются исследования многослойных памятников, где встречался слой скифского времени. В период 1990–1992 г. В.В. Енуковым проводились раскопки на Ратском городище. Разрез вала показал, что первый строительный период был связан с носителями скифоидной культуры. Также к валу примыкала одна прямоугольная столбовая постройка РЖВ³⁰. Материалы этого памятника иначе заставили взглянуть на финал культур скифского времени в Посеймье. Носители скифоидной культуры к I в. н. э., видимо, вернулись в Посеймье и впоследствии были ассимилированы зарубинецкими племенами³¹.

В 1993 г. А.М. Обломским проводились работы на многослойном селище Попово-Лежачи 4. К скифоидной культуре была отнесена одна постройка³². В 1999 г. разведочными работами А.А. Чубура в Курчатовском районе было выявлено много поселений РЖВ, что позволило существенно дополнить археологическую карту региона³³.

Таким образом, на территории Курской области 23 памятника РЖВ изучались стационарно, что определило репрезентативность современной базы данных. Однако накопленные материалы отражают археологическую ситуацию непропорционально. Во-первых, значительно лучше исследованы укрепленные поселения. Во-вторых, скифоидная культура обеспечена источниками заметно полнее, что, несомненно, является заслугой А.И. Пузиковой. Памятники юхновской культуры на территории Курской области исследованы в меньшей степени, хотя их изучение началось раньше. В свою очередь это в определенной мере отразилось и на качестве отчетной документации, так как в 40–50-е гг. XX в. требования к ее оформлению не были столь высокими. Эти недостатки источниковой базы определяют основные задачи, которые необходимо решить в последующих изысканиях.

1. АКР. Курская область. Ч. 1. М.: Ин-т археологии РАН, 1998. С. 12.
2. Самоквасов Д.Я. Могилы Русской земли. М., 1908. С. 63.
3. Соловьев Л.Н. Городища и стоянки окрестностей города Курска // Известия Курского краеведческого губернского общества. Курск, 1927. № 4. С. 34.
4. Ляпушкин И.И. Поселения зольничной культуры («скифов-пахарей») в северной полосе Днепровского Лесостепного Левобережья // СА. 1950. № 3. С. 385.
5. Воеводский М.В. Городища верхней Десны // КСИА. 1949. №24. С. 53.
6. АКР. Курская область: в 2 ч. М.: Ин-т археологии РАН, 2000. С. 55.
7. Засурцев П.И. Отчет о раскопках 1951 г. Липинское городище // Архив КГОМА. № I-26. Л. 50.
8. Никольская Т.Н. Шуклинское городище // КСИИМК. 1958. Вып. 7. С. 53.
9. Алихова А.Е. Отчет о работе Курского отряда скифской лесостепной экспедиции Ин-та археологии Академии наук СССР и Курского краеведческого музея в 1959 г. // Архив КОКМ. № 237. Л. 53.
10. Алихова А.Е. Древние городища Курского Посеймья // МИА. 1962. № 113. С. 117.
11. Алихова А.Е. Отчет о раскопках, проведенных Курским краеведческим музеем летом 1955 г. в Курской области под руководством научного сотрудника Ин-та истории материальной культуры Академии наук СССР А.Е. Алиховой // Архив КОКМ. № 15. Л. 1.
12. Алихова А.Е. Отчет о раскопках 1956 г. в Иванинском районе (городища: Кузина Гора и Александровское). Рук. А.Е. Алихова // Архив КОКМ № 8. Л. 1.
13. Алихова А.Е. Отчет о работе Курского отряда скифской лесостепной экспедиции Ин-та археологии Академии наук СССР и Курского краеведческого музея в 1959 г. // Архив КОКМ. № 237. Л. 33.
14. Там же. Л. 4.
15. Там же. Л. 33.
16. Там же. Л. 10; Алихова А.Е. Отчет о раскопках и разведках Курского отряда Скифской лесостепной экспедиции в 1962 г. // Архив КОКМ. № 239. Л. 4.
17. Липкинг Ю.А. Городища эпохи раннего железного века в Курском Посеймье // МИА. 1962. № 113. С. 112.
18. Алихова А.Е. Отчет о раскопках Курской археологической экспедиции в 1961 г. // Архив КОКМ. № 238. Л. 43.
19. Алихова А.Е. Отчет о раскопках и разведках Курского отряда Скифской лесостепной экспедиции в 1962 г. // Архив КОКМ. № 239. Л. 34; Мельниковская О.Н. Отчет о раскопках городища Жадино в Кореневском районе // Архив ИА НАН України. № 5362. Л. 5.
20. Пузикова А.И. Отчет о работах Южнокурского отряда в 1967 г. // КОКМ. № 445. Л. 1.
21. Пузикова А.И. Отчет о работах Южнокурского отряда в 1969 г. (раскопки городища у д. Нартово) // Архив КОКМ. № 447. Л. 3–15.
22. Пузикова А.И. Марицкое городище в Посеймье. М., 1981. С. 3.
23. Пузикова А.И. Памятники скифского времени бассейна р. Тускарь (Посеймье). М., 1997.
24. Там же. С. 35–36.
25. Там же. С. 89–90.
26. Пузикова А.И. Отчет Курской экспедиции в 1985 г. // КОКМ. № 464. Л. 1–15.
27. Пузикова А.И. Многослойное поселение Перверзево II в Посеймье // Древности Днепровского Левобережья от каменного века до позднего средневековья // МИАДЛ. Вып. 4. Курск, 2012. С. 23–24.
28. АКР. Курская область: в 2 ч. М.: Ин-т археологии РАН, 2000. С. 85–86.
29. АКР. Курская область. Ч. 1. М.: Ин-т археологии РАН, 1998; АКР. Курская область. Ч. 2. М.: Ин-т археологии РАН, 2000.
30. АКР. Курская область. Ч. 1. М.: Институт археологии РАН, 1998. С. 43.

31. Енуков В.В., Медведев А.П. О новом типе поселений в бассейне р. Сейм // *Stratum Plus*. На окраинах античного мира. Кишинев, 2003. № 4. 2001–2002. С. 257.
32. АКР. Курская область. Ч. 2. М.: Ин-т археологии РАН, 2000.
33. Чубур А.А., Микрорегионы Чечевизня, Дроняево и Колпаково (по результатам разведок 1999 г.) // [Электронный ресурс]: <http://www.archaeology.ru/ONLINE/Chubur/microregion.html> (дата обращения: 20.04.2014 г.).

Е.В. Лукина

**Воронежский государственный педагогический университет,
студент**

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ УКРАШЕНИЯ ИЗ КУРГАНОВ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В ЛЕСОСТЕПНОМ ПОДОНЬЕ

Большинство курганов скифского времени на территории среднего Дона разграблены, но в них сохранились некоторые украшения. В данной работе рассматриваются металлические украшения (серьги, гривны, браслеты, перстни и кольца) из могильников «Частые курганы», у с. Мастюгино, у с. Дуровка, у с. Русская Тростянка и у с. Ближнее Стояново. При классификации украшений была использована типология В.Г. Петренко¹, разработанная на материалах степной и лесостепной Скифии VII–III вв. до н. э.

В курганных могильниках среднего Дона было найдено 8 серег, изготовленных из золотой, серебряной и электропроводной проволоки сечением 1,5–2 мм. Эти находки подразделяются на несколько типов.

Две золотые серьги обнаружены в кургане 33/5 у с. Мастюгино². Они представляют собой кольца с нанизанной на них подвеской (рис. 1, 1, 2) и близки к варианту 6 типа 27. В кургане 23 из группы «Частых»³ встречена серьга варианта 1 типа 27 (рис. 1, 3). Это гладкое кольцо из круглой в сечении золотой проволоки с плотно сомкнутыми концами. В кургане 18 у с. Русская Тростянка⁴, обнаружена серьга варианта 7 типа 27 (рис. 1, 5), сделанная из тонкой золотой перекрученной проволоки в виде кольца с заостряющимися несомкнутыми концами и имеющая в качестве подвески бусину. Еще одна серьга, близкая к типу 27, была найдена в кургане 8 могильника у с. Ближнее Стояново⁵ (рис. 1, 7). Она изготовлена из круглой в сечении проволоки с нанизанной на нее бусиной из черного стекла с накладным пятнистым орнаментом, нанесенным напылением. Окончание серьги расковано, а на расковке изображена голова зверя с длинными ушами.

В кургане 35/33 у с. Мастюгино⁶ обнаружена серьга варианта 3 типа 28 (рис. 1, 4) в виде гладкого серебряного проволочного кольца с двумя нанизанными на него бусинами. Края серьги заострены и далеко заходят друг за друга. К типу 29 относится серьга из кургана 32/32 в том же могильнике⁷ (рис. 1, 6), выполненная из золотой проволоки, один конец которой заострен, а другой тупо обрезан. Концы сомкнуты и загнуты в разные стороны. В кургане 17/3 у с. Мастюгино⁸ была обнаружена серьга варианта 2 типа 30 (рис.

1, 8). Это височная подвеска, сделанная из перекрученной электровольной проволоки с тупо обрезанными концами, заходящими друг за друга.

В курганах среднего Дона обнаружено две гривны. Золотая из кургана 23 группы «Частых» представляет собой гладкую массивную проволоку сечением 0,3–0,5 см с несомкнутыми утолщенными концами и имеет размеры 18,5x16,5 см⁹ (рис. 1, 19). По морфологическим признакам она относится к типу 2 отдела VII. Еще одна гривна типа 4 отдела VII обнаружена в кургане 35/33 у с. Мастюгино¹⁰ (рис. 1, 20). Украшение сделано из серебряной круглой в сечении проволоки с далеко заходящими друг за друга и расширяющимися концами.

В курганах среднего Дона найдено 7 браслетов из золотого, серебряного и железного стержня. Два ручных браслета обнаружены в кургане 3 у с. Русская Тростянка¹¹ и в кургане 9 у дер. Дуровка¹² (рис. 1, 11, 17). Они относятся к типу 1 отдела I и изготовлены круглого в сечении железного стержня с коническими шпильками на концах в виде несомкнутого кольца. Близкий к типу 4 отдела I ручной браслет был найден в кургане 47/30 у с. Мастюгино¹³ (рис. 1, 18). Он выполнен из серебряного квадратного в сечении стержня. Концы немного сужаются и незначительно заходят друг за друга. Также близкий к типу 4 браслет, согнутый из круглого в сечении железного стержня с сомкнутыми концами, был обнаружен в кургане 35/33 у с. Мастюгино¹⁴ (рис. 1, 13).

Еще один ручной браслет варианта 4 типа 4 отделения I (рис. 1, 12) обнаружен в кургане 32/32 у с. Мастюгино¹⁵. Он согнут из четырехгранного золотого прута с обрубленными концами и имеет размеры 4,5 x 4,9 см при толщине дрота 0,2 см. Привеска имеет форму лопаточки с проволочной петлей, вытянутый конец которой обмотан вокруг верхнего края привески.

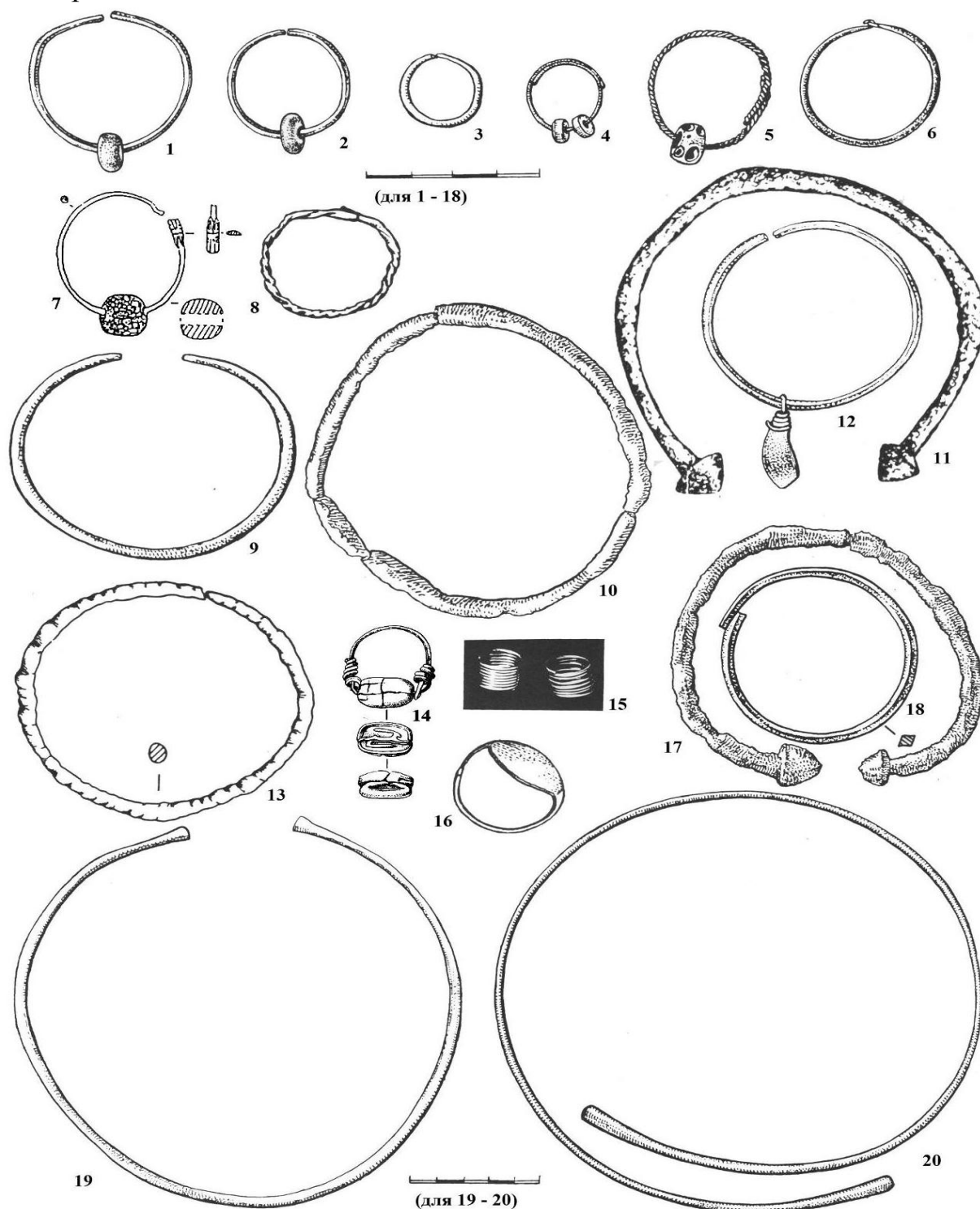
В кургане 23 группы «Частых»¹⁶ был найден ручной браслет, относящийся к типу 6 отдела I (рис. 1, 9). Он согнут из золотого стержня с утончающимися разогнутыми концами. Один ножной браслет найден в кургане 34/39 у с. Мастюгино¹⁷ (рис. 1, 10). Он относится к типу 1 и выполнен в виде гладкого железного обруча с плотно сомкнутыми концами.

Помимо описанных находок на исследуемой территории обнаружено четыре золотых перстня. У д. Дуровка в кургане 4¹⁸ было найдено два перстня подтипа б типа 2 отдела I (рис. 1, 15). Они свернуты в спираль из золотой круглой в сечении проволоки диаметром 0,1–0,2 см. Количество витков спирали в перстнях доходят до 9. Еще один перстень присутствовал в кургане 18 у с. Русская Тростянка¹⁹. Он был вырезан из единой пластины, имеющей овальный щиток, и относится к типу 8 отдела II (рис. 1, 16).

К варианту а типа 17 отдела IV принадлежит перстень из кургана 4 у д. Дуровка²⁰ (рис. 1, 14). Это украшение представляет собой перстень-печать, имеющий тонкую проволочную дужку, концы которой продеты сквозь проныз в виде жука-скарабея и замотаны с обеих сторон у выходного отверстия. На обороте пронызи, изготовленной из египетского фаянса, имеется рельефное изображение зайца.

Все рассмотренные украшения бытовали на Среднем Дону в рамках IV–III вв. до н. э. Систематизация металлических украшений из курганных могильников Среднего Дона показала, что на этой территории использовались украшения тех же типов, что и в других регионах степной и лесостепной Скифии.

Рис. № 1. Металлические украшения из среднедонских курганов скифского времени.

1-8 – серьги; 9-13, 17,18 – браслеты; 14-16 – перстни и кольца; 19-20 – гривны.

1, 2 – курган 33/5 у с. Мастюгино; 3, 9, 19 – «Частые курганы», курган 23; 5, 16 – курган 18 у с. Русская Тростянка; 6, 12 – курган 32/32 у с. Мастюгино; 7 – курган 8 у с. Ближнее Стояново; 8 – курган 17/3 у с. Мастюгино; 10 – курган 34/39 у с. Мастюгино; 11 – курган 3 у с. Русская Тростянка; 13, 4, 20 – курган 35/33 у с. Мастюгино; 14, 15 – курган 4 у дер. Дуровка; 17 – курган 9 у дер. Дуровка; 18 – курган 47/30 у с. Мастюгино.

-
1. Петренко В.Г. Украшения Скифии VII–III вв. до н. э. М.: Наука, 1978. С. 144.
 2. Пузикова А.И. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья. М.: Индрик, 2001. С. 49–50.
 3. Там же. С. 18.
 4. Там же. С. 138.
 5. Погорелов В.И., Березуцкий В.Д., Золотарев П.И. Археологические исследования Стояновского могильника. Воронеж, 1997. С. 57.
 6. Пузикова А. И. Указ. Соч. С. 68.
 7. Там же. С. 67,
 8. Там же. С. 49.
 9. Там же. С. 18.
 10. Там же. С. 68.
 11. Там же. С. 127.
 12. Там же. С. 190.
 13. Там же. С. 66.
 14. Там же. С. 68.
 15. Там же. С. 67.
 16. Там же. С. 18.
 17. Там же. С. 72.
 18. Там же. С. 186.
 19. Там же. С. 138.
 20. Там же. С. 186.

А.Н. Меркулов, А.М. Родионов
Воронежский государственный педагогический университет,
аспиранты

**К ВОПРОСУ О ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ИЗДЕЛИЙ
ИЗ КОСТИ И РОГА У СКИФОИДНОГО НАСЕЛЕНИЯ
ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДОНЬЯ
(ПО ДАННЫМ ПОСЕЛЕНЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ)***

В раннем железном веке обработка кости и рога продолжает занимать важное место в домашнем производстве. Из этого сырья делали разнообраз-

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-31-01218.

ные предметы, применявшиеся в быту, хозяйственной деятельности, служившие в качестве украшений и оберегов. Б.А. Шрамко выделил у скифоидных племен Днепро-Донской лесостепи более сорока групп изделий¹, изготовленных из этих материалов. Технология производства вещей из кости и рога хорошо изучена у населения степной² и лесостепной³ Скифии на территории Украины, у представителей дьяковской культуры⁴. Однако аналогичные материалы со скифоидных памятников лесостепного Подонья до сих пор подобному исследованию не подвергались. Для выяснения технологии изготовления костяных и роговых изделий у среднедонских скифоидных племен авторами доклада был проведен трасологический анализ коллекций с городища у с. Пекшево*, а также некоторых находок с городищ Большое Сторожевое и Мастище.

В лесостепном Подонье из кости и рога производили следующие категории вещей: орудия труда (проколки, шилья, иголки, кочедыки, спицы, острия, тупики, струги, ложила, шпатели, мотыги, гребни для расчесывания шерсти), предметы быта (ложечки, пробки), детали конской сбруи (псалии), вооружение и рыболовные снасти (накладки на лук, гарпуны, острия для охоты), составные части различных предметов (насадки для веретена, рукояти), амулеты. Их изготовление осуществлялось местным населением, об этом свидетельствуют находки заготовок и отходов производства. В качестве сырья использовались трубчатые кости животных, челюсти и грифельные кости лошадей, челюсти и ребра КРС, малые берцовые кости и клыки псовых, метакарпальные кости копытных, рога лосей, косуль, клыки кабанов, медведей.

Процесс изготовления костяных изделий включал в себя несколько стадий. Первоначально подбирались необходимые по форме и размерам сырье, затем происходило его обезжиривание и размягчение, для этого кость вываривали и распаривали в закрытом сосуде⁵. Свидетельством применения обезжиривания служит тот факт, что на поселенческих памятниках Днепро-Донской лесостепи, в том числе и на поселениях среднедонской скифоидной культуры, встречаются предметы, изготовленные из костей, содержащих губчатую ткань. К тому же в помещении косторезной мастерской на Восточном Бельском городище были зафиксированы остатки массивной глиняной печи, на которой, по мнению исследователей, происходило вываривание и распаривание костей животных⁶. Без такой предварительной обработки их применение было бы невозможным, поскольку губчатая ткань подвержена процессу гниения. После распаривания кость и рог становились более мягкими, что позволяло при обработке острию ножа глубже проникать в их структуру и делать более длинные срезы⁷.

С помощью трасологического анализа удалось зафиксировать несколько технологических приемов производства костяных и роговых изделий. Это

* Авторы выражают благодарность А.П. Медведеву за предоставленную возможность использования неопубликованных материалов.

строгание железным топором, строгание и скобление железным ножом, обработка на крупно- и мелкозернистом абразивах, сверление, пиление и полировка на коже.

Как правило, изготовление несложных изделий не требовало серьезных трудозатрат. Так, к примеру, для создания некоторых проколов, шильев или иголок из кости было достаточно отшлифовать ее на мелкозернистом абразиве и заполировать на коже. На кочедыках для плетения и шильях, сделанных из метакарпальных и грифельных костей копытных животных, первоначально на дистальной части с двух сторон железным ножом делались глубокие косые насечки, в этом месте кость отламывалась. Затем с заготовки удалялись неровности скоблением железным ножом, после чего полученное острие и сама кость подрабатывались на абразиве и тщательно полировались на коже. Иногда с помощью железного ножа углубляли канавку, расположенную перед проксимальной частью метакарпальной кости. В этих канавках при рассмотрении под микроскопом отчетливо видны следы от подвязывания кожного ремешка или нити.

Железный нож являлся основным инструментом и при изготовлении высокохудожественных изделий из кости и рога. Так, к примеру, деталь веретена из фрагмента трубчатой кости, обнаруженная на городище у хут. Мас-тище⁸, оказалась практически полностью сделана железным ножом. Им была задана форма изделия, встречными надрезами проделаны горизонтальные прорезы, образующие валики, кончиком лезвия нанесены косые линии. Края предмета срезаны по кольцу и слегка зашлифованы на мелкозернистом абразиве, а сам предмет преднамеренно заполирован на коже.

Роговой псалий в виде головы травоядного животного, обнаруженный на городище у с. Пекшево⁹, изготовлен также преимущественно железным ножом. Форма изделия была задана строганием и скоблением, мелкими срезами сделана голова животного, пространство между ушами сначала было вырезано ножом, а затем проточено абразивом, после чего псалий был заполирован на коже. Отверстие для ремешка – биконическое, имеет овальную форму, проделано путем разворачивания нескольких расположенных близко друг к другу отверстий, а затем их соединения с помощью железного ножа. Такая технология зафиксирована и на других памятниках скифского времени Днепро-Донской лесостепи¹⁰.

Строгание железным топором применялось для обработки крупных заготовок. Наиболее часто такой прием отмечается на изделиях, изготовленных из рога лося. Для отделения рога от черепа также использовался топор. По-видимому, этот инструмент применялся и для раскалывания трубчатых костей, однако из-за последующей тщательной обработки изделий зафиксировать его следы не удалось.

Следы пиления железной пилой с мелкими зубцами найдены на трех кончиках лосиных рогов без следов утилизации с городища у с. Пекшево. На территории лесостепного Подонья таких пилок пока не обнаружено, однако они встречаются на поселениях скифского времени степного и лесостепного

Поднепровья. Полотна пил с мелкими зубьями без развода были найдены в косторезной мастерской Бельского городища¹¹, на Люботинском¹² и Каменском городищах¹³. Пиление в лесостепном Подонье применялось нечасто. В большинстве случаев для этих целей использовался нож. Так, зубцы гребня для расчесывания шерсти, происходящего с городища у хут. Мостище, прорезаны железным ножом. Им же проделаны глубокие надрезы на рогах диких животных. Подобная картина наблюдается и на других скифоидных памятниках лесостепи¹⁴. По-видимому, железная пила в это время только начинала входить в комплекс орудий труда и использовалась преимущественно мастерами-косторезами.

На некоторых изделиях имеются просверленные отверстия, диаметр которых колеблется от 0,3 до 0,8 см. Среди них преобладают предметы с круглыми биконическими отверстиями, полученными путем разворачивания с двух противоположных сторон при помощи железного шила или инструмента, плавно расширяющегося от низа кверху. В качестве такого орудия труда могло применяться острие ножа или сверло с ложковидной рабочей частью. Подобные сверла встречены на памятниках скифской эпохи лесостепного Поднепровья¹⁵. Предметы с ровными цилиндрическими отверстиями, проделанными методом лучкового сверления, на рассматриваемых памятниках единичны.

Анализ технологии изготовления костяных и роговых изделий у скифоидного населения лесостепного Подонья показал, что косторезное ремесло находилось примерно на том же уровне развития, что и в соседних регионах лесостепной Скифии. В быту и хозяйственной деятельности обитатели Днепро-Донской лесостепи использовали схожие изделия, при их производстве в большинстве случаев применялись одинаковые технологические приемы. Б.А. Шрамко заметил, что к концу VI – началу V в до н.э. у жителей Бельского городища косторезное ремесло только начинает выделяться в самостоятельную отрасль хозяйства и продолжает сосуществовать совместно с сельским хозяйством¹⁶. Подобная картина наблюдается и на скифоидных памятниках лесостепного Подонья, о чем свидетельствует редкое использование специализированного инструмента и отсутствие косторезных мастерских.

1. Шрамко Б.А. Хозяйство лесостепных племен Восточной Европы в скифскую эпоху. дисс. ... д-ра ист. наук. Киев, 1965. С. 492–494.

2. Гаврилюк Н.А., Усачук А.Н. Обработка кости степными скифами (по материалам Каменского городища) // РА. 1999. № 3. С. 108–123.

3. Шрамко Б.А. Хозяйство лесостепных племен Восточной Европы в скифскую эпоху... С. 481–526.; Радзиевская В.Е., Шрамко Б.А. Усадьба с косторезной мастерской на Бельском городище // СА. 1980. № 4. С. 181–189.

4. Изюмова С.А. Техника обработки кости в дьяковское время и в Древней Руси // КСИ-ИМК. 1949. Вып. 30. С. 15–25.

5. Там же. С. 16.; Радзиевская В.Е., Шрамко Б.А. Указ. соч., С. 185.; Гаврилюк Н.А., Усачук А.Н. Указ. соч., С. 110.

6. Радзиевская В. Е., Шрамко Б. А. Указ. соч., С. 185.

7. Изюмова С.А. Указ. соч., С. 19.; Радзиевская В.Е., Шрамко Б.А. Указ. соч., С. 185.; Гаврилюк Н.А., Усачук А.Н. Указ. соч., С. 110.
8. Синюк А.Т., Березуцкий В.Д. Мостищенский комплекс древних памятников (эпоха бронзы – ранний железный век). Воронеж: Воронежский гос. пед. Ун-т, 2001. С. 147; Рис. 102, 3.
9. Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. М.: Наука, 1999. С. 78; Рис. 36,7.
10. Шрамко Б.А. Указ. соч., С. 519.
11. Радзиевская В.Е., Шрамко Б.А. Указ. соч., С. 187–188.
12. Шрамко Б.А. Люботинское городище. Харьков: Регион-информ, 1998. С. 48; Рис. 27, 2.
13. Граков Б.Н. Каменское городище на Днестре // МИА. 1954. № 36. С. 65–66.; Табл. I, 3.
14. Шрамко Б.А. Указ. соч., С. 516–517.
15. Радзиевская В.Е., Шрамко Б.А. Указ. соч., С. 187.
16. Там же. С. 189.

А.В. Деревянко
Воронежский государственный университет,
аспирант

К ВОПРОСУ О МИГРАЦИЯХ РОКСАЛАНОВ ПО ДАННЫМ АНТИЧНОЙ ТРАДИЦИИ

Одним из древних народов южнорусских земель являлось сарматское племя роксоланов. До наших дней сохранился ряд свидетельств античной традиции, позволяющих определить географические рамки расселения этого древнего племени.

Первым из античных авторов, кто дает географическую привязку для роксоланов, был Страбон. В своей работе «География» он воссоздает этно-географию Северного Причерноморья II–I вв. до н.э.¹. Здесь роксоланы помещены на равнинах между Танаисом (Доном) и Борисфеном (Днепром) (Geogr.: II. V. 7; VII. III. 17). На западе с роксоланами граничат урги, царские сарматы и язиги, которые обитали в междуречье Борисфена и Истра (Днестра) (Geogr.: VII. III. 17). На северо-западе от кочевий роксоланов греческий автор указывает бастарнов (Geogr.: VII. III. 17). Северных соседей географ не мог назвать в силу нехватки информации (Geogr.: II. V. 7; VII. III. 17). В районе Меотиды обитали савроматы (Geogr.: II. V. 7). Мы видим, что роксоланы занимали обширные территориальные пространства в междуречье Дона и Днепра, являясь единоличными хозяевами столь обширной территории. Это позволяет видеть в роксоланах мощное племенное объединение.

Римский историк Плиний-старший рисует совершенно новую картину в сравнении с той, которую создал его предшественник. К северу от Истра вдоль прибрежных местностей (скорее всего, речь у автора идет о побережье Северного Причерноморья) он помещал даков и сарматов. Последних автор делил на аорсов-гамаксобиев, рабских скифов-трогодитов, алан, впервые появившихся на этнокарте, и роксоланов (NH: IV, 80). В Крыму он размещал

сираков. Еще одно сарматское племя язигов автор называл обитателями Венгерской низменности. Свидетельства Плиния, на наш взгляд, предполагают чересполосное существование ряда сарматских племен в Северном Причерноморье.

Клавдий Птолемей первым из древних авторов разделил Сарматию на Европейскую и Азиатскую (Geogr., III, 5, 1). Его карта носит сложный и противоречивый характер. Зачастую Птолемей дает сведения о современных ему народах и племенах, уже давно сошедших с исторической арены². Применительно к югу Восточной Европы, «Географическое руководство» отражало этническую ситуацию I – начала II вв. н.э.³. По сведениям античного географа роксоланы являлись наряду с язигами обитателями побережья Меотиды (Азовского моря) (Geogr., III, 5, 7; III, 5, 10). Восточными соседями последних были эксобигиты, гамаксобии (аорсы?) и скифы-аланы. Земли северо-восточнее роксоланов занимали осилы, которых он помещает у излучины Дона. Для нас важен сам факт занятия роксоланами северо-причерноморских степей в предшествующее время, тем более что роксоланы появились в Северном Причерноморье не раньше середины II в. до н. э. Все это указывает на то, что археологические следы ранних роксоланов следует искать в степном Северном Причерноморье. Подобная попытка в историографии уже предпринималась⁴.

Топоним «роксоланы» зафиксирован на римской карте, известной под названием Tabula Peutingeriana (TP, Певтингеровы таблицы). Это латиноязычная карта мира, известная римлянам на закате античной эпохи. Она дошла до нас в более поздней копии XII–XIII вв., восходящей своими корнями к оригиналу первых веков нашей эры. По заключению специалистов, карта была составлена в начале III в. н.э., а последние поправки в нее вносились вплоть до V в. н.э.⁵. Роксоланы размещены на карте между реками Гипанис (Южный Буг) и Нусак (Днепр) в среднем их течении. Подчеркнем, что TP, вероятно, указывает территорию роксоланов в промежуточный период от их господства в Северном Причерноморье до занятия ими левобережного Нижнего Подунавья.

Сообщаемая историками Scriptores Historiae Augustae (SHA) частая активность роксоланов (участие в Дакийской и Маркоманнской войнах, мятежи при Адриане) на границе Римской империи может указывать на то, что этот племенной союз кочевал в непосредственной близости от пределов державы. Дион Кассий писал: «...он (*Марк Аврелий*. – *А.Д.*) разрешил им (*язигам*. – *А.Д.*) сообщаться с роксоланами через Дакию столь часто, как позволит правитель этой провинции» (Cass. Dio.: 3.4.2). Речь идет о заключенном между язигами и Римской империей мирном договоре 174 г. н. э. Язиги в это время проживали на территории Паннонии. Исходя из того что между язигами и роксоланами была только римская провинция Дакия, предполагаем, что роксоланы, скорее всего, кочевали в степях Буджака.

Автор IV в. н. э. Аммиан Марцеллин локализует роксоланов на побережье Меотиды (Amm. XXXI, 2, 12-13, 8). А. Алемань пришел к выводу, что

последовательность перечня племен у римского историка в данном контексте напоминает список Клавдия Птолемея⁶. Таким образом, его свидетельства восходят к более раннему периоду времени. Это подтверждает сведения Страбона, который помещал роксоланов вдоль побережья Меотиды еще в конце II–I вв. до н.э.

Историк VI в. н. э. Иордан писал: «Эту Готию (Дакию. – *А.Д.*) ... тогда ограничивали с востока ароксоланы, с запада язиги, с севера сарматы и бастерны, с юга – река Данубий. Язиги же от ароксолан отделяются только рекой Алутой» (*Get.*, 74–75). По мнению специалистов, описываемая этническая ситуация имела место быть в середине III в. н.э. и относится к началу заселения готами Северного Причерноморья⁷. Реку Алуту идентифицируют с современной р. Олт, отмечая, что именно по ней проходила граница римской провинции Дакии⁸. Следовательно, роксоланы занимали земли на восток от нее, то есть земли в степях Буджака, что подтверждает рассмотренные выше свидетельства.

Если отождествлять роксоланов с сарматами-ардарагантами (*Euseb. Vita Constant.*, IV, 6, 1; *Euseb. Chron.*, p. 233, II. 13-15; *Amm.*, XXVII, 12, 17-20; *Zosim.*, III, 1,1), то можно констатировать, что где-то в начале IV в. н. э. роксоланы переселяются в Паннонию к язигам, превратив последних в своих рабов кочевнического типа.

Как показывает анализ античной традиции, во II–I вв. до н. э. роксоланы были полновластными властелинами таврийских степей. С появлением аланов в середине I в. н. э. сарматские племена вели чересполосное существование. Происходит постепенное сдвигание кочевий роксоланов на запад. К началу III в. н. э. основными землями для кочевий служило междуречье Дуная и Прута. В начале IV в. н. э. роксоланы переселяются на земли Паннонии, где уже обитало сарматское племя язигов. С началом гуннской эпохи история древнего народа роксоланов заканчивается.

Евразийские кочевники в эпоху раннего железа века вряд ли имели представление об античной географии и вряд ли придерживались отмеченных ею границ. Кочевой образ жизни приводил к частым передвижениям и миграциям номадов. Но отмеченные древними географами и историками территориальные рамки для племен могут служить отправной точкой в поиске археологических остатков существования роксоланов. Тема истории этого древнего народа требует своей дальнейшей разработки на основе, как мы полагаем, комплексного анализа античной традиции и данных современной археологии.

1. Виноградов Ю.А. О двух волнах сарматских миграций в причерноморских степях до-римского времени // *ХС. XIII. Севастополь*, 2004. С. 22.; Мачинский Д.А. Некоторые проблемы этногеографии восточно-европейских степей во II в. до н. э. – I в. н. э. // *АСГЭ*. 1976. № 16. С. 126.

2. Щеглов Д.А. Древнейшие греческие описания Скифии в интерпретации эллинистической географии // *Древнейшие государства Восточной Европы: материалы и исследования*. 2003 г. М.: «Восточ. лит-ра» РАН, 2005. С. 291.

3. Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М.: Таус, 2008. С. 60.

4. Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев: Наукова Думка, 1993. С. 112.; Симоненко А.В. Некоторые особенности культурно-исторического развития сарматов Таврии // Античная цивилизация и варварский мир (материалы III-го археол. материала). Ч. 1. 1992. С. 25.
5. Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции: Тексты, перевод, комментарий. М.: Индрик, 2002. С. 295.
6. Алемань А. Аланы в древних и средневековых источниках. М.: Менеджер, 2003. С.70.
7. Щукин М.Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб.: Филол. Фак-т СПбГУ, 2005. С. 90–93.
8. Рикман Э.А. Этническая история Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М.: Наука, 1975. С. 28.
9. Медведев А.П. Восстание лимигантов в контексте социальной истории сарматов // Власть и народ в условиях войн и социальных конфликтов: материалы Четвертой регион. конф. Воронеж, 2010. С. 253–257.

А.А. Костылёва
Липецкий государственный педагогический университет,
соискатель

ТИПОЛОГИЯ КОМПЛЕКСОВ С ЗАХОРОНЕНИЯМИ ЖИВОТНЫХ НА ПОСЕЛЕНИЯХ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

Следы почитания животных можно обнаружить в религиях разных народов и эпох. По всей видимости, определенные культовые обряды, связанные с использованием животных, практиковались и у населения хазарского каганата, в частности населения салтово-маяцкой культуры (далее – СМК). О существовании определенных культов, связанных с животными, свидетельствуют их захоронения в жилищах и хозяйственных ямах на поселениях салтово-маяцкой культуры. Для того чтобы разобраться в назначении этих объектов, нами была предложена типология захоронений животных на поселениях СМК.

Все захоронения животных на поселениях салтово-маяцкой культуры мы разделили на две основные группы: I – погребения животных; II – совместные погребения людей и животных. Захоронения обеих групп встречаются на поселениях в жилых постройках, в производственных комплексах (горнах и т.д.) и ямах.

Группа I. Захоронения животных

В группе выделяются две подгруппы: 1 – захоронения в круглых и прямоугольных ямах; 2 – захоронения в производственных комплексах; 3 – захоронения в жилищах. В свою очередь для удобства описания все захоронения животных в ямах мы разделили по видовому составу погребенных животных.

Захоронения коней. Погребения коней в ямах были выявлены на Дмитриевском, Пятницком, Маяцком селищах, селище-1 у х. Шпенгарев.

На Дмитриевском селище захоронения лошадей были обнаружены в прямоугольных в плане ямах (яма Ю1 и Н1)¹. На селище-1 у х. Шпенгарев

(яма 21)², Маяцком селище (яма 12)³ – в ямах округлых в плане, колоковидных в профиле. На селище у с. Пятницкое (яма 14)⁴, яма в виде полукруга только на $\frac{1}{2}$ находилась в площади раскопа, остальная ее часть уходила в западный борт, однако, скорее всего, форма этой ямы также круглая в плане. Все погребения (за исключением коня с селища-1 у х. Шпенгарев) – безынвентарные. В прямоугольных ямах кони были уложены на брюхо с подонутыми ногами, в круглых ямах – на бок, при этом два скелета были очень сильно согнуты, поэтому располагались достаточно компактно. Скелет лошади из ямы 12 (Маяцкое селище) был преднамеренно разрушен: у него не было копыт, а у задних ног – даже пястных костей. В яме 14 (Пятницкое селище) под скелетом лошади была обнаружена прослойка древесного угля.

Следует отметить, что захоронения лошадей, аналогичные выявленным на Дмитриевском селище, были изучены на салтовских могильниках (Дмитриевский могильник, Верхнесалтовский могильник I, III, Ютановский могильник).

Захоронения собак. Захоронения собак были выявлены на салтовских памятниках: городище Саркел, селище-1 у х. Шпенгарев, селище Маяки, Нижний Бишкин, Сухогомольшанское селище.

На городище Саркел на узкой полосе земли между крепостной стеной и рвом были изучены 4 округлые хозяйственные ямы с погребениями собак. Костяки собак из ям 31, 46, 55 были частично разрушены. В трех случаях собаки были уложены на дно ямы, в одном скелет собаки находился в заполнении. Под собакой из ямы 31 была прослежена угольная прослойка толщиной 4 см⁵.

На селище-1 у х. Шпенгарев захоронения собак были открыты в трех округлых ямах. Три захоронения находились на дне ям, одно – в заполнении, в слое, насыщенном древесным углем. Лишь один скелет собаки находился практически полностью в анатомическом порядке, остальные в той или иной степени были разрушены.

На памятнике славяно-сахновских контактов, поселении Нижний Бишкин 1, собаки были обнаружены в яме 5⁶, Нижний Бишкин 2 – в ямах 7 и 12⁷. Ямы – округлые в плане, к южной части ямы 12 прилегали две небольшие ступени. Собаки из ям 7 и 12 находились в заполнении, причем после совершения захоронений животных заполнение ям культурным остатками продолжалось.

На селище-1 у с. Пятницкое (яма 10)⁸ и на Сухогомольшанском селище было встречено по одной яме с погребениями собак. В первом случае у самого дна ямы находился лишь череп длинномордой собаки.

Подводя итог, следует отметить, что погребения собак были выявлены исключительно в круглых или округлых в плане ямах. Сами скелеты животных могли находиться как на дне ям, так и в их заполнении. Среди захороненных встречаются как взрослые особи, так и щенки. Часть скелетов собак в той или иной степени подверглись разрушению. Поза, в которой первоначально были погребены животные, прослеживается не всегда, так как боль-

большинство скелетов находились не в анатомическом положении. В случаях, где позу удалось проследить, большинство собак были погребены на правом боку. Кроме того, в части погребений была выявлена угольная подсыпка, либо же фрагменты угля были прослежены в заполнении ям.

Захоронения мелкого рогатого скота (далее – МРС). Захоронение МРС (овцы) было обнаружено возле крепостной стены городища Саркел. Животное находилось в округлой в плане яме (№ 23). Скелет овцы был обнаружен в заполнении выше дна почти на 0,3 м⁹. Еще один комплекс с захоронением МРС был выявлен на Маяцком селище. В полу постройки 6 были вырыты две хозяйственные ямы. Вторая хозяйственная яма находилась у северо-восточной стены. Диаметр ее устья 1 м, дна – 1,6 м, глубина – 1,87 м. В самой нижней части ямы обнаружены остатки набора сбруи. На полу котлована находился развал целого лощеного пифоса с валиками и лощеный кувшин. У северо-западной стены обнаружены черепа и скелеты двух коз¹⁰.

Совместные захоронения нескольких видов животных. Совместное погребение собаки и коня на поселениях салтово-маяцкой культуры известно только одно. Оно выявлено в яме 1 селища-1 у х. Шпенгарев. Яма имеет устье неправильной, подовальной в плане формы, разрез – колоколовидный. На дне ямы прослежено погребение лошади. Целый скелет располагался на правом боку, черепом на северо-запад. К юго-западу от лошади обнаружен скелет собаки, лежавший на правом боку, черепом к западу, передние лапы выпрямлены и вытянуты под углом 45 градусов к корпусу, задние – согнуты. Фрагментированный череп собаки располагался на левой задней ноге лошади. На ее шее прослежен бронзовый литой бубенчик с остатками кожаного ремешка в ушке¹¹.

Совместные захоронения коней с собаками, помимо селища-1 у х. Шпенгарев, были выявлены в дромосах катакомб 151 и 173 Дмитриевского могильника. В дромосе катакомбы 151 собака была выявлена на крупе коня¹². В дромосе катакомбы 173 был выявлен конь, собака и кости 5 коз¹³.

Интересное захоронение домашних животных было обнаружено на поселении у с. Богородицкое. На уровне 0,55 м частично на ступеньке, а частично – в заполнении лежали скелеты коровы и собаки. Корова была расположена головой на юго-запад, собака – на северо-восток, при этом задняя нога коровы была плотно зажата челюстями собаки. Здесь же находился отшлифованный каменный предмет прямоугольной формы (1 х 3 х 4 см), по предположению В.С. Флерова – амулет. Ниже, на дне ямы, на глубине 1,15 м, головой на северо-восток, перпендикулярно костякам собаки и коровы, находился еще один скелет коровы, от которого сохранились лишь отдельные кости. Задние ноги второй коровы уходили в небольшой подбой. В заполнении встречены фрагменты кухонных горшков с линейно-волнистым орнаментом¹⁴. Это погребение было расположено рядом с жилищами на самой возвышенной части поселения¹⁵.

В отдельную группу следует выделить жертвенники, которые были выявлены на городище Саркел и Маяцком селище. На городище Саркел (ямы 13

и 50) жертвенники представляли собой подпрямоугольные в плане ямы, на дне которых находился слой золы и угля. В первом случае на нем были обнаружены четыре пары коровьих метаподий с копытами, над которыми в беспорядке были набросаны кости других животных, в частности кость ноги лошади и часть скелета собаки: череп, лапы, половина позвоночника¹⁶. Во втором случае на дне ямы в беспорядке по всей площади были разбросаны ноги овец, отчлененные по второй или третий сустав. В южном углу ямы, в засыпке, находились две отчлененные по второй сустав ноги коровы¹⁷. В заполнении вышеперечисленных ям было прослежено большое количество угля и золы.

На Маяцком селище так называемые жертвенники были сконцентрированы вокруг постройки 21. Формы ям жертвенников были разнообразны, над жертвенниками 1 и 2, видимо, находились перекрытия, о чем свидетельствуют найденные в них столбовые ямки. В самих жертвенниках находились кости, преимущественно разрозненные, лошадей, реже – мелкого и крупного рогатого скота. Всего жертвенников на поселении было обнаружено 5¹⁸.

Захоронения животных в постройках и производственных комплексах. Погребения животных на поселениях были выявлены в жилых и в производственных постройках. Так, в жилище 1 поселения Маяки погребение собаки было совершено возле домашнего очага¹⁹. В постройке 21 Маяцкого селища рядом с входом были обнаружены черепа трех свиней, которые, скорее всего, были замурованы в стену в момент функционирования постройки²⁰. Эта постройка примечательна тем, что вокруг нее концентрировались вышеописанные жертвенники.

Наибольшая концентрация захоронений целых скелетов животных или их частей в жилищах и производственных комплексах археологами была зафиксирована в границах Левобережного Цимлянского городища. В комнате № 6 здания 1 крепости Саркел были выявлены две ямы с останками животных. Обе сооружены в период строительства здания, так как были засыпаны и затем перекрыты подмазкой пола. На дне уложены повернутая мордой к юго-западу голова коня и кости двух передних ног, отчлененные по третий сустав. Кости задних ног помещены в яме немного выше. Останки коня обильно посыпаны углем, на полу под костями обнаружено бронзовое ботало с железным язычком. Поверх костей положили полкирпича, после чего в яму засыпали глину.

Вторая яма находилась в западном углу комнаты. Верхний слой заполнения – материковая глина, под ним обнаружен точильный брусок. Ниже яма заполнена зольно-угольным слоем с костями животных и рыб и обломками хазарских горшков. У самого дна слой коричневого, рыхлый, с примесью золы. В нем найдены обломки сероглиняного кувшина, куски известня, кости рыбы, птицы и кошки²¹.

В крепости Саркел отдельные черепа собаки и коней были обнаружены в заброшенных металлургических горнах. Причем в ямы были брошены самые «действенные» (опасные) части животных: в двух ямах – половинки

нижних челюстей коня, причем к одной из них прибавлены отчлененные и разрозненные кости ног, в третьей яме – полный череп коня, в четвертой – череп собаки²².

Группа 2. Совместные захоронения людей и животных

В настоящее время совместные захоронения людей с животными в круглых ямах на поселениях известны на городище Саркел, селище-1 у х. Шпенгарев и Пятницком селище.

На городище Саркел ямы с совместными погребениями людей и животных были выявлены у подножия юго-западной стены, между крепостью и рвом. В двух ямах были совершены захоронения женщин с собаками (яма 55б) и лошадью (яма 8), в яме 37 – возмужалый мужчина, ребенок, между ними в заполнении было совершено захоронение коня. Скелеты животных в ямах были частично разрушены²³.

На селище-1 у х. Шпенгарев захоронения людей с животными были прослежены в круглых ямах. Три собаки и человек были захоронены в яме 7: один скелет собаки находился в заполнении, захоронение человека с двумя другими животными находились на дне²⁴. Еще в одной яме было совершено погребение (7) ребенка с собакой, скелеты которых были разрушены²⁵. На селище у с. Пятницкое в круглой колоковидной яме был обнаружен скелет человека в неординарной позе, возле которого находилось три черепа, фрагмент нижней челюсти лошади и костяк маленькой собачки²⁶.

Характерными чертами данной группы погребений являются использование круглых в плане, колоколовидных в разрезе ям, отсутствие погребального инвентаря, разрушение как скелетов как людей, так и животных. Для таких захоронений использовались, как правило, заброшенные хозяйственные ямы. Ориентировка, пол, возраст, поза погребенных различны. Захоронения людей могли находиться как на уровне дна ямы, так и в заполнении. Чаще всего в круглых ямах встречаются совместные захоронения людей и собак. В одном погребении могло быть до трех особей животных разного возраста, при этом собака могла находиться в заполнении ямы над человеческим погребением, на уровне человеческого погребения либо под ним. Реже встречаются в круглых ямах совместные погребения человека с конем. Конь, как и собака, мог быть помещен в яму как целиком, так и частично. В заполнении некоторых ям встречаются разрозненные кости коров.

Предложенная нами типология отражает многовариативность комплексов, содержащих погребения животных на поселениях. Попытаемся проследить их характерные особенности. Прежде всего, следует отметить доминирование в видовом составе использованных для захоронений животных собак и коней. Известно, что именно собака и конь уже в бронзовом веке становятся наиболее почитаемыми животными у кочевников евразийских степей, при этом они остаются таковыми и в более поздние периоды. В Нартском эпосе осетин, потомков алан, конь занимает ведущее место²⁷. Кроме того, до начала XX в. у осетин существовал ритуал поклонения конской голове, когда черепа коней были выставлены в поселке у каждого дома на шестах, на заборе и над

дверью²⁸. Большую роль играл культ коня и у различных тюркских народов, в хозяйстве которых лошадь занимала ведущее место. В то же время у них же были распространены и культы, связанные с почитанием собак. В некоторых преданиях и мифах этих народов собака фигурирует как родоначальница племени, рода. У болгар существовало представление о том, что собака может прогонять нечистую силу и беречь жилые сооружения от проникновения злых духов. С последними поверьями связан обычай волжских болгар закапывать собаку под углом дома или под валом оборонительных сооружений²⁹. В эпосе и этнографии осетин собака наделялась сверхъестественным чутьем и магической силой. Она охраняла добро, жизнь и предупреждала зло. Собака изгоняла злые силы, в том числе и те, которые наносят урон урожаю. Там, где стоит собака, не пройдет колдун, не пролезет змея³⁰.

Также следует отметить, что большинство захоронений животных и людей с животными на поселениях были совершены в круглых в плане, колоколовидных в разрезе ямах. Прежде всего это определяется тем, что они являлись наиболее распространенным видом хозяйственных сооружений у салтовского населения. По мнению С.А. Плетневой, круглая форма ям могла иметь и какое-то важное смысловое значение, поскольку она характерна для многих поминальных комплексов и трупосожжений, для бытовых построек, открытых очагов и планировки поселений. Возможно, это было связано с культом огня, солнца, неба³¹.

Кроме того, важной чертой вышеуказанных захоронений является наличие угольной подсыпки под погребениями в ямах. Именно она может свидетельствовать о наличии у салтовцев культа огня, который представлял собой явление, широко распространенное в религиозных мировоззрениях народов. Культ огня был известен предкам осетин с древнейших времен. Отдаленные предки осетин, равно как и других народов, считали, что огонь, как и вода, представлял собой такую чудодейственную силу, которая может предохранить человека от многих несчастий³².

Таким образом, культовая принадлежность описанных нами комплексов представляется очевидной. Часть захоронений можно предварительно отождествить с так называемыми закладными жертвами. Другие захоронения животных, видимо, выполняли охранительные функции. Наконец, часть захоронений могла являться жертвоприношениями.

1. Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука, 1989. С. 53.

2. Сарапулкин В.А. Отчет о раскопках селища-1 у хутора Шпенгарев в 2012 году. Белгород: 2013 // Архив кабинета археологии БелГУ. С. 16

3. Винников А.З., Плетнева С.А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1998. С. 214.

4. Михеев В.К. Отчет об археологических исследованиях экспедиции Международного центра хазароведения Восточнoукраинского филиала Международного Соломонова университета в 2005 г. (поселение у с. Пятницкое Печенежского района Харьковской обл.). С. 12.

5. Плетнева С.А. Саркел и Шелковый Путь. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. С. 80–81.
6. Любичев М.В. Об одной группе сакральных памятников поселений верхнего течения Северского Донца раннего средневековья // Вісник Харків. нац. уні-ту ім. В.Н. Каразіна. Харьков: НМЦ «СД», 2001. С. 4.
7. Любичев М.В. Салтово-сахновские контакты в свете материалов поселения Нижний Бишкин 2 на Северском Донце // Хазарский альманах. Харьков, 2004. Т.3. С. 283.
8. Михеев В.К. Отчет об археологических исследованиях экспедиции... С. 11.
9. Плетнева С.А. Саркел... С. 81.
10. Винников А.З., Плетнева С.А. Указ. соч. С. 50
11. Сарапулкин В.А. Отчет о раскопках селища-1 у хутора Шпенгарев в 2009 году. Белгород. 2010 // Архив кабинета археологии БелГУ. С. 28.
12. Плетнева С.А. На славяно-хазарском.... С. 206.
13. Там же. С. 235.
14. Флеров В.С. Поселение VIII–IX вв. у ст. Богоявленской // СА. 1971. № 2. С. 262.
15. Там же.
16. Плетнева С.А. Саркел... С. 78.
17. Там же. С. 80.
18. Винников А.З., Афанасьев Г.Е. Культовые комплексы Маяцкого селища. Воронеж.: Изд-во Воронеж. ун-та, 1991. С. 121–123.
19. Михеев В.К., Михеев В.К. Подонье в составе хазарского каганата. Харьков: Вища школа, 1985. С. 28.
20. Винников А.З. Афанасьев Г.Е. Указ. соч. С. 120.
21. Плетнева С.А. Саркел... С. 38.
22. Там же. С. 75.
23. Там же. С. 81–83.
24. Сарапулкин В.А. Отчет о раскопках селища-1 у хутора Шпенгарев в 2009 году. Белгород. 2010 // Архив кабинета археологии БелГУ. С. 29.
25. Там же. С. 26
26. Квиковский В.И. Захоронение в круглой яме на селище Пятницкое-I // СМАК. 2012. № 3. С. 27.
27. Чибиров Л.А. Традиционная культура осетин. М.: Российская политич. Энцикл., 2008. С. 180–183.
28. Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье: (история и культура). М., 1977 // [Электронный ресурс]: <http://kladina.narod.ru/kuzmina/kuzmina.htm> (дата обращения: 27.03.2014 г.).
29. Денисов П.В. Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей. Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 1969. С. 88.
30. Чибиров Л.А. Указ. соч. С. 166.
31. Плетнева С.А. Саркел... С. 92.
32. Чибиров Л.А. Традиционная культура осетин. М., 2008. С. 111.

В.В. Скребцова
Липецкий государственный педагогический университет,
соискатель

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИЗЫСКАНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ ДО 1917 ГОДА

К настоящему времени история археологического изучения Белгородчины имеет почтенный возраст, что порождает необходимость освещения этого процесса. Настоящая работа посвящена раннему периоду формирования археологических знаний о регионе.

Первоначально основным методом исследований были археологические экскурсии, в процессе которых древности осматривали, описывали, зарисовывали, наносили на археологическую карту, проводили раскопки, опрашивали местное население, при наличии средств покупали древности для музея. Так, в 1901 г. член Воронежской ученой архивной комиссии (ВУАК) А.А. Орлов, уроженец Воронежской губернии, уездный член Курского окружного суда, провел археологический осмотр местности на берегах р. Оскол близ с. Шалаева Валуйского уезда¹. Он обследовал песчаные отложения, «имеющие все характерные особенности дюн», «на пространстве до одной версты» на берегах р. Оскол. Дюны, по его наблюдениям, были «усеяны осколками кремней и черепками битой посуды»: черепки из необожженной глины, орудия – скребла, наконечник копья «со следами оббоя» – «характерные произведения человека палеолитического периода». А.А. Орлов обнаружил на шалаевских дюнах «смазки такого же характера, как и открытые г. Хвойко на р. Днепр». «Смазки» были сплошь усеяны «кремневыми осколками величиной от скорлупы зерна мелкого подсолнуха до кулака взрослого человека, тут же попадались и кремневые орудия и черепки с разнообразным орнаментом», скребла и «оббитый кремь, напоминающий копье»². В некоторых местах «смазок» встречались холмики. В них были найдены «много крупной черной посуды без орнамента и кость с двумя поперечными надрезами»³. Эти находки, по словам исследователя, вряд ли являются кухонными остатками, так как холмик с кухонными остатками он обнаружил здесь же «лет 10 тому назад». Среди остатков были рыбные кости и чешуя, разбитые кости лося и козы, кости птиц, части черепа и зубы человека, обломки рыболовных крючков из железа, кусок плитняка, угля⁴. В 1902 г. ни в смазках, ни в холмах А.А. Орлов не обнаружил человеческих останков. Только в песках, «примыкающих к старому руслу реки Оскола», был найден «полный, хорошо сохранившийся скелет человека, а неподалеку валялись части разбитых (говорят, пастухами) человеческих же черепов»⁵. А.А. Орлов делает несколько выводов: шалаевский человек «едва ли очень древен», так как на

дюнах «не было найдено костей мамонта, носорога и вообще крупных костей и обломков их». Множество осколков кремней, усыпавших «смазки», указывает на то, что здесь «жил человек» и «они служили основой его жилья – полом». Шалаевский человек занимался охотой и рыболовством, украшал посуду орнаментом, был искусен в производстве орудий из кремня. Описанное становище, как «чрезвычайно характерное» и «превосходно сохранившееся», нуждалось, по мнению А.А. Орлова, в охране. Выслушав доклад, члены Комиссии постановили обратиться «в видах охранения стоянки» за содействием в Валуйскую уездную земскую управу и к уездному исправнику. Кроме того, подробные сведения о стоянке были сообщены Императорскому Московскому археологическому обществу «в видах производства специальных археологических изысканий в данной местности кем-либо из специалистов, по указанию Общества»⁶.

В 1901 г. помещик, чиновник, писатель и историк-любитель, первый председатель комиссии ВУАК Е.Л. Марков обследовал на месте остатки «черты земли государевой» в виде валов, засек, городков, острогов, надолб, укрепленных бродов, сооруженных «наперерез излюбленному татарскому пути» – Кальмиусской сакме и ее боковым ответвлениям по берегам рек Валуга и Тихой Сосны в Валуйском, Бирюченском и Острогожском уездах. Евгений Львович происходил из семьи богатых щигровских (Курская область) землевладельцев. С 1887 г. жил в Воронеже, вернулся на службу управляющим губернского отделения Дворянского земельного банка и председателем Крестьянского поземельного банка. Получил чин статского советника, стал почетным членом Воронежского губернского статистического комитета. 1 декабря 1900 г. на первом, учредительном, заседании Воронежской Губернской ученой архивной комиссии был избран ее председателем. Е.Л. Марков сделал доклад на заседании ВУАК 30 ноября 1901 г., составил карту обследованной местности и нанес на нее Кальмиусскую сакму⁷. В докладе он описал древние городища – Ливенское, Ольшанское, Усердское и Верхосоеенское, а также земляные валы – Ливенский, Ольшанский, Иловский и Верхососенский, представлявшие когда-то сплошную защитную линию – часть Белгородской черты. Описывая Ливенский вал, тянувшийся от слободы Ливенки до русла р. Тихой Сосны, Е.Л. Марков отметил: «К стороне шляха (к западу) он несколько шире, чем с восточной стороны, потому что на той стороне был ров. С русской стороны в нем будет от трех до семи аршинных шагов, а с татарской до десяти и более. Высота – два-три аршина»⁸. В самой слободе Ливенке он осмотрел остатки рвов и валов вокруг соборной площади. Остальные участки черты, располагавшиеся на левом берегу р. Тихой Сосны, Е.Л. Марков исследовал от слободы Ольшан. Сильно разрушенный Ольшанский вал тянулся «вдоль над берегом» от слободы до Иловских лесов. За валом были видны земляные сооружения, «служившие, по-видимому, острожками», «большая довольно глубокая впадина земли, обнесенная курганами и обрывками вала» и «окруженный валами и рвами обширный четырехугольник в 130 шагов по каждой стороне, наполненный неглубокими ямами и

пологими возвышенностями, как бы опавшими могильными курганами», где жители Ольшанки «недавно еще хоронили» своих покойников⁹. В слободе Ольшан сохранился старый «городок» – «земляное возвышение, расположенное правильным четырехугольником над очень крупным, можно сказать, неприступным обрывом берега Сосны... Насыпи и рвы затоптаны скотом... Внутри рвов насыпь представляет собой ровную площадь без заметного возвышения валов по краям; но вся эта площадь изрыта ямами и буграми, вероятно, от бывших здесь построек, и покрыта мелкою меловою галькою... Относительно каких-нибудь находок в старом городке жители ничего не знают; только волостной писарь передал мне, что несколько лет тому назад один из здешних крестьян, копая себе мел внутри городка, выкопал какой-то белый камень с нумерами, после чего ему запретили копать далее...»¹⁰. На противоположной стороне Иловского леса, у слободы Подсередной, начинался Иловский участок вала, преграждавший дорогу в Усерд. Остатки укреплений сохранились в бывших крепостях Усерде и Верхососенске. От Верхососенска к слободе Красной и курской границе тянулся лес, сохранивший историческое название «засеки». От этой засеки шел сплошной земляной вал, «с правильными земляными городками через полверсты... Он так мало разбит, что его вершина, или «свод», как она называется в донесениях воевод, еще сохранила почти заостренную форму и покрыта твердым дерном. Рвы выкопаны здесь по обе стороны вала... на пространстве, 5–6 верст я насчитал в нем пять земляных городков... может быть, это – уцелевшие основания «земляных башен», которыми обыкновенно укрепляли вал, в котором держали караул его защитники»¹¹.

В 1905 г. член-сотрудник Санкт-Петербургского археологического института Н.Е. Макаренко проводил исследования в Валуйском и Бирюченском уездах (территория современных Валуйского и Красногвардейского районов Белгородской области). На него было «возложено поручение заняться исследованием майданов (курганов), известных в Воронежской губернии в значительном количестве, и дополнительными раскопками различных местностей края, уже давно известных важными находками»¹². В Валуйском уезде Н.Е. Макаренко раскопал два кургана у слободы Герасимовки. На дне воронок курганов были найдены черепки сосудов, кремневые орудия, «железные поделки». В центре одного из них была найдена обширная погребальная яма со скорченным скелетом, череп которого был отправлен в Антропологический музей Академии наук¹³. В этом же уезде Н.Е. Макаренко осмотрел места двух уже известных находок. В 1895 г. в поле близ деревни Колосковой, «в пяти саженьях от р. Оскола», был найден клад серебряных и бронзовых вещей VI–VII вв.: серебряные – оковка ножен, пряжка, бляха, бронзовые – пять больших фибул (готского типа), гривны, браслеты, кольца, наконечники копий и др. Вещи были отправлены в Исторический музей¹⁴. Закладка траншей на месте находки дала только кремневые обломки и черепок. Большое количество черепков с орнаментом (один – со свастикой), кремневые поделки и обломки, железное копье и другие древности Н.Е. Макаренко собрал на дю-

нах р. Оскола напротив деревни Колосковой¹⁵. На хуторе Гаевка того же уезда в проложенной вблизи места находки траншее обнаружилось погребение без признаков кургана и грунтовой ямы. В нем присутствовали бронзовый браслет, серебряные бляшки, два серебряных наконечника стрел и другие предметы¹⁶. Еще о двух находках Н.Е. Макаренко расспросил местное население. В донесении Императорской археологической комиссии он сообщает, что 15 мая 1905 г. близ г. Валук, на лугу, у берега р. Оскола, был найден в глиняном горшке клад, состоящий из браслета, инкрустированных и синих бус, спиралей, булавок, серебряных украшений пояса и других вещей. Он был найден при сооружении канавы для фундамента городской водоканалки. Клад был взят десятником, который часть вещей переплавил, думая, что они из золота. В результате остались только три бронзовых браслета, имеющие расширенные концы и орнаментированные насечками¹⁷. Браслеты Н.Е. Макаренко купил, и впоследствии они были переданы в Исторический музей.

Также путем расспросов Н.Е. Макаренко провел исследование на месте «всегда возбуждавшей любопытство» находки в имении г. Муравьевой Старицкой волости Бирюченского уезда (территория современного Красногвардейского района Белгородской области). В августе 1869 г. на правом берегу р. Оскол в овраге, «в отвершие мыса, называемого Поповым», было найдено захоронение воина: скелет был «роста значительно больше обыкновенного», лежал на углях головой к востоку и был присыпан известкой. Среди инвентаря – кольчуга, железный шлем с остатками забрала, клинок меча, на груди погребенного – две золотые византийские монеты VIII в. н.э. (Анастасия 713–716 гг. и Льва IV 775–780 гг.), а также ряд мелких, «особенно замечательных предметов»: разнообразные пряжки, золотые пластинки, серебряный дрот и др¹⁸. В губернаторском донесении в Императорскую археологическую комиссию сведения о находке дополняются следующей информацией: «...недалеко от места, где были найдены означенные вещи, в имении г. Бибикова, по слухам, существует пещера с подземным ходом, разработку которой принял на себя сам владелец. О последствиях... будет своевременно сообщено»¹⁹. Найдки были отправлены в Эрмитаж. В указателе памятников отмечено, что «по стилю вещи находятся в ближайшем родстве с варварскими древностями готов, лангобардов и пр., найденных в Италии и на Дону»²⁰. Н.Е. Макаренко путем расспросов удалось выяснить, что вещи были обнаружены в кургане. Дополнительная информация о находках, об условиях их обнаружения оказалась неизвестной.

Н.Е. Макаренко принадлежит честь открытия первого на территории Белгородскую область памятника салтово-маяцкой культуры – селища у с. Кузнецовка Валуйского уезда (современное с. Кузнецовка Валуйского района Белгородской области). Следующим стало селище у железнодорожной станции Нежеголь, открытое директором Изюмского музея Н.В. Сибилевым лишь двадцать лет спустя после открытия Макаренко.

В связи с изменившейся ситуацией в стране, порожденной революцией 1905 г., Первой Мировой войной и революцией 1917 г., изучение памятников

археологии на время приостановилось. Но, несмотря на малочисленность до-революционных исследований, стало понятно: Белгородские земли содержит богатейшие и интересные материалы о прошлом, которые требуют дальнейших тщательных изысканий.

-
1. Орлов А.А. Стоянка каменного века на р. Осколе // Труды ВУАК. Вып. 11. Воронеж, 1904. С. 142.
 2. Там же. С. 143.
 3. Там же. С. 144.
 4. Там же. С. 145.
 5. Там же. С. 146.
 6. Там же. С. 148.
 7. Журналы заседаний ВГУАК // ТВУАК. Воронеж, 1904. Вып. 2. Отдел III. С. XLVII.; Марков Е.Л. Валы защитной черты на реке Тихой Сосне // ТВУАК. Воронеж, 1904. Вып. 2. Отдел I. С. 115–142.
 8. Марков Е.Л. Валы защитной черты на реке Тихой Сосне // ТВУАК. Воронеж, 1904. Вып. 2. Отдел I. С. 118–119.
 9. Там же. С. 124
 10. Марков Е.Л. Валы защитной черты на реке Тихой Сосне // ТВУАК. Воронеж, 1904. Вып. 2. Отдел I. С. 122–123.
 11. Там же. С. 140.
 12. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 74/1905; Д. 70/1905; Исследования Н.Е. Макаренко // ОИАК за 1905 год. СПб., 1908. С. 84–86.
 13. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 70/1905. Л. 19, 22 об.
 14. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 166/1895; ОИАК за 1895 год. СПб., 1897. С. 54–55.
 15. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 70/1905. Л. 19, 22 об.–23; Исследования Н. Е. Макаренко // ОИАК за 1905 год. СПб., 1897. С. 85.
 16. Там же. С. 85.
 17. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 70/1905. Л. 16–17; Воронежский телеграф. 1905. № 157.
 18. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 26/1869; ВГВ. 1869. № 73; ВГВ. 1870. № 9; Исследования Н.Е. Макаренко // ОИАК за 1905 год. СПб., 1908. С. 85–86; Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении // Записки ИРАО. СПб., 1896. Новая серия. Т. 7. Вып. 1–2. С. 135–136; Указатель отделения средних веков и эпохи Возрождения (Императорский Эрмитаж) / сост. Н.П. Кондаков. СПб., 1891. С. 272–273.
 19. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 26/1869. Л. 2 об.
 20. Указатель отделения средних веков и эпохи Возрождения (Императорский Эрмитаж) / сост. Н.П. Кондаков. СПб., 1891. С. 273.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа

ВДИ – Вестник древней истории

ДГВЕ – Древнейшие государства Восточной Европы

ИАК – Известия археологической комиссии

КГОМА – Курский государственный областной музей археологии

КОКМ – Курский областной краеведческий музей

КСИА – Краткие сообщения Института археологии

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

МИАДЛ – Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья

РА – Российская археология

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

СМАК – Салтово-маяцкая археологическая культура: проблемы и достижения

ТВУАК – Труды воронежской уездной археологической комиссии

СЕКЦИЯ III. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

О.С. Тринёва

**НИУ «Белгородский государственный университет»,
студент**

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРАВОСОЗНАНИЕ ЖЕНЩИН РАННЕЙ ВИЗАНТИИ

От византийских юристов до нас дошло некоторое количество юридических рукописей со всевозможными нормативными актами, кодексами, судебными решениями, которые все равно не могут дать более или менее целостного представления о правовой действительности Византии. В этом многообразии юридических документов практически отсутствует информация об отношении обычных людей к праву, и еще меньше информации о правосознании женщин.

К исследователям по данной проблематике мы можем отнести следующих ученых: З.В. Удальцову, Е.Э. Липшиц, И.П. Медведева, С.П. Карпова, Л.Ю. Костогрызову, Ж. Бокам. Следовательно, можно утверждать, что проблема правового положения женщины в Византии достаточно подробно изучена, но большая часть работ посвящена более позднему периоду, возможно, как наиболее обеспеченному источниками. Это обуславливает актуальность нашей темы, так как мы будем касаться наиболее раннего периода в рамках IV–VI веков.

Филип Шафф – немецко-американский протестантский историк церкви и богослов – полагает, что наиболее значительную роль женщины в Византии была поднята благодаря христианскому императорскому законодательству. И это подтверждается следующими фактами: Константин Великий в 321 г. даровал женщинам равное право с мужчинами на владение собственностью, за исключением продажи их земельных участков. В то же время, из уважения к их скромности и христианской целомудренности, он запретил вызывать их лично на общественный суд, что, возможно, имело как положительные, так и отрицательные моменты, так как лично женщина не могла высказать своего мнения относительно какого-либо вопроса. Да и касательно имущественных прав, было разрешено владеть землей, но не распоряжаться ею по своему усмотрению. Но несмотря на это мы видим благоприятные сдвиги в законодательстве относительно прав женщин.

Еще одним императором, задавшимся вопросом положения женщин, был Феодосий I. И в 390 г. он первым законодательно уделил матери некоторое право опекуна над детьми, которым ранее пользовались только мужчины. И это также необходимо отнести к положительным моментам относительно правовой культуры и правового положения женщин. Но ужасает тот

факт, что до этого момента женщины не имели права на своих детей и использовали лишь в функциях деторождения. Также хотелось бы отметить политику Феодосия II в отношении женщин. В 439 г. Феодосий запретил, хотя, к сожалению, без особого успеха, скандальную торговлю *lenones*, которые жили за счет женской проституции и выплачивали государству значительный налог¹. Женщин стали различными способами защищать от неконтролируемых страстей мужчин. Со времен Константина изнасилование девушек и вдов, посвятивших себя церкви, каралось смертью. Таким образом, на основании этих данных мы можем сделать вывод, что теперь не только церковь, но и государство обратило свой взор на бесчинства, которые происходили с женщинами в связи с их бесправностью и незащищенностью. Церковь и ранее предоставляла в какой-то степени свою защиту, особенно женщинам, которые намеревались вступить в её лоно. Но теперь на карательные действия относительно своих обидчиков могли рассчитывать и обычные мирянки.

Теперь хотелось бы рассмотреть положение женщины в браке и изменения законодательства императорами относительно данной области. Касаясь законов о браке. Константин установил должную свободу в этом вопросе, упразднив древнеримские меры против безбрачия и бездетности. С другой стороны, теперь свобода брака была ограничена в ветхозаветном порядке под страхом строгих наказаний: запрещались браки между людьми, находящимися в определенной степени родства, а затем эти запреты были произвольно распространены на двоюродных братьев вплоть до третьего колена².

Юстиниан запретил также браки между крестными и крестниками – на основании духовного родства. Но прежде всего достоинство и святость брака теперь защищались сдерживанием неограниченной ранее свободы развода, которой римляне пользовались со времен Августа и которая заметно ускорила упадок общественной морали. Однако строгие требования отцов церкви, которые, памятуя слова Христа, считали прелюбодеяние единственной достаточно веской причиной развода, не могли претвориться в жизнь в данном государстве. В этом вопросе законодательство императоров колебалось между римской распущенностью и учением церкви. Еще в V веке христианский автор жалуется, что мужчины меняют жен, как одежду, а брачное ложе выставляется на продажу, как обувь на рынке! Что, как мы понимаем, никак не возвышает положение женщины и её ощущение себя в браке и семье. Юстиниан попытался согласовать общественные законы с желаниями церкви, но был вынужден сделать некоторое послабление; его преемник допускал развод просто на основании желания обоих супругов³. Это свидетельствует нам о том, что желания женщины учитывалось и являлось необходимой частью для расторжения брака. Что, по нашему мнению, повышает роль женщины касательно юридических согласований.

Еще одной положительной чертой императорских преобразований относительно брака женщин был запрет, со времен Константина, иметь наложниц. Прелюбодеяние наказывалось как одно из наиболее тяжких преступле-

ний. Но и здесь языческие привычки вновь и вновь проявлялись на практике, и даже закон, похоже, в течение долгого времени терпел браки, основанные только на взаимном соглашении, в которые вступали без принятия обета, приданого и согласия церкви. Государство до VIII века не требовало торжественной церковной церемонии освящения брака как обязательного условия его заключения. По-прежнему позволялись повторные браки, а также смешанные браки с еретиками и язычниками, несмотря на неодобрение строгих из учителей церкви; только браки с иудеями были запрещены – по причине фанатичной ненависти иудеев к христианам⁴.

Таким образом, религиозные христианские веяния и воздействия на общество в целом и на институт семьи и брака в частности благотворно сказывались на положении женщины в семье, особенно ярко это будет проследиваться в дальнейшем.

Правовая культура в общем, на наш взгляд, сделала большой шаг вперед, и это мы можем проследить на примере положения детей, в особенности девочек, которых продавали в рабство не только для того, чтобы они занимались черной работой, но и для того, чтобы торговали своим телом. Власть родителей над детьми, которая по древнему римскому закону распространялась даже на свободу и жизнь последних, была ограничена Александром Севером под влиянием монархического духа, который не приветствует наделение подданных правом личного правосудия, и еще больше была ограничена при Константине. Этот император объявил убийство ребенка отцом, оставшееся безнаказанным по закону Помпея⁵, одним из величайших преступлений. Но жестокая и противоестественная практика отказа от детей и продажи их в рабство продолжалась еще долго, особенно среди работников и крестьян. Даже косвенные меры Валентиниана и Феодосия I не искоренили это зло. Феодосий в 391 г. велел освободить детей, проданных родителями в рабство по бедности, не возмещая убытков покупателям; Юстиниан в 529 г. даровал свободу всем без исключения детям, от которых отказались родители⁶.

Но хотелось бы указать и на недостатки в законодательных актах, которые были связаны непосредственно с положением женщин. В первую очередь это было связано с повсеместной христианизацией. И, как мы уже отметили, эти изменения в обществе имели как положительный, так и отрицательный подтекст. К положительным сторонам христианской религии относительно положения женщин мы отнесли изменение в лучшую сторону имущественных прав женщин, улучшение их положения в семье, а также обращение государства к проблеме защиты обычных женщин.

Что же касается отрицательных сторон, то это в первую очередь было связано с развивающимся институтом монашества. Характерной особенностью монашества во всех его проявлениях было нездоровое отвращение к женскому обществу и грубое презрение к супружеской жизни. Подтверждением этому является тот факт, что в Египте и по всему Востоку, на родной территории монашества, женщина и семейная жизнь так и не стали воспри-

ниматься с должным уважением и культура семейной жизни по сей день остается на низком уровне. Правила Василия запрещают разговаривать с женщинами, прикасаться к ним и даже смотреть на них, кроме случаев, когда это неизбежно. Таким образом, мы видим противоречивое и скорее двойное положение женщины в обществе и в отношении к ней.

Нередко уход в монастырь требовал разрыва священных уз между мужем и женой; обычно это происходило с взаимного согласия, как в случаях Антония и Нила, но иногда и без него. Один из законов Юстиниана позволяет любому из супругов покинуть другого без всяких условий, в то время как в Слове Божьем супружеские узы объявлены нерасторжимыми. Собор в Гангре счел необходимым выступить против представления о том, что брак несовместим со спасением, и призвал жен не покидать своих мужей. Подобным образом монашество вступило в конфликт с любовью к родственникам, с отношениями родителей и детей. Это проистекало из неверного понимания заповеди Господа оставить всё ради Него. Нил требовал от монахов полностью подавить в себе родственные чувства. Святой Антоний бросил свою младшую сестру, и только раз виделся с ней после разлуки. Его ученик Приор, став монахом, поклялся никогда больше не видеть своих родственников и даже говорил с сестрой с закрытыми глазами. Что-то подобное рассказывают и о Пахомии. Амвросий и Иероним совершенно искренне призывали дев уходить в монастырь, даже против воли родителей. Говорят, что, когда Иларий из Пуатье услышал, что его дочь хочет выйти замуж, он молился о том, чтобы она умерла и Бог забрал ее к Себе. Некий Муций без какой бы то ни было причины подверг своего сына жестокому насилию и потом, по повелению самого настоятеля, бросил его в воду, откуда его вытащил другой монах того же монастыря⁷. Все это во многом противоречило истинным целям христианской религии. В первую очередь – жизни во любви. И эти аспекты негативно сказывались не только на женщинах, но и на всем обществе в целом.

Хотелось бы сказать еще несколько слов об имущественных правах женщин. В случае расторжения брака, который мы рассматривали выше, муж не имел права посягать на имущество жены, то есть на её приданое. Еще одним случаем защищенности женщин являлась ситуация, когда супруг оставался некредитоспособным, то есть не мог самостоятельно уплатить свои долги. По взыскании долга по средствам изъятия имущества приданое жены изъятию не подлежало.

В заключение хотелось бы сказать, что правовая культура все же имела гендерный уклон. Но правовое сознание женщин претерпевало изменения, как и много другое в Византии в данный период.

1. Диль Ш. История Византийской империи = Histoire de l'empire Byzantin / пер. с франц. А. Рогинской. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1948. 160 с.

2. Каждан А.П. Византийская культура (X–XII вв.). СПб.: Алетейя, 2006. 284 с.

3. Успенский Ф.И. История Византийской империи. М.: АСТ, Астрель, 2002. 120 с.

4. Диль Ш. Основные проблемы византийской истории / пер. с франц. Б.Т. Горянова. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1947. 184 с.

5. Кулаковский Ю.А. История Византии. СПб.: Алетейя, 2003. Т. 1–3.
6. Rosser J. Historical Dictionary of Byzantium. Scarecrow, 2011.
7. Удальцова З.В. Византийская культура. М.: Наука, 1988. 288 с.

Д.Г. Кочеров
Курский государственный университет,
студент

ДАОСЫ ГЛАЗАМИ КОНФУЦИАНЦЕВ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЦЗИ ЮНЯ И ЮАНЬ МЭЯ)

Даосизм как национальная религия Китая прошел ряд этапов, когда само его существование на исторической родине стояло под вопросом. К одним из таких периодов в истории даосизма можно отнести время правления маньчжурской династии Цин (1644–1911 гг.). При Цинах даосы в очередной раз обвинялись ревнителями строгой классики в подрыве традиционных ценностей, а также в завоевании страны «варварами». Но, как и всегда, отношение к даосам было неоднозначным. Даже среди последователей антагонистичной религиозно-философской системы – конфуцианства были люди, проявляющие уважение к даосам.

Формирование отношения к даосам можно проследить в произведениях китайских авторов XVIII в. Цзи Юня и Юань Мэя. Примечательно, что оба автора были конфуцианцами.

Цзи Юнь^{*}.

^{*} Цзи Юнь (Цзи Яо-лань, посмертное имя Цзи Вэнь-да) родился 3 августа 1724 г. в чиновничьей конфуцианской семье. В 30 лет получил первую ученую степень сюая, в 1747 г. – вторую, а в 1754 г. сдал экзамены в столице на степень цзиньши. Вскоре получил должность редактора в академии Ханьлинь, затем был инспектором школ в провинции Фуцзянь, но в 1768 г. был обвинен в разглашении государственной тайны и сослан в Урумчи. В 1771 г. Цзи Юня простили и вернули в Пекин. Также служил в палате обрядов, был главным экзаменатором, начальником цензората, военной палаты и даже наставником наследного принца. Умер Цзи Юнь 14 марта 1804 г. Цзи Юнь был одним из редакторов «Каталога Полного свода четырех сокровищниц» – книг, которые собирались для императорской библиотеки. Работа продолжалась более 10 лет. В 1789 г. Цзи Юнь был направлен в Луаньян наблюдателем над работой переписчиков. Там и был написан первый сборник рассказов – «Записи, сделанные летом Луаньяне». Цзи Юнь прожил долгую и в целом благополучную жизнь. Он быстро продвигался по служебной лестнице, был авторитетным ученым своего времени. Это, а также его конфуцианское образование и жесткие цензурные условия, сформировали его «относительно спокойный тон «этической» критики». Цзи Юнь был крупным ученым с разносторонними интересами, известен своими филологическими исследованиями, изданием ряда поэтических антологий, как автор многих предисловий и поэт. Славу ему принесли «Заметки из хижины. Великое в малом», собранные и опубликованные его учеником Шэн Ши-янем в 1800 г. Они состоят из пяти сборников: «Записи, сделанные летом в Луаньяни» – 1789 г., «Так я слышал» – 1791 г., «Записки о

В книге Цзи Юня «Записки из хижины. Великое в малом» встречаются рассказы с упоминанием даосов. Однако лишь в некоторых записях можно увидеть их описание с положительной стороны, при этом слова даосов очень напоминают конфуцианские изречения.

Так, например, в одном из рассказов даосу мешают вырезать сердце у девушки, которая после обращения в пламя улетает – является оборотнем. Даос говорит: «Отпустив ее на волю, вы стали причиной нескончаемых бед [в грядущем]. Это все равно, что пожалеть хищного тигра, не подумав о тех лосях и оленях, которых он растерзает, о тех жизнях, которые он отнимет»². Что напоминает поговорку: «Пусть уж лучше один плачет, чем многие»³. Слова даоса, как и поговорка, перекликаются с конфуцианской концепцией, именно поэтому в данном рассказе прослеживается некое положительное отношение к даосскому монаху.

Чаще даос предстает как никчемный, бесполезный человек, контактирующий с подобными себе «бесами». Цзи Юнь порицает даосов за фатализм и нежелание участвовать в жизни общества⁴. Также конфуцианский автор убежден, что чудеса даосов по изгнанию и поимке духов – случайность, удачное стечение обстоятельств⁵. Умение творить чудеса Цзи Юнь вообще считает сродни навыкам бесов. Он сомневается, есть ли между «умеющими изгонять горных духов и разгонять лисьи чары» разница?⁶ Неприятны конфуцианскому ученому даосы и за то, что не применяют свои знания на благо общества. По его мнению, если уж искусен в гаданиях, значит должен действовать в предотвращении невзгод⁷.

Однако мнение Цзи Юня было не единственным. Его соперник на поэтическом поприще, тоже конфуцианец, Юань Мэй по-иному относился к даосам.

Юань Мэй*.

В рассказах книги Юань Мэя «Новые записи, или О чем не говорил Конфуций» даосы предстают магами, укрощающими бесов. В рассказе (18)

разном, составленные к западу от софоры» – 1792 г., «Не принимайте всерьез» – 1793 г., «Продолжение луаньянских записей» – 1798 г.¹.

* Юань Мэй – китайский писатель, теоретик литературы. Рано продвинулся по службе, был начальником нескольких уездов. В 1748 г. оставил службу ради литературы. Крупнейший поэт своего времени, Юань Мэй объединял вокруг себя талантливую молодежь. Придерживался либеральных взглядов, выступал за женское образование, критически относился к конфуцианской ортодоксии. Его стихи отличаются глубоким чувством, совершенством формы. Поэт умел найти неожиданный поворот традиционных тем. В стихах к друзьям сквозит юмор, редкий для китайской поэзии. Сборники новелл 1770–1796 гг. «О чем не говорил Конфуций» («Цзы бу юй») и его «Продолжение...» содержат более тысячи коротких рассказов о сверхъестественном. В них заметно влияние фольклора и предшественников. Юань Мэй рассматривал литературу как выражение внутреннего мира чувств, которые диктуют форму произведениям. В жизни был гедонистом. Известен также как автор поваренной книги, переведенной на английский и французский языки⁸.

«Бесовка, надев платье, попадает в сети» даосский маг является последней надеждой на избавление от бесов⁹.

В отличие от Цзи Юнь Юань Мэй убежден, что даосы приносят пользу конкретным людям, обществу, благодаря своим знаниям. В рассказе (193) «Первый министр Гао отращивает бороду» даос, сведущий в гадании, помогает чиновнику при помощи своей магии продвигаться по службе¹⁰. Автор также обращает внимание в одном из рассказов, а именно (422) «У бессмертного на макушке нет волос», на владение способностью даосов покидать свое тело¹¹. К положительной характеристике даосов относится рассказ (309) «Гуйаньская рыба-оборотень», в котором даос, заточая духа в сосуд, представит мудрым и справедливым судьей для него (этого же духа)¹². Помощь людям даосы могут оказывать, подобно войнам ведя борьбу с драконом, мешающим строить плотину, а также применять свои нетрадиционные медицинские знания (рассказ (240) «Даос Люй изгоняет дракона»)¹³.

Все же Юань Мэй, как и подобает конфуцианцу в одном из рассказов, описывает даоса-мошенника и шарлатана (рассказ (83) «Даос отбирает тыкву-горлянку»)¹⁴. Где монах обирает богатую семью, обещая всевозможные блага.

Таким образом, говоря о том, как относились классики конфуцианства к даосам, можно сделать вывод, что в XVIII в. не существовало единого мнения на этот счет даже среди представителей одной конфессии. Однако можно утверждать, что они признавали существование духов и бесов (мира потустороннего), а даосам отводили роль экзорцистов, специалистов по сверхъестественному. Среди конфуцианцев формируется негативное отношение к даосским монахам, так как их методы борьбы со злыми силами попадают под сомнение, но все-таки признается их необходимость и польза для общества (даже Цзи Юнем).

1. Цзи Юнь Записки из хижины. Великое в малом / пер. О. Фишман. СПб., 2003. С. 10–16.

2. Там же. С. 92–93.

3. Там же.

4. Там же. С. 82–84.

5. Там же. С. 94–96.

6. Там же. С. 98–99.

7. Там же. С. 108.

8. Юань Мэй Краткая литературная энциклопедия – 1977 // [Электронный ресурс]: <http://feb-web.ru/> (дата обращения: 01.03.2014 г.).

9. Юань Мэй Новые [записи] Ци Се (Синь Ци Се), или О чем не говорил Конфуций (Цзы бу юй) / пер. с кит. О.Л. Фишман. М., 1977. С.129–130.

10. Там же. С. 207–208.

11. Там же. С. 272.

12. Там же. С. 241–242.

13. Там же. С. 218–221.

14. Там же. С. 164–165.

ОСОБЕННОСТИ ВЫБОРОВ В КОЛОНИАЛЬНОЙ ВИРГИНИИ

В XVIII веке в политической культуре колониальной Америки произошел рост политической активности избирателей, и борьба соискателей должности стала более напряженной. Участие в выборах считалось и почетным правом, и гражданским долгом. Голосование проходило открыто, тайные процедуры были исключением. Открытое выражение политических привязанностей считалось проявлением добродетели. Депутаты могли быть выходцами только из привилегированных слоев общества. Богатство считалось основой независимого беспристрастного взгляда на политическую жизнь. Экономически независимые депутаты не получали никакого материального вознаграждения, даже наоборот, были готовы тратить свои средства на проведение собраний и выборов¹. Особенно престижным было участие в колониальных советах. В Виргинии тип управления имел ярко выраженные черты аристократизма, что отличало эту колонию от северных соседей с их преобладанием среднего класса.

Социальный состав виргинского общества отличался также крайней поляризацией, что было связано с характером европейской иммиграции². Аристократии среди жителей срединных и северных колоний было меньше, чем на Юге, как и черных рабов и белой бедноты. В Виргинию отправлялись аристократы-роялисты, в особенности после английской революции, они гордо именовали себя кавалерами и гордились дворянским происхождением³. Среди иммигрантов значительно число составляли так называемые сервенты (кабальные слуги), представители низов (хотя и не с самого дна), которые не были в состоянии заплатить за путешествие через Атлантику и поэтому проводили несколько лет в кабале, выплачивая его стоимость⁴.

Общеизвестно, что Виргинией правили состоятельные плантаторы. Во всех органах власти доминировали собственники-рабовладельцы⁵. Представители элиты, владея значительной собственностью, обладали также и наиболее полной и достоверной информацией о всех политических и экономических вопросах общества. Верховная власть в колониальной Виргинии принадлежала Генеральной Ассамблее, состоящей из губернатора (или его наместника), Совета (члены которого назначались королем из представителей ведущих землевладельцев), а также Дома бургесов (в котором были представлены два выборных члена от каждого округа). Таким образом, Дом бургесов был органом власти, который представлял интересы местных элит, и собрания джентри были самым авторитетным органом власти в провинции.

Кандидаты на выборные должности должны были соответствовать определенному имущественному цензу. То же касалось и избирателей. В Виргинии и от избирателей и от кандидатов требовалось в середине XVIII века обладание, по меньшей мере, 25 акрами земли с домом или 100 акрами необработанной земли. За уклонение от участия в выборах полагался штраф в размере 200 фунтов табака⁶.

Многие свободные белые мужчины, слуги, рабы, а также все женщины не имели в силу подобных требований избирательных прав. К тому же требования неуклонно становились все более жесткими. В Виргинии на протяжении более чем столетия отнюдь не наблюдалось тенденции к расширению демократии. Выборы в собрание бургесов проходили достаточно редко. Поводом могло послужить произвольное желание губернатора о роспуске Ассамблеи и созыве новой, а также смерть или увольнение кого-либо из членов управления. По приказу губернатора рассылались оповещения шерифам округов, которыми потом и назначался день выборов⁷.

В день выборов специальный стол для голосования вносили в окружное здание суда либо этот стол ставили во дворе перед зданием. Собиралось большое количество народа. Возле здания суда поднимали флаг округа, королевский герб украшал входную дверь. Избиратели подходили к столу, и местный клерк записывал имена каждого, после чего избиратель вслух называл имя кандидата, за которого он голосовал. Сами кандидаты в течение всего процесса выборов сидели за столами напротив и лицезрели тех, кто проявлял благосклонность к их персоне или же предпочитал другого кандидата. Важные джентльмены, делая свой выбор, не только демонстрировали свое уважение и почет к определенному кандидату, но и влияли на мнение менее значительных избирателей, для которых участие в голосовании было не столько проявлением выбора, сколько выражением признательности более влиятельному соседу за покровительство. Когда голосующий называл имя кандидата, его заявление вызывало бурную реакцию собравшихся, где крики одобрения сливались с ропотом недовольной стороны. Положение кандидатов постоянно менялось, а в толпе заключались новые сделки⁸. Сохранилось свидетельство признания кандидата одному из своих избирателей: «Мистер Бьюкенен, я всегда буду помнить об оказанном мне доверии, я буду ценить его, как перо на моей шляпе, вечно»⁹. С течением времени подобные выражения личной признательности стали традицией. Если кандидат не присутствовал на выборах, то один из его доверенных лиц делал это за него. Джордж Вашингтон во время выборной кампании 1758 года, будучи главой милиции округа Фредерик, был по военным делам в Камберленде. Тогда он поручил своему приятелю Джеймсу Вуду, одному из самых значительных представителей местной элиты, присутствовать на избирательном участке и благодарить каждого, кто голосовал за Вашингтона¹⁰. Со стороны кандидатов в бургесы имелись неписанные правила, одним из которых являлось обильное угощение спиртными напитками. Сохранились свидетельства о выборах в округе Аккомак, когда полковник Эдмунд Скарберг «доставил на телеге большое

количество спиртного к дверям здания суда, где многие люди выпивали в то же самое время, когда проходило голосование. Некто из толпы попросил выпивку, уверяя, что будет голосовать за Скарберга. Его просьба была удовлетворена, и тот человек присоединился к группе мужчин, стоявших возле телеги. Однако осталось неизвестным, проголосовал ли он за Скарберга или нет». В итоге Скарберг был избран, и он не сделал ничего необычного¹¹. Многие же кандидаты, покусившиеся на угощении, теряли шансы на успех на выборах. Угощение не являлось просто способом подкупить избирателей и вызвать их симпатии. Для джентри это было возможностью показать свое покровительственное отношение к тем, кто находился ниже на социальной лестнице. Джентри подтверждали свой статус великодушных джентльменов, когда они были готовы угощать всех избирателей, независимо от политических предпочтений последних, кроме того, кандидаты приободряли друг друга и часто руководили распределением выпивки у стола другого кандидата¹². Угощение стоило весьма больших денег. Известно, например, что стоимость избирательных кампаний Джорджа Вашингтона составляла от 25 до 50 фунтов, то были средства в несколько раз превосходящие стоимость земли и дома, которые определяли критерии принадлежности к кругу избирателей¹³. Формально виргинские законы запрещали подарки или угощение с целью оказать влияние на избирательный процесс, даже если означали благодарность за избрание, но этот закон почти не применялся. Атмосфера на выборах была весьма дружелюбной, но за подобными проявлениями щедрости скрывался дух политического соперничества. Так что эта щедрость была вызвана не столько сердечным расположением, сколько взаимными интересами и амбициями. Все были тесно меж собой связаны узами родства, дружбы и практической выгоды, и без поддержки лидеров округа кандидаты имели мало шансов на успех в выборах. Хотя джентри контролировали процесс выборов, главным действующим лицом был шериф. Он решал, соответствует ли избиратель имущественному цензу, определял время голосования, и его решения можно было опротестовать только в Доме бургесов.

Выборы начинались достаточно рано утром, а подсчет голосов – около двух часов дня. Таким образом, выборы занимали всего несколько часов. Но шериф мог и продлить их на один день, если считал, что из-за непогоды или других обстоятельств многие избиратели задерживались в пути, и достаточное количество голосов не было набрано¹⁴.

В аграрных сообществах колониальной Виргинии выборы сопровождались неформальными проявлениями политических пристрастий и служили укреплению позиций наиболее влиятельных джентри в законодательном собрании. Выборы подтверждали их права создавать и пересматривать законы.

Ораторские навыки не имели большого значения, кандидаты были хорошо известны избирателям, поэтому в демонстрации красноречия не было особенного смысла. Политических партий в то время не существовало. Запрещалось голосовать за самого себя, а также оказывать какое-либо давление

на избирателей и заниматься вымогательством голосов. Главная роль и методы агитации сохранялись за обильным угощением¹⁵.

Позднее, в 1760–1770 гг., в Виргинии, как и во всех колониях, произошла некоторая радикализация элиты, которая была вовлечена в демократизационные процессы с участием средних и нижних классов, что приблизило страну к Войне за независимость. Джентри принимали роль лидеров в стремительно меняющемся мире. «Невыносимые акты», меры, принятые правительством в Лондоне по налогообложению жителей колонии, привели к росту недовольства среди американцев. Американский верхний класс переходил на радикальные, а затем и на революционные позиции.

-
1. Согрин В.В. Исторический опыт США. М.: Наука, 2010. С. 62.
 2. Fischer D.H. Albion's Seed. Four British Folkways in America. N.Y.: Oxford University Press, 1989. P. 212–213.
 3. Алентьева Т.В. Феномен американской цивилизации в конце XVIII – первой половине XIX веков // Ученые записки: Электрон. науч. журнал Курского гос. ун-та. 2007. № 2 (4) // [Электронный ресурс]: <http://scientific-notes.ru/index.php?page=6&new=4>. (дата посещения: 20.10.2013 г.).
 4. Слезкин Л.Ю. У истоков американской истории. Виргиния. Новый Плимут. 1606–1642. М.: Наука, 1978. С. 63.
 5. Бурстин Д. Американцы: колониальный опыт. М.: Прогресс, 1993. С. 149.
 6. Dinkin R.J. Voting in Provincial America. A Study of Elections in the Thirteen Colonies. Westport, Conn: Greenwood Press, 1977. P. 51–52.
 7. Fischer D.H. Op. cit. P. 409.
 8. Isaac R. Transformation of Virginia. 1740-1790. Chapel Hill: University of North Carolina, 1982. P. 111.
 9. Ibid. P. 111.
 10. Бурстин Д. Указ. соч. С. 144–145.
 11. Journals of Burgesses, 1727–1734, 1736–1740. Richmond, 1812. P. 370.
 12. Isaac R. Op. cit. P. 113.
 13. Бурстин Д. Указ. соч. С. 144.
 14. Там же. С. 145.
 15. Isaac R. Op. cit. P. 113–114.

А.В. Гофман
Курский государственный университет,
студент

РОЛЬ США НА ВЕРСАЛЬСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

На всём протяжении Первой мировой войны США не принимали активного участия в ней, ограничиваясь лишь материальной помощью странам Антанты и их союзникам. Но события 1917 г. настолько изменили обстановку в Европе, что оставаться в стороне Вашингтон уже больше не мог и 6 апреля 1917 г. американцы вступили в войну на стороне Антанты. Несмотря на значительное сопротивление у себя дома, Вильсон всё-таки решился на прямое вмешательство в европейский конфликт. Наиболее дальновидные по-

литики увидели в этом прекрасный шанс расширить влияние США за пределы Нового Света, и президент их прекрасно понимал. У него в голове созрела мысль о новом мировом порядке, где США будут играть ведущую роль в международных отношениях. Он хотел сделать свою страну верховным арбитром между воюющими сторонами, который предложит им мир.

8 января 1918 г., выступая перед конгрессом Вудро Вильсон сформулировал так называемую «программу мира», снабженную подзаголовком «Цели войны и условия мира» и получившую известность как «Четырнадцать пунктов Вильсона»¹. Стоит отметить, что между планами стран Антанты и «Декретом о мире» большевиков предложения американского президента носят наиболее сбалансированный характер. Но чтобы составить наиболее полную картину происходящего, нужно разобраться, что тогдашнему миру предлагал Вильсон.

Первые четыре пункта, а именно: открытая дипломатия, свобода судоходства, свободная торговля и разоружение – не вызывают каких-либо отторжений. Для простых людей, которые испытывают на себе все тяготы войны, такие пункты несут в себе фантазию счастливой и безбедной жизни, ведь когда корабли плавают в безбарьерной среде, когда торговые кампании и предприниматели продают свой товар безо всяких ограничений, когда политики ведут честную игру, а военные не разрабатывают планы по захвату чужих территорий – разве не это состояние можно назвать идеальным?

Однако у сильных мира сего другая точка зрения. «Честная дипломатия» означает не заключение и денонсирование всех секретных договоров, но, так как большинство этих договоров были хищническими по своему содержанию, то в случае победы просто нечем было бы поживиться.

Открытая торговля означает честное конкурентное, что, в свою очередь, ведёт к доминированию американских товаров на мировом рынке, так как экономика США почти не пострадала в войне, а ближайший возможный конкурент – Германия, ещё долго будет залечивать раны. Другим же странам, чтобы составить американцам конкуренцию, придётся очень серьёзно вложиться в свою экономику, что в условиях послевоенной разрухи очень затруднительно.

Свобода судоходства за пределами территориальных вод серьёзных последствий за собой не несёт. А вот разоружение по потребностям – достаточно спорный пункт. Великим державам, мощь которых исчисляется в количестве и качестве вооружённых сил, совсем не импонирует мысль их сокращать. Такие государства, как, например, Великобритания и Франция просто не смогут сохранить целостность своих заокеанских территорий, ведь их колонии, в большинстве своём, начнут с ними войну за независимость. Они, потеряв контроль над своими колониями, значительно ослабнут, а США как держава, не владеющая колониями, ничего не потеряет. Пятый пункт так же намекает на освобождение колоний от власти метрополий.

В целом, можно констатировать тот факт, что США поставили перед собой цель демонтажа колониальной системы по всему миру. Некоторые американские политики хотели вывести свою страну из изоляции и видели в распаде колониальной системы шанс сделать Соединенные Штаты сверхдержавой. Но на чем базируется это предложение?

Во-первых, само предложение о создании Лиги Наций подразумевало под собой коллегиальное управление миром, то есть все государства – члены Лиги формально могли участвовать в решении тех или иных проблем. А во-вторых, на базе Лиги Наций была создана система мандатов, где так называемые «передовые нации» будут от имени Лиги управлять подмандатными территориями, что уже отличалось от традиционных способов захвата.

В результате мы видим, что Лига Наций помимо основных задач выполняла ещё и роль определённого барьера на пути имперских амбиций великих держав, с одной стороны, и практически не задевая интересов США – с другой. Этот вывод подтверждает и тот факт, что на конференции европейские державы пытались разделить проект мирного договора и проект создания наднационального объединения.

Вашингтон видел в европейских союзниках главных конкурентов, которые могут помешать достижению американской гегемонии в мире, и на первом месте стояла Великобритания. Превосходство английского флота не давало покоя американцам. «Ни одному флоту в мире, – говорил Вильсон 3 февраля 1916 г. в Сен-Луи, – не приходится защищать так далеко растянувшуюся область, как американскому флоту; поэтому он должен, по моему мнению, превосходить все прочие флоты мира своей активностью»². В свою очередь председатель Американского комитета печати на Версальской конференции Стеннарт Беккер в своей книге о Вудро Вильсоне пишет, что «Уничтожение германского флота давало британцам беспримерный в истории перевес над всеми державами... Морское могущество Англии увеличилось ещё в большей степени благодаря союзу между Британией и Японией, третьей великой державой мира»³. Однако считая военный конфликт между США и Великобританией маловероятным, он заключает: «Тем не менее морское превосходство Англии было важным моментом, определившим её поведение на мирной конференции»⁴. Страны Антанты понимали это, и хотя Вильсон не обладал решающим голосом, не считаться с ним было невозможно.

Шестой пункт был посвящён России. Большевистский режим Западу был противен, хотя вплоть до подписания сепаратного мира они не оставляли попыток сохранить каналы связи, пытаясь переубедить большевиков возобновить боевые действия с Германией. Однако ещё 23 декабря 1917 г. было подписано секретное франко-британское соглашение о разделе «зон действия» в России на случай её выхода из войны.

В этой связи интересен официальный комментарий к 14 пунктам, составленный полковником Хаузом, имевшим большое влияние на Вильсона. В нём шестой пункт расшифровывался так: «Основной вопрос заключается в

том, следует ли считать русскую территорию равнозначей территории, принадлежавшей ранее Российской империи. Ясно, что это не так, потому что пункт 13-й предполагает создание независимой Польши, – условие, которое исключает восстановление территории империи. То, что признано правильным для поляков, разумеется, должно быть так же признано и для финнов, литовцев, латышей, а, возможно, также для украинцев»⁵.

Не нужно лишних размышлений, чтобы понять, что у элиты стран-союзников не было планов возрождения России в довоенных границах. Они рассматривали Россию как геополитический центр, как конкурента на мировой арене, который пал под собственной тяжестью, и возрождение этого колосса было бы величайшим промахом, который могли сделать союзники. Даже когда война закончилась, иностранные войска не были выведены, более того в интервенции, совместно с союзниками, стали участвовать немецкие войска. И всё же единой позиции по русскому вопросу на конференции выработано так и не было. Попытка организации встречи на Принцевых островах и последовавшая за этим миссия Булита показывает желание союзников попробовать договориться с большевиками. Остальные пункты носили в себе большей частью чисто территориальный характер и интересы США слабо затрагивали. Вудро Вильсон не был против создания «Санитарного кордона» в Восточной Европе, не был против восстановления территориальной целостности Бельгии и возвращения Франции Эльзас-Лотарингии, бывшие территории Османской империи большей частью попали под мандатную систему, а надгосударственный орган – Лига Наций стала реальностью.

Оценивая 14 пунктов, нельзя не увидеть идеалистического представления о мире их автора. Как уже говорилось выше, Вудро Вильсон хотел создать мир, где не будет войн, где все проблемы будут решаться через Лигу Наций, но не все пункты стали основой нового миропорядка. И в этом вина не столько самого Вильсона, сколько вина той реальности, с которой он столкнулся. По свидетельству участника конференции с английской стороны Гарольда Никольсона, только малая часть идей американского президента вошла в итоговые документы.

И всё же глупо было бы считать Вильсона законченным идеалистом, ведь все его предложения были тщательно согласованны с интересами США, именно эти интересы он защищал на конференции, именно из-за них американский президент впервые в истории покинул территорию США, это была попытка установить новый мировой порядок под верховенством «самой демократичной из всех демократий» страны. Но полного успеха не произошло, его предложения столкнулись с непониманием и сопротивлением как за границей, так и в самих США.

Ратификация договора в Конгрессе тоже провалилась, 19 марта 1920 г. проект был отклонён сенатом. Отказ ратифицировать Версальский договор возвращал США к политике изоляционизма. Это было крупным поражением и для Вудро Вильсона лично, так как его страна оказалась за бортом Лиги Наций – детища, которое он создал. В целом, можно сказать, что та роль ко-

торию исполнили США на Версальской мирной конференции можно охарактеризовать как первую, хотя и неудачную попытку Вашингтона занять достойное место в среде международных отношений. Всё, что делали США во время мировой войны и на мирной конференции и чего добились, можно охарактеризовать как постепенное вступление США в эпоху «активных» действий на международной арене.

-
1. История США в документах // [Электронный ресурс]: <http://www.grinchevskiy.ru/1900-1945/chetirnadcat-punktov.php> (дата обращения: 15.03.2014 г.).
 2. Беккер. Вудро Вильсон. Мировая война. Версальский мир. С. 401.
 3. Там же. С. 396.
 4. Там же. С. 396.
 5. Лактионов А. История дипломатии. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. С. 863.

К.В. Птицына
Курский государственный университет,
аспирант

СОВЕТСКО-ВЬЕТНАМСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ 1955–1975 гг.

Установление связей в области науки, образования и культуры началось с момента заключения двусторонних соглашений в данной области, первым из которых было Соглашение между правительствами обеих стран об обучении граждан ДРВ в высших учебных заведениях СССР, подписанное в августе 1955 г.¹. Именно данный документ заложил основу многолетнего развития советско-вьетнамского сотрудничества в научной сфере.

В отечественной науке существует уже устоявшаяся периодизация советско-вьетнамских отношений в различных сферах². Для более удобного рассмотрения проблемы отечественные исследователи делят период оказания Советским Союзом различного рода помощи на отдельные этапы. Первый традиционно охватывает десятилетие 1955–1965 гг., которое характеризуется становлением активного взаимовыгодного советско-вьетнамского сотрудничества. Его ещё называют межвоенным десятилетием. Второй этап – 1965–1968 гг. ознаменовался послаблением научных связей из-за начала американской агрессии в Юго-Восточной Азии³, так как основные усилия на данном этапе были направлены в военную сферу. С 1969 по 1975 г. научное взаимодействие между СССР и ДРВ было возобновлено с новой силой, а в ряде отраслей даже усилено.

В задачи данного исследования входит специальное изучение состояния научных связей СССР и ДРВ на различных исторических этапах на основе двусторонних соглашений между странами, а также с помощью анализа работ, которые освещают данную проблему. Различные аспекты советско-вьетнамского сотрудничества рассматривались как в трудах советских учё-

ных М.П. Исаева, А.С. Чернышева, М.М. Джагарова, так и в работах современных исследователей – И.А. Коноровой, И.В. Коровяковского, К.В. Птицыной и др.⁴.

С конца 1950-х гг. научно-техническая помощь ДРВ со стороны СССР оказывалась в форме консультаций, различного рода экспертиз, пересылки научной литературы и инструкций, поставки лабораторного оборудования и пр.⁵. За период 1955–1965 гг. на территорию Вьетнама было направлено свыше 2500 советских специалистов, в число которых входили видные учёные и работники высшей школы. Они выступали с лекциями, занимались подготовкой аспирантов, руководили курсами повышения квалификации вьетнамских преподавателей. Так, например, в Политехническом институте г. Ханой за указанный период более 40 советских профессоров, докторов и кандидатов наук провели занятия по теоретической механике, проектированию, строительству и эксплуатации мостов, гидросооружений, по радиотехнике, энергетике, технологии неорганических веществ, начертательной геометрии и многим другим дисциплинам. Кроме того, советские преподаватели читали лекции в Ханойском государственном университете, а также в сельскохозяйственном, экономико-финансовом институтах, в институте энергетики и ирригации, в высшей партийной школе, медико-фармацевтическом, педагогическом и др. вузах ДРВ⁶.

Советское руководство всячески оказывало содействие вьетнамским коллегам в организации и проведении ряда научных исследований. Одним из крупнейших событий в жизни Ханоя данного этапа стала организация в 1959 г. советской промышленной выставки⁷.

В целях дальнейшего укрепления научных взаимоотношений в мае 1961 г. было заключено Соглашение о научном сотрудничестве между Академией наук СССР и Государственным комитетом наук ДРВ⁸. В рамках статей данного Соглашения были определены направления взаимодействия. В частности, в отношении обмена опытом между родственными научными организациями, в координации научных исследований и проведении совместных научных работ, обмена научной литературой и информационно-справочными материалами, урегулировании вопросов о научных командировках и их финансировании. Данное Соглашение было заключено сроком на 5 лет. Сотрудничество советских и вьетнамских учёных охватывало широкий круг вопросов, в которые включалась также подготовка и повышение квалификации молодых вьетнамских научных работников.

В рамках указанного Соглашения в апреле 1962 г. в Москве был подписан план научного сотрудничества между АН СССР и Государственным комитетом науки ДРВ. Советские и вьетнамские учёные совместно работали над исследованием ряда проблем биологии, ботаники, этнографии, философии и др. Необходимо отметить, что делегация ДРВ принимала участие в работе Объединённого института ядерных исследований в Дубне⁹.

За десятилетие мирного существования развитие науки в ДРВ достигло определённых результатов. Была создана база для дальнейшего углубления

исследований в различных областях. На данном этапе значительную поддержку и помощь в становлении и развитии вьетнамского научного потенциала оказал Советский Союз. Так, например, число вьетнамских вузов выросло до 15, а число студентов до 27 тыс. по сравнению с 1940 гг.¹⁰, в то время как с 1954 по 1963 г. свыше 700 вьетнамских специалистов с высшим образованием окончили вузы в СССР¹¹.

Вмешательство США в дела Юго-Восточной Азии и связанные с этим условия военного положения на территории Вьетнама негативно отразились на работе научных учреждений ДРВ, многие из которых были эвакуированы в более безопасные районы. Определённым образом изменилось общее направление научных изысканий, в частности в области технических и естественных наук. Это объясняется необходимостью решать конкретные задачи по укреплению обороны страны. В данной связи необходимо отметить, что советско-вьетнамское сотрудничество в научной сфере ослабло. Несмотря на данный факт, СССР по-прежнему оказывал частичное воздействие на развитие науки Вьетнама. Так, советское руководство направило во Вьетнам медико-фармацевтическое оборудование, с помощью которого в 1965 г. в ДРВ было начато строительство комплексного научно-исследовательского института с тремя отделениями и двумя лабораториями по прикладной физике¹².

Необходимо отметить, что именно на данном этапе укрепляются дружественные связи ДРВ с отдельными республиками СССР, такими как Молдавская ССР и Белорусская ССР. В июле 1968 г. было создано Белорусское отделение Общества советско-вьетнамской дружбы, в рамках которого проводилась научная и просветительская деятельность¹³. В частности, в вузах и других учебных заведениях Минска на тот момент обучалось свыше 800 вьетнамских студентов. В Кишенёве на базе государственного университета на подготовительном факультете обучались вьетнамские студенты, чтобы в перспективе получить образование в других вузах СССР¹⁴.

С началом нового этапа развития советско-вьетнамских отношений особое внимание следует уделить подписанию плана научного сотрудничества между АН СССР и Государственным комитетом по науке и технике ДРВ на 1969-1970 гг., в соответствии с которым были проведены совместные исследования в области естественных и общественных наук. Учитывая растущие потребности ДРВ в научно-технических кадрах, советская сторона согласилась в дополнение к 2100 вьетнамским студентам, обучавшимся с 1967 г. в советских учебных заведениях, принять с 1969 г. ещё 1500 вьетнамских аспирантов, студентов и стажеров¹⁵.

Несмотря на сохранение во Вьетнаме сложной военно-политической обстановки, связи между СССР и ДРВ продолжали углубляться и совершенствоваться, принимая всё более многогранный характер. В феврале 1972 г. в Москве между министерствами просвещения двух стран было заключено соглашение о развитии сотрудничества на 1972–1975 гг., а подписанный в августе этого же года план культурного и научного сотрудничества между ДРВ и СССР предусматривал углубление связей в области образования, здраво-

охранения и пр. В ноябре 1972 г. был подписан план сотрудничества между АН СССР, Государственным комитетом Совета министров СССР по науке и технике и Комитетом общественных наук ДРВ на период 1973–1974 гг.¹⁶. В декабре того же года было заключено Соглашение между правительством СССР и правительством ДРВ об образовании Межправительственной советско-вьетнамской комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству, которое заменило подобное Соглашение 1959 г.¹⁷. В рамках данного договора межправительственная советско-вьетнамская комиссия обеспечивала разработку предложений, направленных на расширение и углубление научно-технического сотрудничества договаривающихся сторон, в том числе предложений по взаимному обмену технической документацией, соответствующей информацией, командированию специалистов для ознакомления с достижениями обеих стран в научно-технической области.

Советский Союз продолжал оказывать помощь в подготовке национальных кадров ДРВ. Так, согласно Соглашению между правительством СССР и правительством ДРВ об оказании помощи ДРВ в подготовке квалифицированных рабочих от 25 июля 1973 г., соответствующие советские организации за период 1973–1976 гг. приняли для обучения в профессионально-технических училищах и техникумах 8 000 вьетнамцев. Советская сторона также брала на свой счёт все расходы по обучению, обеспечению необходимыми учебными материалами, а также по содержанию и проезду по территории СССР вьетнамских граждан. В Соглашении оговаривалась общая сумма до 35 млн руб. Кроме того, необходимо отметить, что советская сторона организовывала начальное обучение вьетнамских граждан, направляемых в СССР, русскому языку, а также обеспечивала группы вьетнамских учащихся переводчиками, из расчёта один на группу одноименной специальности¹⁸.

На данном этапе установились тесные контакты между отдельными учебными заведениями двух стран. Опираясь на положительный опыт работы по выполнению Соглашения о культурном сотрудничестве 1957 г., в ноябре 1974 г. было заключено Соглашение между правительством СССР и правительством ДРВ о культурном и научном сотрудничестве¹⁹. В соответствии со статьями данного документа, происходил взаимный обмен научным опытом, а также опытом в области просвещения. Особое внимание уделялось развитию сотрудничества в области здравоохранения и медицинской науки. Таким образом, укрепились связи между соответствующими лечебными и научно-исследовательскими учреждениями обеих стран, увеличился обмен специалистами, а также продолжилось оказание помощи больным, временно или постоянно находящимся на территории другой страны. Данное Соглашение было заключено сроком на 10 лет.

В октябре 1975 г. была подписана Советско-вьетнамской декларация²⁰. В данном документе указывалось, что СССР и ДРВ в перспективе будут действовать дальнейшему развитию и совершенствованию научно-технического сотрудничества как на двусторонней основе, так и в рамках многостороннего сотрудничества социалистических стран. Таковыми явля-

лись планы на 1976–1980 гг., и, как покажет в дальнейшем история, отношения между Вьетнамом и Советским Союзом продолжились.

Идеологическое противостояние СССР и США определило векторы развития сотрудничества между Советским Союзом и Вьетнамом²¹. По завершении военного конфликта и при наступлении разрядки международной обстановки, как отмечалось ранее, экономическая и техническая помощь ДРВ со стороны СССР сменилась взаимовыгодным сотрудничеством в научной сфере и в просветительской деятельности.

Таким образом, рассмотрев взаимоотношения двух стран на отдельных этапах, можно прийти к выводу о том, что в первый рассматриваемый период (1955–1965 гг.) советская сторона оказывала поддержку в осуществлении преобразований в сфере науки и просвещения, которые заложили фундамент для превращения ДРВ страну, отвечающую потребностям современного мира. С началом вмешательства США в дела Юго-Восточной Азии отношения между Вьетнамом и Советским Союзом вступили в новый этап. Специфика советско–вьетнамских отношений в сфере науки в 1965–1968 гг. определялась условиями военного времени. Руководство ДРВ, находясь в состоянии эскалации войны с США, старалось развивать связи с СССР для получения, в первую очередь военной помощи²², в то время как взаимоотношения в научной области временно отошли на второй план.

На заключительном этапе (1969–1975 гг.) значительное внимание советской стороной продолжало уделяться подготовке квалифицированных специалистов для ДРВ. Научное сотрудничество осуществлялось по линии специальной советско–вьетнамской комиссии, продолжался обмен научными делегациями, осуществлялись активные связи между Академией наук СССР и Государственным комитетом науки и техники ДРВ.

Таким образом, анализ отношений ДРВ и СССР в период 1955–1975 гг. позволяет сделать вывод, что сотрудничество в научной и просветительской сферах, пройдя в своем развитии несколько этапов, позволило вывести ДРВ из состояния застоя.

-
1. Советский Союз – Вьетнам: 30 лет отношений, 1950–1980. Документы и материалы. М., 1982. С. 19–21.
 2. Конорева И.А. Советский Союз и Индокитай: 1943–1976. Курск: Изд-во КГУ, 2011. С. 5.
 3. Советский Союз – Вьетнам: 30 лет отношений, 1950–1980. Документы и материалы. М., 1982. С. 118.
 4. Исаев М.П., Чернышев А.С. История советско-вьетнамских отношений. 1917–1985. М.: Международные отношения, 1986; Джагаров М.М. На земле Вьетнама: Путевые заметки. Минск: Беларусь, 1972; Конорева И.А. Советский Союз и Индокитай 1943–1976. Курск: Изд-во КГУ, 2011; Коровяковский И.В. Советский фактор в развитии экономики Демократической Республики Вьетнам (середина 1950-х – середина 1970-х): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск: Изд-во КГУ, 2012; Птицына К.В. Советско-вьетнамское сотрудничество в области образования в 1950 – 1970-е гг. // Человек, общество, государство: история и современность: материалы молодёжного науч. форума с междунар. участием. Курск: Изд-во КГУ, 2013.
 5. Просвещение и подготовка национальных кадров в странах Востока. М.: Наука, 1971. С. 240.

6. Там же. С. 241.
7. Исаев М.П., Чернышев А.С. История советско-вьетнамских отношений. 1917–1985. М.: Международные отношения, 1986. С. 86.
8. Советский Союз–Вьетнам: 30 лет отношений, 1950–1980. Документы и материалы. М., 1982. С. 54–61.
9. Исаев М.П., Чернышев А.С. История советско-вьетнамских отношений. 1917–1985. М.: Международные отношения, 1986. С. 96.
10. Просвещение и подготовка национальных кадров в странах Востока. М.: Наука, 1971. С. 239.
11. Птицына К.В. Советско-вьетнамское сотрудничество в области образования в 1950 – 1970-е гг. // Человек, общество, государство: история и современность: материалы молодёжного науч. форума с междунар. участием. Курск: Изд-во КГУ, 2013. С. 114.
12. Просвещение и подготовка национальных кадров в странах Востока. М.: Наука, 1971. С. 241.
13. Джагаров М.М. На земле Вьетнама. Путевые заметки. Минск: Беларусь, 1972. С. 67.
14. Птицына К.В. Советско-вьетнамское сотрудничество в области образования в 1950–1970-е гг. // Человек, общество, государство: история и современность: материалы молодёжного науч. форума с междунар. участием. Курск: Изд-во КГУ, 2013. С. 116.
15. Исаев М.П., Чернышев А.С. История советско-вьетнамских отношений. 1917–1985. М.: Международные отношения, 1986. С. 127.
16. Там же. С. 132.
17. Советский Союз–Вьетнам: 30 лет отношений, 1950–1980. Документы и материалы. М., 1982. С. 262–266.
17. Там же. С. 325–327.
18. Там же. С. 343–349.
19. Там же. С. 390.
20. Конорева И.А. Из истории «холодной войны»: идеологическое противостояние США и СССР по проблемам Индокитая в 1945–1975 гг. Курск: Изд-во КГУ, 2004. С. 9.
21. Коровяковский И.В. Советский фактор в развитии экономики Демократической Республики Вьетнам (середина 1950-х – середина 1970-х): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск: Изд-во КГУ, 2012 С. 21.

А.В. Рязанцев
Курский государственный университет,
аспирант

ПАТРУЛИ DESOTO И СОБЫТИЯ АВГУСТА 1964 ГОДА В ТОНКИНСКОМ ЗАЛИВЕ

Вьетнамская война 1965–1973 гг. стала одним из самых крупных локальных конфликтов второй половины XX века. Период, когда основные боевые действия велись между США и партизанами Южного Вьетнама, а также отдельными подразделениями народной вьетнамской армии (далее НВА), носят в историографии название Второй Индокитайской войны. Многие аспекты американского участия в этой войне хорошо известны, однако по-прежнему вызывает много споров событие, которое послужило поводом к вступлению Соединённых Штатов в эту войну – столкновение американских и вьетнамских военных кораблей в Тонкинском заливе. В данной статье мы

попытаемся уточнить отдельные эпизоды так называемого Тонкинского инцидента на основе документов, которые находятся в архиве Агентства национальной безопасности США (далее АНБ) и с 2005 г. ставшие доступными исследователям.

Общее название «инцидент в Тонкинском заливе» носят, по сути, два события, которые произошли в августе 1964 года в Тонкинском заливе. В отечественной и зарубежной историографии дискуссии вокруг Тонкинского инцидента продолжаются уже более 50 лет как в американской историографии, так и в историографии других стран, в особенности – в российской. Мнения историков и публицистов США и России кардинально отличаются. В американской историографии пытаются реабилитировать войну во Вьетнаме, и не только для того, чтобы оправдать ее, но и для того, чтобы преодолеть возникшие после поражения в войне чувства уязвленной национальной гордости и унижения. Одной из наиболее фундаментальных работ по указанной проблеме является книга генерал-лейтенанта Филиппа Дэвидсона «Война во Вьетнаме» (1946–1975 гг.), который сам участвовал в боевых действиях во Вьетнаме. Заслуживает внимание и автобиографическая работа Роберта Макнамары «Вглядываясь в прошлое: трагедия и уроки Вьетнама», бывшего министра обороны США. Авторы в своих работах пытаются обелить войну США во Вьетнаме, называя ее «благородным делом» и «героической страницей в борьбе США с коммунистической угрозой»¹. По утверждению американской стороны, все происходило в международных водах. Исходя из анализа документов, мы можем предположить, что данное утверждение не соответствует действительности и на самом деле американские корабли всё-таки находились в территориальных водах Демократической Республики Вьетнам. 2 и 4 августа американские эсминцы, находящиеся вероятно, как мы отметили, в водах ДРВ, подверглись нападению со стороны боевых катеров Северного Вьетнама. В результате, 7 августа 1964 г. Конгрессом США была принята так называемая «Тонкинская резолюция», которая позволила Л. Джонсону применять военные меры против Северного Вьетнама². Данная резолюция была принята единогласно в Палате представителей (416 голосов «за») и практически единогласно в Сенате. Из 90 сенаторов «за» проголосовали 88, только Уэйн Морс и Эрнест Грунинг голосовали против. Резолюция вступила в силу после подписания её Джонсоном 10 августа. В ней указано, что в целях поддержания мира и безопасности в Юго-Восточной Азии США по решению президента США могут применить вооруженные силы против тех, кто, по мнению США или ООН, являются агрессорами. С точки зрения США, агрессором являлся Северный Вьетнам.

Для того чтобы более чётко представить всю цепочку событий, которые привели к Тонкинскому инциденту, следует рассмотреть операцию DESOTO, в которой происшествие с эсминцем «Maddox» стало самым знаменитым эпизодом.

В российской историографии события 2 и 4 августа 1964 года описываются несколько иначе. Американский флот проводил операцию по элек-

тронной разведке «De Soto» вдоль побережья Северного Вьетнама, в которой был задействован и эсминец «Мэддокс». 2 августа 1964 года эсминец «Maddox» вторгся в территориальные воды ДРВ. Северовьетнамские катера подплыли к эминцу, пытаясь оттеснить его в международные воды, однако в ответ на это «Maddox» открыл огонь из 127-мм орудий. Таким образом, по версии российской историографии, событий же ночи 4 августа не было вообще. Руководство США предприняло все возможное, чтобы сфабриковать инцидент, давший возможность США напасть на ДРВ, чтобы сохранить сайгонский режим и укрепить свои позиции в Юго-Восточной Азии³.

Кажется весьма обоснованной позиция тех историков, которые утверждают, что никаких столкновений 4 августа не было вовсе. Данную точку зрения поддерживают и некоторые американские историки, например, Хениок в своей нашумевшей статье⁴.

После поражения при Дьенбьенфу война за удержание колоний в Индокитае оказалась проиграна для Франции. По результатам Женевской конференции 1954 г. французские войска покинули Индокитай⁵. Женевские соглашения предусматривали временное разделение Вьетнама по 17-й параллели, на которой была установлена демилитаризованная зона между двумя образовавшимися республиками: Демократической Республикой Вьетнам под управлением Вьетминя и Южным Вьетнамом, который находился под властью профранцузской администрации. После ухода французов из Индокитае США, в которых набирал популярность маккартизм, стали активно сотрудничать с правительством Южного Вьетнама. Американская администрация рассматривала это сотрудничество как способ борьбы с коммунизмом во всём мире. Одним из пунктов Женевских соглашений 1954 г. была договорённость о проведении в июле 1956 г. выборов в обеих республиках с целью определения дальнейшего будущего Вьетнама. Однако премьер-министр государства Вьетнам Нго Динь Зьем, которого поддерживали США, отказался от проведения подобных выборов, в нарушение Женевских соглашений. Зьем постановил, что Южный Вьетнам должен оставаться демократическим государством, противостоящим коммунистической экспансии⁶.

В ответ на образование Национального фронта освобождения Южного Вьетнама и постоянно усиливавшуюся его активность, начиная с 1959 г. контингент американских военных советников, а впоследствии и военнослужащих в Южном Вьетнаме постоянно увеличивался. Но для массированного вторжения во Вьетнам Соединённым Штатам требовался повод, который можно было бы преподнести как оправдание агрессии против ДРВ и НФО-ЮВ.

В начале 1960-х г. КНР начал пересмотр своих территориальных вод в Желтом море с намерением их расширить. В ответ на это было предложено проведение серии американских военно-морских патрулей в непосредственной близости от восточного побережья коммунистического Китая. Необходимо отметить, что патрули DESOTO были частью плана, известного под названием Операция 34А – плана особо секретных операции против Северного

Вьетнама. Этот план заключался в заброске агентов на территорию ДРВ, воздушных и морских разведывательных миссий⁷. Стоит также отметить, что аналогичные патрули американские ВМС проводили у побережья СССР и Северной Кореи, но самую широкую известность получили патрули у берегов Северного Вьетнама. Целью этих патрулей, которые получили название «патрули DESOTO», было установление и поддержание присутствия американского Седьмого флота ВМС США в международных водах рядом с Китаем, выявление северовьетнамских судов, оказывавших помощь повстанцам Южного Вьетнама⁸, а также по возможности сбор всей возможной разведывательной информации⁹. Первое патрулирование в рамках операции DESOTO было проведено эсминцем ВМС США «De Haven», который вышел из порта Йокосуки 10 апреля 1962 г. Патрулирование он проводил с полуночи 14 апреля по 20 апреля 1962 г.¹⁰. Однако все патрулирование у берегов Китая не принесло сколь либо ценной разведывательной информации¹¹. Первый же патруль, целью которого была разведка у границы территориальных вод Северного Вьетнама в Тонкинском заливе, был осуществлён в декабре 1962 г. эсминцем «Algerholm» вокруг острова Хайнань. Этот патруль значился под номером 9. В апреле 1963 года эсминец «Edwards» проводил патрулирование практически по тому же самому маршруту вокруг Хайнаня, постепенно увеличивая радиус зоны патрулирования. Первоначально Северный Вьетнам ограничивался только предупреждением в адрес кораблей, выполнявших патрулирование. Впервые ответные действия ДРВ провёл в конце февраля – начале марта 1964 года против эсминца «Craig», который выполнял третье патрулирование в Тонкинском заливе. Они заключались в отслеживании маршрута эсминца на всем протяжении патрулирования. В свою очередь эсминец «Craig» получил некоторые сведения о станциях слежения Северного Вьетнама.

Четвёртый патруль в международные воды Тонкинского залива был запланирован на июль 1964 г. Это был патруль номер 18, который стал известен на весь мир благодаря Тонкинскому инциденту. Его задачей был сбор информации о судах, снабжающих партизан Юга Вьетнама. Кроме того, в его задачу входил сбор навигационной и гидрографической информации, а также любых данных о флоте ДРВ. Женевские соглашения 1954 г. не давали возможность Северному Вьетнаму создавать военный флот, так как по результатам конференции был наложен запрет на поставки вооружения во Вьетнам. Однако это не мешало ДРВ тайно вести работы по созданию своих ВМС. В конце 1957 г. этот флот ограничивался 30 судами, и с 1959 г. он постоянно увеличивался. К 1964 г. флот ДРВ состоял уже почти из 100 судов¹².

Обладая этими данными и ясно поставленной целью миссии, эсминец «Maddox» достиг точки на 17-й параллели, приблизительно в 12 милях от побережья Северного Вьетнама 31 июля 1964 г. в 13:00 по местному времени. Очевидно, «Maddox» был не единственным судном, действовавшим ночью 31 июля у побережья Северного Вьетнама. Военно-морские силы ДРВ зафиксировали неизвестный корабль, который обстрелял остров Хон Ми, пресле-

довался военными судами Северного Вьетнама, но безрезультатно¹³. «Maddox» рапортовал о судах преследования, но не предпринимал попытки выяснить происходящее.

Не представляется возможным сказать, есть ли связь между вышеупомянутым нападением и «Maddox». Эсминец продолжил патрулирование по своему маршруту 1 августа 1964 г.

Вскоре после того как «Maddox» занял позицию около острова Хан Ми, по каналам связи ДРВ прошло сообщение о намерении властей «бороться с врагом сегодня вечером»¹⁴. Эти сообщения предшествовали нападению более чем на 12 часов. С этого времени станции слежения ДРВ вели непрерывные наблюдения. Кроме того было перехвачено несколько сообщений, из которых становилось ясно, что Северный Вьетнам проводит перегруппировку своих кораблей, явно готовясь к нападению. Между 11:30 и 12:15 по местному (Сайгонскому) времени 2 августа «Maddox» сообщил о наблюдении нескольких небольших судов Северного Вьетнама в 10 милях к северу от острова Хан ми. В это время «Maddox» достиг самой северной точки патрулирования.

Невозможно точно установить, что вызвало нападение, но вскоре после того, как «Maddox» достиг крайней точки своего патрулирования, по каналам связи ДРВ прошло сообщение, что пора разобраться с врагом и использовать торпеды. «Maddox» получил это сообщение за несколько минут до того, как атака началась.

В 15:30 приблизительно в 30 милях от берега «Maddox» изменил курс на юго-восток, направляясь к входу в Тонкинский залив, увеличил свою скорость до 25 узлов, чтобы избежать столкновения с тремя торпедными катерами ДРВ, находящимися приблизительно в 20 милях от эсминца. «Maddox» запросил поддержку с воздуха, и экипаж занял свои боевые позиции. К 16:00 торпедные катера ДРВ были уже в пределах 5 миль от «Maddox», всё ещё двигавшегося своим прежним курсом, и начали формировать построение, характерное для торпедной атаки. «Maddox» произвёл предупредительные выстрелы по ведущему катеру, в ответ торпедные катера произвели выстрелы из крупнокалиберных пулемётов. Катера начали заходить на эсминец с двух сторон, два справа и один слева. С расстояния 2952 м два катера справа выпустили по одной торпедой. «Maddox» совершил манёвр уклонения влево, огнём своих орудий произведя прямое попадание в катер, который шел слева. Выпущенные с катеров торпеды не попали в цель. Подоспевшая воздушная поддержка с авианосца «Ticonderoga» ввязалась в бой с торпедными катерами. Итогом сражения по официальной версии стал один потопленный торпедный катер ДРВ, два других были повреждены, сам «Maddox» получил повреждения одного орудия¹⁵.

Чтобы отстоять право США на свободу действий в Мировом океане, было принято решение о продолжении патрулей DESOTO. Для продолжения патруля номер 18 к «Maddox» присоединился эсминец «Turner joy». Правительству Северного Вьетнама было направлено формальное предупреждение,

что в дальнейшем такие неспровоцированные действия приведут к возмездию. 3 августа 1964 года в 09:00 операция DESOTO была возобновлена. В этой фазе операции эсминцам, ведущим патрулирование, оказывалась воздушная поддержка с авианосцев.

В течение третьего дня «Maddox» сообщил, что он и «Turner joy» зафиксировали отметки на радаре, и предположил, что их преследуют. Подобные отметки на радаре появлялись весь световой день 4 августа, но никаких провокаций не последовало. Вечером 4 августа «Maddox» снова сообщил о наблюдении, очевидно, враждебных судов. Некоторые из них позже удалились, но другие продолжали наблюдаться. Приблизительно в 22:00 «Maddox» передал сообщение о нападении торпедных катеров, один из которых, по видимому, выпустил торпеду. Сообщения о торпедной атаке продолжали поступать до 00:35 по местному времени 5 августа. В это время помимо двух судов патруля DESOTO наблюдались посторонние отметки на радаре. С эсминца «Turner joy» сообщили о том, что, вероятно, один из нападавших судов был потоплен. Также сообщалось, что нападавшие торпедные катера случайно потопили один из своих катеров. Следует отметить, что в это время в Тонкинском заливе бушевал тропический шторм, который не давал возможности самолётам прикрытия обнаружить противника.

Факт морского сражения 2 августа 1964 подтверждается бывшим министром обороны Северного Вьетнама Во Нгуен Зиапом¹⁶. При этом он однозначно опровергает нападение на американские эсминцы 4 августа. Первым же, кто поставил под сомнение возможность нападения торпедных катеров ДРВ на патруль номер 18, был капитан Джон Геррик, командир тактических сил. Именно под его командованием находились оба эсминца патруля номер 18. Спустя несколько часов после второй атаки он сообщил начальству: «Вся акция весьма сомнительна, кроме явного намерения противника вначале устроить засаду»¹⁷.

В 2005 г. была рассекречена статья Роберта Хениока «Скунсы, тележки, тихие собаки и летающая рыба: Тайна Тонкинского залива, 2–4 августа 1964». (ROBERT J. HANYOK. *Skunks, Bogies, Silent Hounds, and the Flying Fish: The Gulf of Tonkin Mystery, 2–4 August 1964*). Роберт Хениок является старшим историком Центра истории криптологии. В своей статье Хениок делает вывод о том, что информация о атаке 4 августа 1964 года была намеренно сфальсифицирована, что была только одна атака, 2 августа¹⁸. Таким образом конгресс США принял Тонкинскую резолюцию и Линдон Джонсон отдал приказ о проведении операции «Пронзающая стрела» на основе сведений, которые не были правдивыми, но позволяли США применять силу против неуступчивого Северного Вьетнама.

После Тонкинского инцидента патрули DESOTO продолжились до 1965 г. Последним был патруль с номером 26, проводившимся эсминцем «Buchanan» с 19 марта по 21 апреля 1965 г. 1 апреля 1965 г. администрация Белого дома приняла решение о начале участия американских сухопутных войск в боевых действиях на территории Южного Вьетнама и увеличении их

численности до 200 тыс. человек¹⁹. Это можно считать вехой в начале Второй Индокитайской войны.

В результате проведенных нами исследований можно с определённой долей уверенности говорить о том, что официальная версия событий 2 и 4 августа 1964 г. в Тонкинском заливе, выдвинутая американской стороной, не отражает всей действительности. Как и многие подобные события, которые имели историческое и, без преувеличения, судьбоносное значение, инцидент в Тонкинском заливе с самого начала оброс большим количеством слухов и предположений, которые не всегда основывались на достоверных сведениях, а не редко и на явных домыслах, которые выдавались за истину. Остаётся лишь надеяться на то, что по прошествии определённого времени будут рассекречены документы, раскрывающие всю суть событий, описанных в данном исследовании.

-
1. Карпенко Н.Н. Инцидент в Тонкинском заливе в августе 1964 года: историография проблемы // [Электронный ресурс]: http://www.rusnauka.com/35_OINBG_2012/Istoria/2_122521.doc.htm (дата обращения: 20.12.2013 г.).
 2. Tonkin Gulf Resolution (1964) // [Электронный ресурс]: <http://www.ourdocuments.gov/doc.php?flash=true&doc=98> (дата обращения: 13.02.2014 г.).
 3. Карпенко Н.Н. Инцидент в Тонкинском заливе в августе 1964 года: историография проблемы.
 4. ROBERT J. HANYOK. Skunks, Bogies, Silent Hounds, and the Flying Fish: The Gulf of Tonkin Mystery, 2–4 August 1964 // [Электронный ресурс]: http://www.nsa.gov/public_info/_files/cryptologic_quarterly/Skunks.pdf (дата обращения: 16.11.2013 г.).
 5. Женевские соглашения // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами. Вып. 16. М., 1957.
 6. Jessica M. Chapman. Staging Democracy: South Vietnam's 1955 Referendum to Depose Bao Dai* // [Электронный ресурс]: <http://dh.oxfordjournals.org/content/30/4/671.full> (дата обращения: 23.12.2013 г.).
 7. Sedgwick D. Tourison Jr., Sedgwick Tourison. Project Alpha: Washington's Secret Military Operations in North Vietnam (Project Alpha)
 8. Дэвидсон Ф. Война во Вьетнаме (1946–1975). М.: Изографус, Эксмо, 2002. С. 324.
 9. The Gulf of Tonkin Incident. Feb. 1975. Retrieved 06 Jul. 2013 // [Электронный ресурс]: http://www.nsa.gov/public_info/_files/gulf_of_tonkin/articles/rel1_gulf_tonkin_incident.pdf (дата обращения: 15.11.2013 г.).
 10. James W. Montgomery. The First DESOTO Patrol // [Электронный ресурс]: http://ussdehaven.org/first_desoto_patrol.htm (дата обращения: 10.11.2013 г.).
 11. The Gulf of Tonkin Incident. Feb. 1975. Retrieved 06 Jul. 2013.
 12. Женевские соглашения // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами. Вып. 26. М., 1957.
 13. The Gulf of Tonkin Incident. Feb. 1975. Retrieved 06 Jul. 2013.
 14. Ibid.
 15. Ibid.
 16. McNamara asks Giap: What happened in Tonkin Gulf? // [Электронный ресурс]: http://vi.uh.edu/pages/buzzmat/world198_4.html (дата обращения: 20.12.2013 г.).
 17. Дэвидсон Ф. Война во Вьетнаме (1946–1975). С. 324.
 18. ROBERT J. HANYOK. Skunks, Bogies, Silent Hounds, and the Flying Fish: The Gulf of Tonkin Mystery, 2–4 August 1964.

М.В. Андреев
Курский государственный университет,
студент

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ АДМИНИСТРАЦИИ Б. КЛИНТОНА В ОТНОШЕНИИ РОССИИ

Актуальность темы обусловлена новой ситуацией в международных отношениях, когда в условиях распада единого советского государства возникли новые формы межгосударственных отношений и международных экономических связей. В регионе стран бывшего СССР возникла кризисная ситуация, прежде всего в экономике. США стремились реализовать свои национальные интересы в России как стране, которая являлась значительным силовым центром в регионе. Для национальных интересов США, согласно стратегии администрации Б. Клинтона, было «благодарно то, если Россия продолжит уверенно двигаться по пути рыночной демократии»¹.

Внешняя экономическая политика США при администрации Б. Клинтона в отношении России была направлена на реализацию собственного национального интереса в рамках расширения рыночной экономики. США рассматривали Россию как крупный рынок сбыта. Россия была заинтересована в американской экономической помощи, так как российская экономика была в кризисном состоянии и нуждалась в реформировании.

Политика двусторонних связей заключалась в том, что приоритетное внимание уделялось исключительно аспектам безопасности. «Подход США к отношениям с Россией состоял в том, что наиболее разумная и продуктивная политическая линия для США заключалась в отказе от чрезмерного упора на вопросы безопасности в ущерб экономическим и торговым связям»², – подчеркивал Б. Клинтон в своих мемуарах «Моя жизнь». Иными словами, торговые отношения следовало рассматривать как связь, которая объединяет две страны в долгосрочной перспективе и обеспечивает стабильность во взаимоотношениях по мере решения противоречий во внешнеполитической сфере.

Экономические и торговые вопросы были интегрированы в общую стратегию США в отношении России – «Правительственная поддержка и организация сотрудничества с Евразией. Россия»³. Данная стратегия администрации Б. Клинтона в отношении России была окончательно утверждена в августе 1993 года. Ключевыми элементами данной стратегии стали:

- взаимодействие с бизнес-сообществом;
- торговые и инвестиционные программы;
- энергетические программы;
- программы стабилизации региональных рынков.

Главная цель стратегии, принятой в августе 1993 года заключалась в формировании стабильного рынка в России. Стратегия провозглашала курс

на «развитие рыночной экономики в странах Евразии»⁴. Кроме того, упоминалось, что «Россия является одним из ключевых направлений в рамках программ по стабилизации регионального рынка Евразии»⁵. Однако в 1999 году стратегия была пересмотрена в сторону расширения сотрудничества и был добавлен раздел по экономической безопасности. Это свидетельствовало о необходимости гарантий в области экономической стабильности. Причиной принятия такого раздела послужил экономический кризис в России в 1998 году. Кроме того, новая стратегия 1999 года уже не содержала такого инструмента воздействия, как экономические санкции.

Эффект, преследуемый введением санкций, почти никогда не соответствовал цене, которую приходилось за них платить, особенно, как утверждала госсекретарь М. Олбрайт, «когда дело касается санкций, вводимых в одностороннем порядке»⁶. Цена была огромной в плане утраты позиций на рынке из-за того негативного эффекта, который определял состояние американских компаний на российском рынке. Иными словами, достичь расширения рынка сбыта и эффективного взаимодействия с российскими партнерами в условиях санкций было невозможно.

Б. Клинтон понимал важность российско-американских отношений и стремился активно взаимодействовать с Россией. Причина тому кроется в самой обстановке в России. В одном из интервью в газете «The New York Times» Б. Клинтон на вопрос «Почему вы уделяете столь широкое внимание России?» ответил: «Я не хочу, чтобы этот гигантский экономический пузырь в России лопнул и затронул весь мир, включая США. Для сохранения стабильности мы должны предпринять шаги, чтобы остановить кризис в России, но до тех пор, пока Россия не добьется самостоятельности в своих действиях. США, как заботливый отец, должен наставлять такие страны, как Россия на правильный путь»⁷.

Иными словами, администрация Б. Клинтона действовала в национальных интересах, для защиты американской экономики. Оказываемая помощь была направлена на укрепление российской экономики, но лишь для того, чтобы кризис не затронул другие страны, прежде всего США.

Российский рынок для США был важен как рынок сбыта. Расширение правительственных программ США в отношении экономических преобразований в России позволяли создать необходимые условия для эффективного расширения и развития американского бизнеса. Для США российский рынок – это прекрасная возможность для собственного экономического развития, развития американских компаний, которые смогут выйти на рынок России.

Но реализация правительственных программ США в рамках стратегии администрации Б. Клинтона в отношении экономических преобразований в России была связана с определенными трудностями: позиция Конгресса США, который опасался рисков; негативное отношение части российской политической элиты к вмешательству США во внутренние дела России и т.д. Ситуация усугублялась еще «весьма прохладным отношением со стороны определенных влиятельных кругов в российском частном секторе»⁸, то есть

российского бизнеса. Для российского бизнеса американские компании были, с одной стороны, спасением российской экономики, они позволили внедрить новые технологии, в частности широкую компьютеризацию, новые способы управления и так далее. С другой стороны, это было серьезное воздействие на российский бизнес, который не мог выдержать серьезной конкуренции с американскими компаниями. В итоге большинство российских предприятий вытеснялось фирмами из США.

Стратегия администрации Б. Клинтона заключалась в обеспечении стабильности на российском рынке. Стабильность понималась американской политической элитой как утверждение западной американской системы бизнеса, что давало гарантии присутствия и влияния США на российском рынке. С точки зрения плацдарма для распространения западной системы бизнеса в Евразии для США было важным не только обеспечить выход американских компаний на российский рынок, но также и создать соответствующие условия для его развития путем «укрепления рыночной конъюнктуры в Евразии»⁹.

Экономическая стратегия соответствовала общей внешнеполитической линии США в отношении России. Для развития торгово-экономических отношений было принято несколько законодательных документов, которые были призваны обеспечить экономическое взаимодействие между США и Россией. Некоторые из соглашений были подписаны еще в годы президентства Дж. Буша старшего.

В частности, «Акт в поддержку открытых рынков и развивающихся евразийских демократий»¹⁰, подписанный между Россией и США 7 апреля 1992 года, расширял возможности финансовой поддержки культурной и образовательной среды.

«Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки о научно-техническом сотрудничестве в области топлива и энергии» от 17 июня 1992 г.¹¹ устанавливало сотрудничество в области обмена данными в сфере энергетики, осуществления анализа и разработки рекомендаций в сфере энергетики Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки. Данное соглашение давало возможность обмена технологиями между США и Россией и было выгодным обеим сторонам.

«Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки о воздушном сообщении»¹², принятое 14 января 1994 г. упрощало условия выполнения воздушных перевозок, гарантировало безопасность и эффективность.

«Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки об экспорте огнестрельного оружия и боеприпасов из России в США»¹³, принятое 3 апреля 1996 г., снимало ряд ограничений на импорт в Соединенные Штаты огнестрельного оружия и боеприпасов из Российской Федерации.

Таким образом, межправительственные соглашения были приняты в русле экономической стратегии администрации Б. Клинтона в отношении России, раскрывая конкретные направления курса администрации Б. Клинтона в экономической области. Важность развития экономического сотрудничества между двумя странами подтверждалась и многочисленными конференциями и форумами.

В частности, 9–12 марта 1998 года в США прошла юбилейная сессия российско-американского Межправительственного комитета по экономическому и техническому сотрудничеству¹⁴, а 23–24 июля 1998 года в Москве состоялась рабочая встреча представителя правительства РФ и вице-президента США по укреплению и расширению торгового сотрудничества России и США¹⁵. 17 ноября 1998 года представитель правительства РФ встретился с вице-президентом США на форуме АТЭС в Малайзии по вопросам расширения экономического сотрудничества¹⁶.

Межправительственные форумы и конференции свидетельствовали об активизации экономического сотрудничества между Россией и США. Было установлено более тесное экономическое и технологическое сотрудничество, которое выражалось во временном снятии части таможенных и налоговых ограничений в области торговли и технологического сотрудничества как для США, так и для России.

Администрация США стремилась стимулировать в России процессы экономических преобразований в русле рыночных реформ на базе приватизации государственной собственности и поддержки частного предпринимательства. Эти действия администрации Б. Клинтона не выходили за рамки решения следующих задач:

- обеспечение режима наибольшего благоприятствования для американского экспорта и благоприятного инвестиционного климата для американских предпринимателей;
- поощрение конверсии военного производства как эффективного средства демилитаризации России и устранения конкурента на международном рынке вооружений;
- содействие американскому бизнесу в получении доступа к сырьевым и энергетическим ресурсам России с высоким экспортным потенциалом и в перспективе установление частного контроля над ними;
- эффективное использование механизма антидемпингового законодательства для сдерживания российского сырьевого экспорта, поставок металла, где они могут оказать серьезную конкуренцию на американском рынке;
- противодействие проникновению российских экспортеров сырья, отдельных видов наукоемких товаров и услуг, вооружений на рынки третьих стран, где они могут оказать серьезную конкуренцию американским фирмам;
- сохранение в России крупномасштабного рынка сбыта для американской сельскохозяйственной продукции и продовольственных товаров;
- содействие проникновению и закреплению на российском рынке крупнейших американских промышленных корпораций, связанных с произ-

водством легковых автомобилей, компьютерной и телекоммуникационной техники, средств гигиены и косметики, табачных изделий, безалкогольных напитков, медицинских препаратов;

– активная работа на российском финансовом рынке, рынке ценных бумаг и инвестиционных рынках через отделения американских банков и специальных инвестиционных фондов;

– содействие американскому бизнесу в России (представительства и филиалы транснациональных банков и корпораций, торговые палаты, бизнес-центры, отделения ведущих консалтинговых и юридических фирм, телекоммуникационный сервис)¹⁷.

Таким образом, экономическая стратегия администрации Б. Клинтона в отношении России определялась национальными интересами США, что проявилось в продвижении американских компаний в России. Для США Россия была важна как рынок сбыта, а также как крупный сырьевой источник для роста американской экономики. В стратегии администрации Б. Клинтона неоднократно подчеркивалась идея создания эффективной рыночной экономики для успешного развития американских компаний. Американские политические деятели неоднократно отмечали, что российские компании не являются серьезными конкурентами для американских фирм. Но в то же время, Россия была заинтересована в американских инвестициях, так как состояние российской экономики было крайне тяжелым и без американской помощи России было бы труднее выйти из кризиса. Россия смогла получить не только крупные инвестиционные вложения, но также технологии для развития собственной производственной базы.

В заключение хотелось бы отметить, что, несмотря на особое внимание США к российскому рынку, американский капитал не являлся основным в экономике России. В большей степени в российскую экономику инвестировала Германия, вложив около 5710 млрд долл. на момент 1999 года¹⁸. США находились лишь на втором месте в общем объеме инвестиций в российскую экономику. Это позволяет сделать вывод о том, что в оценках американских политиков и экономистов роль США в экономике России была несколько преувеличена.

1. Клинтон Б. Моя жизнь. М.: АСТ-ПРЕСС, 2005. С. 287.

2. Там же.

3. U.S. Government Assistance to and Cooperative Activities with Eurasia. Russia. 1993. P. 81 // [Электронный ресурс]: <http://www.state.gov/p/eur/rls/rpt/eurasiafy93/index.htm> (дата обращения: 21.01.2014 г.).

4. Ibid. P. 94.

5. Ibid. P. 84.

6. Олбрайт М. Госпожа госсекретарь. Мемуары Мадлен Олбрайт. М.: Альпина Паблишер. 2004. С. 94.

7. Clinton Proposals Seek Political Middle Ground // The New York Times, April 20, 1998 // [Электронный ресурс]: <http://www.nytimes.com/1998/04/20/us/the-1998-campaign-economic-policy-clinton-proposals-see-political-middle-groundFBill+clinton+ecomics> (дата обращения: 10.04.2014 г.).

8. Вознесенская Н.Н. Иностранные инвестиции: Россия и мировой опыт. М.: Инфра-М, 2001. С. 38.
9. U.S. Government Assistance to and Cooperative Activities with Eurasia. Russia. 1999. Op.cit. P. 60.
10. Freedom for Russia and Emerging Eurasian Democracies and Open Markets Support Act of 07.04.1994 // Bill Summary & Status for the 102nd Congress, - 1992 // [Электронный ресурс]: <http://www.4uth.gov.ua/usa/english/laws/majorlaw/pl102-51.htm> (дата обращения: 09.04.2014 г.).
11. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки о научно-техническом сотрудничестве в области топлива и энергии от 17.06.1992 // Бизнес и власть // [Электронный ресурс]: <http://www.lawmix.ru/abrolaw/13544> (дата обращения: 30.03.2014 г.).
12. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки о воздушном сообщении // Бизнес и власть // [Электронный ресурс]: <http://www.lawmix.ru/abrolaw/12280> (дата обращения: 30.03. 2014 г.).
13. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки об экспорте огнестрельного оружия и боеприпасов из России в США от 03.04.1996 // Бизнес и власть // [Электронный ресурс]: <http://www.lawmix.ru/abrolaw/10831> (дата обращения: 30.03.2014 г.).
14. Письмо Минфина РФ от 26.05.1998 №11-01.08/239 «О замечаниях по проекту распоряжения Правительства РФ по итогам 10 сессии Межправительственной Российско-Американской комиссии по экономическому и технологическому сотрудничеству // Бизнес и власть // [Электронный ресурс]: <http://www.lawmix.ru/expertlaw/215102> (дата обращения: 30.03.2014 г.).
15. Совместное заявление сопредседателей Российско-американской комиссии по экономическому и технологическому сотрудничеству // МИД РФ // [Электронный ресурс]: http://www.mid.ru/bdomp/dip_vest.nsf/99b2ddc4f717c733c32567370042ee43/d1146d5ad187e341c32568890029bb54!OpenDocument (дата обращения: 30.03.2014 г.).
16. АТЭС–Азиатско-Тихоокеанское сотрудничество: информ.-аналитич. материалы. М.: Внешэкономбанк, 1999. С.25.
17. U.S. Government Assistance to and Cooperative Activities with Eurasia. Russia. 1999. Op.cit. P. 52.
18. Внешние инвестиции в российскую экономику в 1990-1999 годы: динамика и тенденции // Федеральная служба государственной статистики // [Электронный ресурс]: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/icstatistics/incomparisons/USA+Russia/1999 (дата обращения: 30.03.2014 г.).

О.Г. Горбунова
Курский государственный университет,
аспирант

РАЗВИТИЕ АМЕРИКАНО-АФГАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРИОД 1990–2000-х гг.

Отношения между двумя странами – США и Афганистаном представляют сегодня большой интерес для исследователей. Это связано в первую очередь с возросшей угрозой террористических актов, вызывающих опасения не только у США, но и практических у всех государств земного шара. Афганистан в списке – стран пособников терроризма находится практически на

первом месте. Именно под эгидой борьбы с международным терроризмом на территории Афганистана начались и продолжаются до сих пор военные действия. В данной статье предпринята попытка установить, какие события и проблемы в экономической, политической и общественной жизни США и Афганистана привели к состоянию войны между этими государствами. В основу исследования в качестве источников положены ресурсы Internet, а именно материалы на официальном сайте Россия 1 – <http://www.vesti7.ru/new>, материалы и документы на официальном сайте новостей <http://lenta.ru>, материалы и документы на официальном сайте Афганистана – <http://www.afghanistan.ru>, также современные исследования по названной теме. Хронологические рамки работы охватывают период с конца 1991 г., а точнее после распада СССР, до начала 2000-х – то есть до окончания второго срока правления в США президента Билла Клинтона. Важная роль в исследовании уделяется режиму талибов, так как основные рассматриваемые события приходится на период Исламского эмирата Афганистан, просуществовавшего с 1996 по 2001 г.

Насколько неоднозначным и категоричным было отношение американского правительства к проблемам Афганистана, и в частности к возникновению движения «Талибан», позже отнесенного к числу террористических организаций? Всегда ли Америка выступала против талибов и видела в них угрозу безопасности США? Рассмотрение этих и других вопросов позволит проследить эволюцию взглядов США на проблему образования и развития движения «Талибан».

После распада СССР начинается процесс передела сфер влияния. Одними из таких «сфер» становятся Средняя Азия (Киргизия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан) и Ближний Восток (Иран, Пакистан и Афганистан)¹. На территории данных регионов встретились интересы целого ряда стран, таких как США, Саудовская Аравия и Аргентина. Из полезных ископаемых на территории Средней Азии наиболее важны нефть и природный газ. Имеются также запасы руд чёрных, цветных, благородных металлов, урана, ртути, сурьмы.

Некоторые исследователи (в частности Ахмед Рашид, журналист-международник и автор работ по проблемам Афганистана) выделяют 2 этапа борьбы за строительство газопровода между конкурирующими нефтяными компаниями США, Аргентины и Саудовской Аравии:

- 1) 1994–1996 гг. (до захвата талибами власти в Кабуле);
- 2) 1997–1999 гг. (до требований США выдать Усаму бен Ладена).

На наш взгляд, таких этапов можно выделить 3.

1. 1992–1996 гг. – период переговоров, попытки Аргентины и США (после 1995 г.) договориться с противоборствующими силами Афганистана о прокладке по территории страны газопровода.

2. 1996–1998 гг. – период установления отношений с новым правительством Афганистана – талибами, поддержка талибов Соединенными Штатами Америки, Саудовской Аравией и Аргентиной.

3. 1998–2000 гг. – коренное изменение отношений между Афганистаном и вышеуказанными государствами в связи с терактами в Кении и Танзании (1998 г.), сотрудничеством талибов с Усамой бен Ладеном, что привело к введению США экономических санкций в отношении талибов.

В дальнейшем мы попытаемся обосновать каждый из выделенных этапов.

Стоит отметить, что именно Аргентина в лице нефтегазовой компании «Bridas» в январе 1992 года получила месторождение Яшлар в восточном Туркменистане, поблизости от афганской границы и к северо-востоку от большого Довлетабадского газового месторождения, открытого еще при СССР. Через год, в феврале 1993 года, «Bridas» получила участок Кеймир на западе страны, возле Каспийского моря. Будучи первым и единственным претендентом, «Bridas» добилась отличных условий – раздел прибыли в пропорции 50 на 50 по Яшлару и 75 на 25 (в пользу «Bridas») по Кеймиру². Президент компании Карлос Бульгерони сумел не только заключить выгодные для себя контракты с президентом Туркменистана Сапармуратом Ниязовым, но и заручиться его дружбой и поддержкой в продвижении идеи строительства газопровода в Афганистан через Пакистан. Уже через несколько месяцев «Bridas» заручилась поддержкой пакистанского правительства во главе с Беназир Бхутто, которое со своей стороны обязалось навести порядок в Афганистане. И действительно, весной 1992 года в Пешаваре представителями противоборствующих афганских организаций было достигнуто соглашение об урегулировании ситуации в стране. Однако уже в августе пешаварские договоренности утратили всякое значение и бои в Афганистане вспыхнули с новой силой. То был подготовительный этап вступления в борьбу за среднеазиатские энергоресурсы конкурентов «Bridas» – американской нефтегазовой компании «UNOCAL International Energy Ventures, Ltd» и саудовской «Delta Oil Company». Стоит отметить, что к моменту вступления в борьбу за строительство газопровода американцев и саудовцев (1995 г.) положение аргентинской компании уже пошатнулось. На наш взгляд, это связано с нестабильной ситуацией в регионе, а также с попытками президента Туркменистана пересмотреть условия соглашения с «Bridas». Были достигнуты договоренности между Карлосом Бульгерони и лидером Афганистана Бурхануддином Раббани о строительстве и эксплуатации газопровода силами Bridas и международного консорциума, который будет ею создан, сроком на тридцать лет. Эти соглашения нельзя назвать прочными в связи с тем, что государство Афганистан находилось в состоянии затяжной гражданской войны и правительство могло смениться (что и произошло в сентябре 1996 г.). Кроме того в состав консорциума аргентинцы пригласили американскую компанию UNOCAL и саудовскую компанию «Delta Oil Company», которые имели опыт разработок полезных ископаемых в Азии³. Таким образом, компания «Bridas» отошла на второй план в разработке идеи строительства газопровода, и на первые роли выходят США. Следовательно, первый этап борьбы за разработку ресурсов региона, длившийся 4 года (1992 – сентябрь 1996 гг.) Аргентина

проиграла. С установлением в Афганистане власти талибов начинается новый виток борьбы за строительство газопровода.

Еще в мае 1996 года представители «Bridas» пытались установить контакты с талибами, однако безуспешно. В конце сентября того же года талибы захватили Кабул, а 1-го октября вице-президент UNOCAL Крис Таггерт сделал сенсационное заявление, в котором приветствовал победу движения «Талибан», означавшую, по его словам, начало новой эпохи стабильности экономического процветания Афганистана⁴. Однако затем быстро отказался от своего заявления. Смысл этого был очевиден. США рассматривали «Талибан» как наилучшее орудие для обеспечения стабильности, необходимой для реализации проекта UNOCAL, но не были готовы публично поддержать новый режим до тех пор, пока его контроль не станет неоспоримым⁵. Кроме того, Госдепартамент США поддержал талибов на саммите ООН в ноябре 1996 г⁶. Выступая на закрытой сессии, США пояснили: «Талибан» контролирует более двух третей страны, его представители являются афганцами, они – местные, они демонстрируют выдержку. Действительным источником их успеха была готовность многих афганцев, особенно пуштунов, молчаливо обменять бесконечную войну и хаос на усилия по обеспечению мира и безопасности, даже при наличии суровых социальных ограничений. Не в интересах Афганистана или кого-либо из нас изолировать “Талибан”»⁷.

Таким образом, можно сделать вывод, что США предприняли попытку закрепиться в регионе, оказав поддержку новому правительству Афганистана – движению «Талибан». Новое правительство Афганистана активно пользовалось такой поддержкой, пытаясь получить от «войны» «Bridas» и UNOCAL как можно больше выгоды. Так, на территории, контролируемой талибами, появилась школа по обучению слесарей-водопроводчиков, электриков и плотников, необходимых для строительства трубопровода американской компании. В ноябре 1997 года делегация «Талибана» с почестями принималась UNOCAL в Хьюстоне, штат Техас. В ходе этого визита представители талибов встречались с официальными представителями Госдепартамента⁸.

Необходимо отметить, что кроме аргентинской и американской компаний, в борьбе за строительство газопровода принимала участие и саудовская компания Delta. Саудовская Аравия параллельно с США оказывала поддержку молодому афганскому правительству. Сначала UNOCAL побуждала Delta, у которой были прочные связи среди талибов, привлечь и другие афганские фракции к сотрудничеству. Вместо того чтобы поручить это кому-нибудь из уважаемых саудовских арабов, Delta наняла для работы с афганцами непопулярного среди талибов американца Чарльза Сантоса. Когда Delta взяла его на работу, Сантосу уже никто не доверял и все афганские лидеры испытывали к нему глубокую антипатию. Позднее, когда Сантос не достиг никаких результатов, несмотря на многократные поездки в страну, UNOCAL признала свое решение ошибкой.

По мере того как из-за неспособности Delta склонить афганцев на свою сторону напряжение в отношениях между UNOCAL и Delta росло, UNOCAL создала собст-

венную команду экспертов по Афганистану. Таким образом, можно сделать вывод, что садовская компания была привлечена США с целью использования полезных связей в рядах талибов, а также в надежде, что, заручившись поддержкой крупной нефтяной компании, американцы сумеют добиться успеха в строительстве газопровода и одержат стратегическую победу над аргентинской компанией «Bridas». Очевидно, что сотрудничество этих двух государств не принесло необходимого результата и уже на этом этапе борьбы за разработку полезных ископаемых саудовская компания начала отступать на второй план.

Талибское правительство не рассматривалось мировым сообществом как легитимное, за исключением Саудовской Аравии, Пакистана и Объединенных Арабских Эмиратов, официально объявивших о признании нового кабульского руководства в мае 1997 года. Эти государства в большей или меньшей степени оказывали Афганистану финансовую поддержку. Пакистан продолжал финансовую поддержку талибов и снабжал их оружием. Отношения между «Талибаном» и Саудовской Аравией, которая первоначально оказывала движению помощь, значительно ухудшились после того, как талибы стали ассоциироваться с именем бен Ладена, с начала 1990-х годов конфликтовавшим с саудовской королевской семьей; в 1998 году саудовско-талибские отношения были и вовсе заморожены⁹. Стоит сказать, что Усама бен Ладен начал сотрудничество с талибами еще до того, как движение захватило Кабул. Известно, что незадолго до наступления на Кабул бен Ладен пожертвовал на нужды движения «Талибан» три миллиона долларов. Эти деньги были использованы для подкупа некоторых правительственных чиновников и полевых командиров, принимавших участие в обороне Кабула¹⁰.

Отчасти личность Усамы бен Ладена и его воздействие на талибов оказало влияние на политику и мировоззрение нового афганского правительства. Однако роль этого человека в истории движения «Талибан» не стоит преувеличивать. Лидеры талибов и Усама бен Ладен мыслили в одном ключе в отношении религии и ее роли в жизни государства, необходимости очищения ислама от влияния Запада. Но цели они преследовали разные: для талибов важным было объединение страны под знаменем ислама, признание государства другими странами, тогда как Усама бен Ладен делал ставку на террористические методы в борьбе с США.

Следует сказать, что бен Ладен находился под наблюдением у США задолго до прихода к власти талибов, после взрыва в Эр-Рияде, возле Центра Национальной гвардии Саудовской Аравии 13 ноября 1995 г. Жертвами теракта стали 6 человек, из них 4 американцев. Расследование выявило причастность к этому теракту боевиков «Аль-Каиды»¹¹. После этих событий, а также заявлений самого Усамы бен Ладен о том, что взрывы продолжатся в 1996, в ЦРУ была создана специальная единица чиновников («единица Бен Ладена»), чтобы проанализировать разведку, полученную о бен Ладене и операциях по плану против него. Именно эта единица сначала поняла, что бен Ладен был больше, чем просто финансистом, спонсирующим террори-

стические акции, но лидером глобальной сети, базирующейся в Афганистане. Учитывая эти результаты, СНБ предложил Госдепартаменту «уделять больше внимания» Афганистану и его правительству – движению «Талибан», получавшему финансирование от бен Ладена¹².

Сам бен Ладен в начале 1997 г. дал интервью пакистанскому журналисту Хамиду Миру, в котором он пояснил свою позицию в отношении США. В ходе шестичасового интервью Усама бен Ладен заявил, что он теперь понял, что СССР и Россия не были угрозой для мусульман, поскольку настоящий враг мусульман – Соединенные Штаты. Он сказал, что США – враг для всех, кто пытается соревноваться с ними в экономике или политике. «Это новая империалистическая сила, – по словам бен Ладена, – которая хочет контролировать весь мир». Американцы, по мнению террориста, очень успешно использовали мусульман против СССР, а сейчас они хотят использовать их против Китая, поскольку Китай – новая угроза для США¹³.

Стоит отметить, что такая позиция Усамы бен Ладена была привнесена в «благоприятную» афганскую среду. Выступая в качестве «борца за очищение веры», бен Ладен завоевал большую популярность среди талибов. Ведь своей основной задачей «Талибан» провозгласил установление духовно чистого исламского государства. На контролируемых движением территориях были запрещены телевидение, кино, запуск воздушных змеев (популярное среди афганцев развлечение) и музыка, за исключением религиозных песен. Женщин значительно ограничили в правах: в большинстве случаев они не могли появляться на улице без сопровождения мужчин, не могли в полной мере пользоваться системой здравоохранения и работать, а девочки были лишены права на обучение. Мужчины были обязаны растить и носить бороды (по меньшей мере длиной с кулак), в противном случае их не брали на работу, а тех, кто сбривал бороды, сажали в тюрьму и держали там до тех пор, пока их борода не отрастала снова. Талибы жестоко наказывали преступников: в частности, в талибском государстве практиковались публичные казни. В стране появилось специальное «министерство охраны добродетели и предотвращения порока»¹⁴.

Кроме влияния террориста Усамы бен Ладена на «умы» талибов и коренного изменения внутренней политики на почве радикального ислама, на изменение американского отношения к молодому афганскому правительству повлияли и другие факторы. Одним из них является отсутствие талибами полного контроля над всей территории Афганистана. Захватив столицу – Кабул, талибы фактически стали правительством южных, а точнее пуштунских провинций, в то время как населенный таджиками, хазарейцами, туркменами, узбеками и другими народностями север страны, отказывался подчиняться «Талибану», что не раз приводило к кровопролитным столкновениям¹⁵.

Одно из сражений, а именно захват крупнейшего северного города Мазари-Шарифа в мае 1997 года, могло привести к тяжелым последствиям для правительства США. После захвата города талибы попытались навязать свои религиозные и социальные порядки враждебно настроенному и подозритель-

но относящемуся к ним населению, состоящему из узбеков, таджиков и шиитов-хазарейцев. Действия талибов спровоцировали восстание, в ходе которого в городе в острой схватке было убито около 600 талибских боевиков. В последующие два месяца «Талибан» отступал на северных фронтах, что стало его самым крупным военным поражением. Мазари-Шариф был не просто военной неудачей. «Талибан» произвел перегруппировку, в августе 1998 года захватил этот город снова, безжалостно убив тысячи шиитов-хазарейцев – мужчин, женщин и детей – и почти спровоцировал войну с Ираном, убив 11 иранских официальных лиц и журналиста.

Однако события мая 1997 года показали глубокую враждебность не пуштунов к «Талибану». Это означало, что гражданская война будет неизбежно продолжаться, и, даже если «Талибан» достигнет успеха во взятии опорных пунктов оппозиции на севере, перспектива возникновения новых восстаний и продолжение политической нестабильности остается весьма вероятной¹⁶.

После этих событий в Вашингтоне было принято несколько ключевых решений. В июле 1997 года администрация Клинтона внезапно резко развернула свою политику на 180 градусов. В ноябре 1997 года Госсекретарь США Мадлен Олбрайт в ходе визита в Пакистан назвала политику «Талибана» по отношению к женщинам «презренной» и резко предупредила Пакистан, что он рискует оказаться в международной изоляции. Вашингтон начал оказывать давление на Пакистан из-за участия «Талибана» в торговле героином и роста опасности «исламского терроризма»¹⁷.

Коренным поворотным моментом в отношениях между Афганистаном и Америкой стали теракты в Кении и Танзании. 7 августа 1998 г. практически одновременно мощные взрывы потрясли фешенебельные кварталы Дар-эс-Салама (столицы Танзании) и Найроби (столицы Кении). Были взорваны начиненные взрывчаткой машины рядом со зданиями посольств США в этих городах. В результате погибли 242 человека, среди которых были 12 граждан США, более 5 тыс. человек получили ранения. Проведенное расследование показало, что теракт организовали боевики Усамы бен-Ладена¹⁸. В ответ на эти теракты американское правительство нанесло ракетный удар в окрестностях города Хост на северо-востоке Афганистана. Этот удар ставил своей целью наказать движение «Талибан» за помощь международному терроризму и за отказ выдать Усаму бен-Ладена¹⁹.

Лидером талибов Муллой Омаром это было оценено как беззастенчивое проявление враждебного отношения к народу Афганистана. В условиях такой международной напряженности вопрос о строительстве газопровода отошел на второй план и в последующем проект был приостановлен. Саудовская Аравия, как говорилось выше, разорвала отношения с талибами, а Аргентинская компания «Bridas» погрязла в судебных разбирательствах с правительством Туркменистана и фактически вышла из борьбы. Таким образом, США остались единственным государством, продолжившим «сотрудничество» с Афганистаном. События в Кении и Танзании завершили второй этап

борьбы за строительство газопровода и перевели отношения между государствами в новое русло.

Уже в конце 1998 г. стало очевидно, что вопрос о строительстве компанией UNOCAL газопровода будет заморожен. На наш взгляд, это связано с рядом факторов: падением мировых цен на нефть, сильно ударившим по нефтяной отрасли, позицией талибов в отношении женского населения (уничжительное отношение к женщинам активно осуждалось американскими феминистками)²⁰, действия бен Ладена, непрекращающиеся боевые действия на территории Афганистана. Также на отношения между государствами повлиял и тот факт, что талибы отказались поддержать проект UNOCAL и пойти на компромисс со своими противниками²¹.

6 июля 1999 года президент США Билл Клинтон подписал указ, в наказание за поддержку бин Ладена запретивший торговлю с талибскими властями и заморозивший талибские средства в США. В октябре 1999 года Совет безопасности ООН потребовал выдать Осаму бен Ладена и наложил на движение талибов санкции, которые были усилены дополнительной резолюцией в декабре 2000 года. В результате были заморожены зарубежные финансовые средства движения, ограничено передвижение членов «Талибана» за границей и запрещены поставки оружия движению. Само талибское руководство, однако, с самого начала настаивало на том, чтобы США предоставили ему свидетельства виновности Бен Ладана, после чего последний мог бы быть осужден на территории Афганистана²².

Таким образом, на протяжении 90-х гг. XX в. отношения между двумя государствами США и Афганистаном развивались крайне неоднозначно: от попыток сотрудничества до полного разрыва отношений и наложения санкций на Исламский эмират Афганистан. Отношения между государствами начинались с попытки создать экономическое сотрудничество. В процессе развития этих отношений США столкнулись с многими проблемами. Отсутствие централизованной власти на всей территории Афганистана, неспособности талибов подчинить себе всю территорию страны, жесткость нового режима талибов, преобладание в политике религиозного фактора, слабые экономические партнеры и пособничество терроризму (имеется в виду отношения талибов с У. Бен Ладаном).

Стоит отметить, что и сами США действовали непоследовательно, не имели четкого плана действий и руководствовались принципами, явно ущемляющими интересы партнеров по бизнесу – Аргентины и Саудовской Аравии. Таким образом, отношения между Афганистаном и США от партнерских перешли к враждебным за короткий период времени. План по строительству газопровода по территории Афганистана так и не был реализован, а отношения между двумя государствами в дальнейшем продолжили ухудшаться.

1. Википедия // [Электронный ресурс]: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 18.02.2014 г.).

2. А. Рашид Талибан: Ислам, нефть, и новая Большая игра в Центральной Азии // [Электронный ресурс]: <http://www.coollib.net> (дата обращения: 12.02.2014 г.).
3. Там же.
4. Фальков М. Афганский ящик Пандоры // [Электронный ресурс]: <http://www.agentura.ru> (дата обращения: 19.10.2013 г.).
5. Талибан, США и ресурсы Центральной Азии // [Электронный ресурс]: <http://www.analitika.org.ru> (дата обращения: 15.11.2013 г.).
6. Афганистан: начало неземной войны // [Электронный ресурс]: <http://vesti7.ru/archive/news> (дата обращения: 13.10.2013 г.).
7. Талибан, США и ресурсы Центральной Азии.
8. Там же.
9. Талибан. Исламистские объединения, действующие в Афганистане и Пакистане // [Электронный ресурс]: <http://lenta.ru> (дата обращения: 12.10.2013 г.).
10. Фальков М. Афганский ящик Пандоры.
11. Кожушко Е.П. Современный терроризм: Анализ основных направлений / под общ. ред. А.Е. Тараса. Минск.: Харвест, 2000. С. 306.
12. Талибан, США и ресурсы Центральной Азии.
13. Афганистан: начало неземной войны.
14. Талибан. Исламистские объединения, действующие в Афганистане и Пакистане.
15. Линия Дюранда: 60 лет без мира // [Электронный ресурс]: <http://www.afghanistan.ru> (дата обращения: 19.11.2013 г.).
16. Талибан, США и ресурсы Центральной Азии.
17. Там же.
18. Кожушко Е.П. Современный терроризм: Анализ основных направлений. С. 313.
19. Там же. С. 317.
20. А. Рашид Указ. соч.
21. Там же.
22. Талибан. Исламистские объединения, действующие в Афганистане и Пакистане.

Ю.И. Веревкина
Курский институт менеджмента, экономики и бизнеса,
преподаватель

ПОДХОДЫ ЗАПАДНОЙ ДИПЛОМАТИИ В ОТНОШЕНИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ (2000–2010 гг.)

Отношения Запада и Белоруссии по содержанию во многом напоминают логику взаимодействия между странами капитализма и социалистическим лагерем времен «холодной войны». Расценивая установившуюся в республике систему власти как «авторитарную диктатуру», Запад с определенного времени в отношении Белоруссии стал придерживаться принципа «избирательного взаимодействия», отдавая предпочтение развитию связей с негосударственным сектором республики. С точки зрения западной дипломатии, это должно было подвигнуть политическое руководство страны к серьезным переменам. Однако на деле политика с позиции силы способствовала эскалации напряженности в отношениях Запада с официальным Минском и в целом привела к снижению уровня межгосударственного взаимодействия.

В настоящем докладе анализируется опыт взаимодействия Запада* и Белоруссии начала XXI века, который, несмотря на очевидную практическую значимость его изучения, пока недостаточно исследован. При этом, где это было необходимо, нами предпринимался экскурс в практику взаимоотношений Запада и Белоруссии 1990-х гг.

В целом, в последнее время о нормализации отношений с западным миром представители белорусского государства заявляют как о важнейшей внешнеполитической задаче. В свою очередь на Западе, прежде всего в Европе, также звучат призывы снятия напряженности в отношениях с Белоруссией, развития с этим государством сотрудничества по целому ряду направлений. Симптоматично и то, что белорусская проблема в рассматриваемый период неоднократно становилась предметом широких обсуждений правящих кругов Запада, чего не наблюдалось в 1990-е гг., когда господствовало мнение о том, что республика является сферой интересов России и потеряна для «европейского сообщества». Этот подход во многом базировался на том суждении, что «европейская идентичность белорусского государства подавлена советским наследием и текущим режимом»¹.

Активизация усилий западного сообщества решить пресловутый «белорусский вопрос» в новом тысячелетии происходила в силу целого ряда факторов. Прежде всего, изменилась политическая ситуация в самой Европе. После расширения ЕС в 2004 г. возникла проблема общих границ. Программа «Европейская политика добрососедства» (далее ЕПД) для 13 стран Средиземноморского бассейна и Восточной Европы, предполагавшая реализацию дифференцированного подхода к столь разным в социокультурном и политическом отношении странам, разрабатывалась именно в контексте политики расширения. И, хотя программа в полной мере не была распространена на белорусское государство в силу существовавшей там системы власти, как об этом высказывались европейские чиновники, данная инициатива, тем не менее, сыграла свою роль. Не менее серьезным фактором, побуждавшим западный мир к активным действиям, являлись известные события в Украине, где к власти в ходе «оранжевой революции» смогли прийти прозападно настроенные политики.

Таким образом, под влиянием разворачивавшихся в Европе процессов мнение о том, что Запад, в сущности, очень мало может сделать, чтобы изменить ситуацию в Белоруссии, стало вытесняться другим – «режим личной власти Лукашенко может быть свергнут в результате создания широкой демократической коалиции». Поэтому исключительно важное внимание западная дипломатия стала уделять гражданскому обществу Белоруссии и в особенности оппозиционным силам. Однако их состояние в тот период нельзя было признать удовлетворительным. Исследователь И.С. Борзова справедливо отмечала: «...многочисленные оппозиционные партии действовали разрозненно, и даже между оппозиционными движениями с близкими про-

* В данном случае под Западом мы понимаем ЕС и США.

граммными установками отсутствовало взаимопонимание, стремление к объединению усилий и поиску компромисса; крупные партии неоднократно дробились, образуя гораздо менее авторитетные мелкие партии»². Чтобы превратить белорусскую оппозицию в реальную политическую силу, на которую можно было бы опереться внутри страны, Запад стал оказывать ей значительное финансовое содействие. Европейские органы власти через представительство ТАСИС только в период 2000–2003 гг. реализовали в республике две программы помощи гражданскому обществу общим объемом 5 млн евро³. Кроме того, финансирование оппозиции осуществлялось и непосредственно через программу ТАСИС, целью которой с самого начала было объявлено содействие процессу перехода к рыночной экономике и демократии в странах Восточной Европы, Южного Кавказа и Центральной Азии. В целом, с 2005 г. наблюдался рост объемов оказываемой Западом помощи негосударственному сектору республики. Так, ЕС пошел на увеличение ассигнований с 10 млн евро ежегодно до 12 млн евро в 2005 и 2006 гг.⁴.

Говоря о белорусской политике Запада, следует отметить, что она в рассматриваемый период претерпевала изменения и находилась в зависимости от тенденций политического развития самой Белоруссии. Так, итоги парламентских выборов 2004 г., а также президентской кампании 2006 г. заставили европейских политиков скорректировать практиковавшиеся подходы. При общей установке на использование «дипломатии принуждения», включавшей целый пакет санкций экономического и политического характера, европейские политики приходят к осознанию необходимости использовать более гибкие инструменты во взаимоотношениях с простыми гражданами республики. Эта тенденция наиболее рельефно проявилась осенью 2006 г., когда был представлен документ под названием «Что Европейский Союз мог бы дать Беларуси?»*. Кроме декларировавшегося желания развивать с Белоруссией партнерские отношения, документ содержал положения, касающиеся преимуществ программ ЕПД, на которые белорусский народ мог бы рассчитывать в случае, если бы власти республики согласились на демократизацию политической системы страны.

На заседаниях Европейской комиссии обсуждался вопрос, как при попытках уменьшить изоляцию белорусского общества не допустить ситуацию, при которой европейское сообщество признает режим личной власти президента Лукашенко. После долгих обсуждений было решено взять за основу взаимоотношений с белорусским государством принцип выборочного, или «секторного сотрудничества»⁵. С этой целью Европейской комиссией было одобрено выделение 20 млн евро на период 2007–2010 гг., которые планировалось направить на решение наиболее важных социально-экономических задач республики, включая действия по уменьшению последствий черно-

* Русскоязычный вариант документа можно найти на http://openbelarus-pl.ucoz.ru/what_EU_could_bring_to_Belarus_rus.pdf (дата обращения: 15.11.2013 г.).

быльской катастрофы, а также развитие демократии и «хорошего управления»⁶.

В последующем, вплоть до президентских выборов 2010 г., отношения ЕС и Белоруссии развивались достаточно интенсивно: были разработаны и стали реализовываться тематические программы сотрудничества – Европейский инструмент содействия демократии и прав человека (EDIHR), Европейский инструмент технической помощи и обмена информацией (TALEX), программа борьбы с нелегальной миграцией (AENEAS)⁷. Кроме того, весной 2008 г. в Минске было открыто Представительство Европейского Союза, которое получило статус дипломатической миссии. Все это, безусловно, знаменовало собой начало нового, более либерального этапа во взаимоотношениях Минска и Брюсселя.

США, свою очередь, не имея какой-либо существенной заинтересованности в расширении диалога с республикой, в отличие от Европы, продолжали придерживаться консервативного взгляда, считая «дипломатию принуждения» наиболее эффективной стратегией. В ноябре 2007 г. американское руководство пошло на замораживание находящихся под юрисдикцией США счетов белорусского предприятия «Белнефтехим» и его представительств в Германии, Латвии, Украине, России, Китае, что серьезно осложнило финансовое положение Белоруссии. Когда в 2008 г. встал вопрос о пересмотре ЕПД и на уровне Европейской Комиссии происходило обсуждение возможных сценариев восстановления полноценных отношений с Белоруссией, США заняли непримиримую позицию, доказывая невозможность распространения каких-либо программ сотрудничества без существенных реформ с ее стороны.

Конечно, диалог Запада и Белоруссии по-прежнему отличается высокой степенью конфликтности. Этому способствует целый ряд факторов: сохраняющийся режим личной власти президента А.Г. Лукашенко, специфическая модель экономического развития, а также участие республики в восточных интеграционных проектах. Тем не менее в самом белорусском государстве на уровне общественного сознания происходят очень важные изменения, которые при стечении определенного рода обстоятельств могут быть использованы внешними силами для изменения политической ситуации в стране. Белоруссия с геополитической точки зрения располагает серьезными преимуществами, в борьбу за использование которых Запад уже включился. И, несмотря на проявившуюся в рассматриваемый период разницу подходов, западная дипломатия демонстрирует общность стратегических целей в отношении республики, добиваясь изменения выбранных белорусским руководством внутренних и внешнеполитических ориентиров.

1. Davidonis R. The Challenge of Belarus, and European Responses // Institute for Security Studies Western European Union. 2001. July. P. 14.

2. Борзова И.С. Белорусская демократическая оппозиция 90-х гг. XX – начала XXI века // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 4. Т. 1 (Гум. науки). С.74.

3. Программы помощи Европейского Союза и сотрудничество Беларуси с ЕС. 2009 // [Электронный ресурс]: http://eeas.europa.eu/delegations/belarus/documents/more_info/eu_belarusian_cooperation_programme_ru.pdf.
4. Там же.
5. European Commission (Европейская комиссия) Belarus: ENPI Country Strategy Paper 2007–2013 & National Indicative Programme 2007-2010 (Белоруссия: Европейский инструмент соседства и партнёрства. Стратегический документ на 2007–2013 гг. и Национальная ориентировочная программа на 2007–2010 гг.) // [Электронный ресурс]: http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/country/enpi_csp_nip_belarus_en.pdf.
6. Там же
7. ЕС – Беларусь: горизонты сотрудничества // Евробюллетень. 2008. № 1. С. 7.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии.....	3
Материалы пленарного заседания.....	4
<i>Балашов А.А.</i> Восточные славяне и Хазарский каганат: проблема контактов по данным письменных источников.....	4
<i>Волкова А.И.</i> Столичные литературно-общественные журналы первой половины XIX века.....	10
<i>Проконова Т.В.</i> Советско-американские отношения в годы президентства Г. Гувера (1929–1932 гг.).....	17
<i>Аргунов О.Н.</i> Основные аспекты восстановления сельского хозяйства Курской области за период с 1943 по 1953 г.....	24
Секция I. История России.....	36
<i>Абакумова Е.А.</i> Социальная организация донских казаков в XVII веке.....	36
<i>Сердюков Н.Н.</i> Изменение численности населения Суджанских сел Черкасское Поречное и Русское Поречное в первой половине XIX века.....	39
<i>Машикова А.С.</i> Дипломатическая «дуэль» Александра I и Наполеона: историко-психологический аспект.....	42
<i>Сахаров А.В.</i> Начало устройства судоходства по реке Сейм: подготовка и первые трудности.....	51
<i>Савчук А.С.</i> Генезис закона о земских участковых начальниках.....	54
<i>Жигулин Е.П.</i> Электрификация Курского отделения Московской железной дороги.....	59
<i>Петраков Ю.С.</i> Крестьяне Ямской слободы города Старого Оскола по сведениям сельскохозяйственного обследования 1911 г.....	64
<i>Чубаров А.И.</i> Организация лечения участников Первой мировой войны на территории Курской губернии.....	68
<i>Сычева Д.Р.</i> Роль советских женщин – деятелей науки и культуры в достижении победы в Великой Отечественной войне.....	74
Секция II. Археология.....	80
<i>Алиев Т.М.</i> История изучения курганных памятников на территории Белгородской области.....	80
<i>Исаева Е.А.</i> Вклад И.И. Ляпушкина в изучение древностей раннего железного века.....	83
<i>Кабанов Д.О.</i> История изучения памятников раннего железного века в Курском Посеймье.....	86
<i>Лукина Е.В.</i> Металлические украшения из курганов скифского времени в лесостепном Подонье.....	91
<i>Меркулов А.Н., Родионов А.М.</i> К вопросу о технологии изготовления изделий из кости и рога у скифоидного населения лесостепного Подонья (по данным поселенческих памятников).....	94

<i>Дервянко А.В.</i> К вопросу о миграциях роксоланов по данным античной традиции.....	98
<i>Костылёва А.А.</i> Типология комплексов с захоронениями животных на поселениях салтово-маяцкой культуры.....	101
<i>Скребцова В.В.</i> История археологических изысканий на территории современной Белгородской области до 1917 года.....	108
Список сокращений.....	113
Секция III. Всеобщая история.....	114
<i>Тринёва О.С.</i> Правовая культура и правосознание женщин ранней Византии.....	114
<i>Кочеров Д.Г.</i> Даосы глазами конфуцианцев (на примере произведений Цзи Юня и Юань Мэя).....	118
<i>Востриков П.В.</i> Особенности выборов в колониальной Виргинии.....	121
<i>Гофман А.В.</i> Роль США на Версальской мирной конференции.....	124
<i>Птицына К.В.</i> Советско-вьетнамское сотрудничество в сфере науки и образования в 1955–1975 гг.....	128
<i>Рязанцев А.В.</i> Патрули Desoto и события августа 1964 года в Тонкинском заливе.....	133
<i>Андреев М.В.</i> Экономическая стратегия администрации Б. Клинтона в отношении России.....	140
<i>Горбунова О.Г.</i> Развитие американо-афганских отношений в период 1990–2000-х гг.....	145
<i>Верёвкина Ю.И.</i> Подходы западной дипломатии в отношении Республики Беларусь (2000–2010 гг.).....	153
Содержание.....	158

Научное издание

Исторические чтения – 2014

**Материалы научной конференции
с международным участием
(22–24 апреля 2014 г.)**

Редактор
И.Н. Никитина
Дизайн обложки
М.А. Гусаров

Лицензия ИД № 06248 от 21.11.2001 г.
Подписано в печать 9.10.2014 г. Формат 60х84/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 10,0. Тираж 100 Заказ 2696

Курский государственный университет
305000, г. Курск, ул. Радищева, 33

Отпечатано в лаборатории информационно-методического обеспечения
Курского государственного университета